

Илья Бриз

Каких-то пять минут будущего

Аннотация

У Дениса не просто интуиция, а Интуиция. Он знает и предугадывает ВСЁ. Почти как "Золотой человек" Ф. Дика или как герой фильма "Пророк" по этой книге (Крис Джонсон (Николас Кейдж) способен видеть варианты будущего для себя и окружающих его людей на две минуты вперед). Но к чему это приводит? Сначала к добыванию денег (попутно убирая с дороги и убивая плохих людей), а потом...

Каких-то пять минут будущего

Илья Бриз

Глава 1

Удар, еще удар. Достаточно легко блокирую, каждый раз отскакивая. А вот его следующий удар мой слабенький блок пробьет. Делаю вид, что испугался. Он не успеет понять, что я его не боюсь. Он слишком мало меня знает. Прыжок назад, к бетонной стене. Откуда я знаю, что ноги встанут на единственное свободное место, где нет мусора в этом захламленном подвале? Черт, сам себе до сих пор удивляюсь! Он прыгает на меня, еле удерживается на попавшейся под ноги рессоре и все-таки бьет. От такого мощного удара пудового кулака невозможно уклониться. Невозможно, если заранее не знать точно, когда конкретно и в какое место удар последует. Но, я-то ЗНАЮ! Мышцы уже давно готовы. Время тянется медленно, тягуче. Голову влево, влево! Мягкая кожа его перчатки чуть задевает мою правую щеку. Он рефлекторно пытается повернуть руку — ошибка: кулак врежется в стену за моей спиной. Гул бетона значительно тише, чем хруст сломанных костей запястья — плата за попытку доворота кулака. Все, теперь он мой! Я его уже сделал! Даже не имеет значения его большая на полсотни килограммов масса. Но он-то этого еще не понимает! Попытка удара левой по моим яйцам. Очередная ошибка с его стороны. Я ведь маленький и легкий. И, главное, я ЗНАЮ когда, куда и как он ударит. Спокойно успеваю, опершись обеими руками о его бьющую, пропустить кулак между ног и, буквально запрыгнув на его предплечье, наношу хороший такой тычок ботинком теперь уже по его яйцам. Долг платежом красен! Не знаю, будут ли у него теперь дети, но на женщин несколько месяцев он без содрогания смотреть не сможет, это факт. Хотя... А будет ли он вообще жить после сегодняшнего нападения на меня? Вот этого я не только не решил, но еще и НЕ ЗНАЮ.

Он сложился пополам и лег. А ведь крутой мужик! Явно настоящий профи. И как я против него эти две минуты продержался?! О, уже головой крутит, глазами лупает, меня ищет. Очень быстро в себя пришел.

— Ты кто? — еще и вопросы задает.

— Дед Пихто. Много будешь знать, скоро состаришься. А вот ты, дяденька, откуда будешь? И кто тебя послал?

Он долго смотрел на меня, баюкая сломанное запястье. А ведь от последнего удара уже отошел! Все-таки слабак я по таким ударам. Еще учиться и учиться.

— Ну что, в гляделки играть будем? Зовут-то тебя, дяденька как? И тут откуда нарисовался?

Ух, как он на меня зло смотрит! Еще бы, восемнадцатилетний на вид мальчишка уделал профессионала. Если бы знал, что на самом деле мне всего шестнадцать, вообще бы охренел.

— Виктором кличут. А вот ты кто такой?

Не врёт. Это я ЗНАЮ. Ну, раз он говорит правду...

— Денисом родители назвали. И зачем же ты, дяденька Витя, за мной пошел?

Я спрашивал, и уже ЗНАЛ. Чертово ЧУВСТВО. Совершенно непонятно, когда оно работает.

— Да вот разглядел, как ты моего клиента бомбанул.

А ведь чувствовал я, что кто-то меня видит. Того типа я делал уже во второй раз. ЗНАЛ, что он сволочь и грабил. Сегодня он подъехал к бирже с толстенным портфелем, а вышел с худеньким. Значит, приличную сумму на баксы или еврики поменял. Первый удар ледяным шариком из рогатки разбил боковое стекло машины. Тип немедленно тормознул с крутым заносом и получил вторым шариком в висок. В поднявшейся суматохе я тихонько стащил портфель. Теперь он тощий валялся в начале подвала, где я его бросил перед махаловкой. Успею еще проверить, сколько там. Но что мне с этим Виктором сейчас делать? На мокруху как-то идти не хочется. Ну, не тот он, кого мочить надо.

— Ты, дяденька, жить хочешь?

— Даже так? — что интересно, особого испуга в нем не видно.

— А ты как думал? Мне что-то отвечать за твоего сволочного нанимателя никак не хочется. А ты ведь это дело на тормозах спускать не будешь. Не тот у тебя характер.

Он опять внимательно посмотрел мне прямо в глаза и начал ворочаться, пытаясь подняться. Я напрягся, понял, что у него ствол под курткой, и шагнул вперед. Виктор замер, неудобно сидя на грязном полу.

— Ты уже убивал?

Что-то у нас весь разговор из одних вопросов состоит. Попробуем, как дед говорил, разнообразить.

— Нет. И начинать с тебя не хочется. Но вот как нам разойтись, не представляю.

Хуже того, я этого даже НЕ ЗНАЛ!

— Кто тебе, Денис, сказал, что мой клиент сволочь?

Хочет оттянуть время? И вдруг, я многое понял. ЗНАНИЕ пришло само. Этот дядька сам все знает про своего нанимателя. Знает, что он гад, каких мало. Более того, Виктор сам искал способ, как уконтропупить того типа. И за мной охранник гоняться не будет. Отпустит вместе с портфелем. Я протянул ему руку и помог встать. Ух, какой же он тяжелый. А с виду и не скажешь.

— Прилично тебе влетит, что меня упустил?

— С работы вылечу. Ерунда. На много ты Прохорова наказал?

Ага, значит у того типа Прохоров фамилия.

— Еще не знаю, не смотрел. Но вот он теперь долго никого уже не накажет.

Вот это я точно ЗНАЛ в тот момент, когда ледяной окатыш ударил типа в висок.

— Даже так?

В его глазах было удивление и — нет, не радость — удовлетворение.

Неожиданно сам для себя я продиктовал Виктору номер своего сотового.

— Вылечишься, позвони. Кажется, нам есть о чем поговорить. Иди, давай. Вон как рука опухает.

В портфеле оказалось три с половиной пачки купюр по пятьсот евриков. В районе ста семидесяти тыщ. Скусно. Предыдущие пару акций дали копейки. Неопытный я еще грабитель. Я перекидал валюту в свою сумку, тщательно протер портфель и засунул его в кучу грязи. Мы с Настюхой теперь проживем! Если, соответственно, я не засвечусь. Постараемся жить скромнее. Глядишь, подруга школу окончит, а я за это время поступлю и окончу Рязанское училище ВДВ. Все равно другой дороги для себя не вижу. Вот только на кого Настеньку оставить? Тетка — это несерьезно. Ладно, будет день и будет пища, как отец говорил. А сейчас надо тот комбинезончик купить. У подруги слюнки давно текут. Вот обрадуется-то!

Дядя Витя позвонил через три недели. Запястье до конца он еще не вылечил, но гипс уже сняли. Он протянул мне руку, как взрослому, но предупредил:

— Ты только поосторожнее. А то я просто не представляю теперь, что от тебя еще ожидать.

Мы сидели в какой-то кафешке, я тянул очередной стакан сока, он кофе и рассказывал о себе и том типе. Обычная история нашего времени. Было два друга. Вместе росли и вместе бесились. Оба закончили то самое Рязанское училище ВДВ, в которое я сейчас сам стремлюсь. Служба разнесла их в разные стороны, но они встретились в Чечне. А потом один погиб. Погиб из-за элементарного предательства. Бывают такие случаи, когда всем все понятно, но доказать ничего нельзя. Виктор меланхолично помешивал ложечкой в полупустой чашечке и, под какую-то дурную мелодию из орущего телевизора, говорил, а в глазах его была боль. Как я понял, капитан-спецназовец последние годы постепенно зверел от того, что творилось в нашей стране. Подлецы зарабатывают бешеные деньги и с успехом лезут во власть. Он чем-то очень походил на моего погибшего отца. Такой же прямой, и — как бы это выразиться? — ему за державу обидно. В общем, год назад он прилично выпил, когда жена без объяснения причин подала на развод, и послал какого-то начальника в дальнюю дорогу пешком эротическим маршрутом. Начальник оказался злопамятным, пообещал дяде Вите словами из известной песни Высоцкого "Никогда ты не будешь майором" и настоял на увольнении. Капитан долго не думал и написал заявление. А на гражданке случайно нарвался на Прохорова. И, неожиданно для самого себя, решил им заняться. Пусть нет в мире справедливости, но Сашка-друг гниет в земле, а этот гад процветает. Тип дядю Витю не знал, и устроиться к нему в охрану с его-то послужным списком не представляло особой сложности.

— Вот и вся история. Нас в машине сопровождения трое было. Тебя, парень, заметил только я. А вот как ты меня умудрился сделать — до сих пор не понимаю. Почему в живых оставил, да еще телефон дал... Колись, Денис. Очень уж заинтриговал.

И что я ему могу рассказать? Откуда у меня берется ЗНАНИЕ? Ну, уж нет! Да, я ЗНАЮ, что он не предаст, но...

— А я иногда бываю, как дед говорил, жутко везучим. Вот только это мое везение...

Мне передалось его пасмурное настроение, и я выложил дяде Вите все про свою семью. Как родители погибли, и дед через полгода умер. Двоюродная тетка взяла опеку, но у нее самой ничего не было. Работает кассиром в магазине, зарплата маленькая. С нами жить не желает, да и мы не хотим. Кем я хочу стать по примеру отца, рассказывать не стал.

За окном забегаловки все так же падал весенний мокрый снег, а он смотрел на меня и хмурился.

Все на свете имеет свою цену. Независимость в школе тоже. Не было у меня друзей. Странные у меня складывались отношения со сверстниками. Я почему-то значительно больше знал и умел, чем другие ребята в нашем выпускном классе. И общаться мне с ними было не очень интересно. Почему? Черт его знает. Больше начитан? Возможно. Когда я был еще совсем маленький, родители попытались сделать из меня вундеркинда. Читать я научился в пять лет. И тут же "забурился" в дедову библиотеку. Помимо дикого количества научных трудов по медицине и фармакологии там хватало и художественной литературы. В том числе и "Тарзан, приемыш обезьян" Берроуза. На него в том возрасте у меня ушло почти полгода. Потом был Киплинг. Любимый детский мультфильм "Маугли", как же ты отличаешься от первоисточника! Еще несколько лет я осваивал всякие приключения — от "Айвенго" Вальтера Скотта до огромного наследия Дюма. Вот интересно, герои Фенимора Купера меня не особо привлекали, а Драйзера и Джека Лондона — завораживали. А когда позже я

нарвался на Ремарка... Совершенно другой мир. Современные авторы меня почему-то совсем не интересовали. Разве что — про войну. Ну и, конечно, фантастика! Стал ли я романтиком? Вот это вряд ли. Мне было-то тогда лет двенадцать всего. Да и сейчас я в этом ни хрена не понимаю. А вот разобрать и собрать почти любое оружие — легко!

Как-то раз тогда отец внял моим уговорам и взял с собой на стрельбище. Синяк на плече я заработал приличный. Отдача, черт ее побери! Оказывается — стрелять, это не только лег, прицелился и потянул спусковой крючок. Снарядить магазин патронами для моих еще слабых в том возрасте рук оказалось достаточно сложным делом. Но я справился! Затвор на "Калаше" я передергивал аж двумя руками, уперев приклад в тощий живот. Правильно стрелять я учился достаточно долго. Особенно из пистолетов. Причем из тяжелых целиться оказалось проще. Отец же в редкое свободное время учил меня боевому самбо и дзюдо. Я тогда еще не понимал, что задача стоит не победить противника, а, в первую очередь, выйти из боя целым самому. Выйти, готовым к следующему бою. Не то, что не понимал, еще не ЗНАЛ.

Дед, когда врачи уже опустили руки — ну не лечится эта болезнь в таком возрасте — позвал меня и рассказал, где спрятаны те шприц-ампулы и весь архив проекта.

— И попробуй понять, что это средство последнего шанса, когда не остается никаких надежд вообще.

Я гладил его по ссохшейся морщинистой руке, а он говорил и говорил.

— Мы начали эту разработку еще в конце семидесятых. Понимаешь, Денис, есть люди, которым везет больше, чем другим. Одни выигрывают в карты, другие опаздывают на самолет, который потом терпит катастрофу. Третьи... часто вытягивают счастливые лотерейные билетки. Тема? "Немотивированное проявление интуиции". Вот так вот начальство закрутило. Какое оно, к чертям, немотивированное?! Мы перекопали горы материала, сделали сотни тысяч анализов, пока не выявилась хоть какая-то зависимость. Потом десятки лет подбора ингредиентов. Но состав получился смертельным. Девятнадцать из двадцати лабораторных мышек умирали немедленно. Выжившие... Они проходили лабиринт с первого раза, как ни переставляй перегородки. Сыра им скормили столько... А на человеке так и не успели проверить. Союз рухнул, финансирование прекратилось. Направление посчитали абсолютно бесперспективным. Действует эта штука только на мозг. Или мгновенная смерть, или станешь счастливым.

Н-да, счастья мне ЗНАНИЕ явно не прибавило. Особенно когда я нашел спрятанные на даче папины бумаги, когда стало ясно, что моих родителей убили, что это не простая автокатастрофа... Какие же они все сволочи, эти власть имущие! А потом...

— Нэт, малчик, эта дача построена на мои дэнги. Твой отэц одолжил их у мэня. Поэтому я завтра приду с дядэй нотарыусом и ты и твоя тотя подпышэтэ всё бумаги.

Мой папа одалживал у этого, который только что слез с дерева? Было бы смешно, но почему-то хотелось плакать. Я-то ладно, а вот Настена... Должно же хоть что-то достаться ей от родителей?

Угораздило же меня оказаться одним из двадцати! Препарат дает везение? А вот фиг вам! ЗНАНИЕ! И всего на пять минут в будущее. Не всегда, а только тогда, когда прижмет. Каких-то пять минут... Зато оно, это ЗНАНИЕ, поистине всеобъемлющее. Врет человек или режет правду-матку? Обиделся или поверил? Того грузина я развел на карты. Он, оказывается, еще и шулером был. Ох, и били его тогда... Дурак! Нашел, кого в свидетели брать.

Виктор появился только через четыре месяца. Но, с очень неприятной информацией. Прохоров выздоровел и занялся наркотиками.

— Мы должны его остановить!

— С чего вдруг? Ну, да, у тебя с ним личные счета, а я-то здесь при чем?

Он посмотрел на меня довольно осуждающе. И с хорошо заметным сожалением. Меня жалеет или себя?

— Такое ощущение, что тебе не шестнадцать лет, а все шестьдесят.

— Мне уже говорили, что сироты быстро взрослеют. Вероятно, я не стал исключением из правила.

— Ты хочешь, чтобы таких как ты и твоя сестра стало больше?

Н-да. Вот этим он меня уел. И мама, и папа, и, в конце концов, дед всегда говорили, что основой всех поступков нормального человека должна быть этика. Нравственная сторона обязана превалировать над материальной. Если бы я хоть что-то в этом понимал! Родители так всегда поступали и... погибли в результате. Дед? Он ведь так и не закончил свое дело, не успел... А я сейчас, если не помогу Виктору, предам их память. Ну, и на хрена тогда жить?

Я рассказал ему все. Вообще все, кроме источника препарата и его наличия. Вероятность, что дядя Витя окажется одним из двадцати, слишком мизерная, а я не хочу терять такого друга. Друга? Вот те на! А ведь я действительно ЗНАЮ, что Виктор мне друг. Друг, который никогда не подставит, не предаст и не подведет.

Удар, еще удар и я лечу на траву. В последний момент знание все-таки включается, и я успеваю сжаться и кувырком прокатываюсь пару метров. Если бы не сгруппировался, то, наверняка, руку в кровь изодрал бы.

— Опять? — Виктор буквально вздергивает меня с земли.

— Угу, — уныло отвечаю, — ну не получается у меня.

— Тренируйся! — это его "тренируйся" мне скоро сниться будет! — утром проснулся — пробуй! Днем образовалась пауза на пару минут — заставляй себя. Вечером, когда уже в постель лег — опять пробуй! Пока ты не научишься включать и выключать это свое знание в необходимый момент, даже когда никакой опасности не предвидится, я тебя ни на какую операцию не возьму.

Виктор долго не хотел верить в мое ЗНАНИЕ.

— Ну, не может такого быть и все! Потому, что быть не может.

Вот изрекатель избитых истин нашелся! Мы вместе долго думали, как на сто процентов проверить и доказать мои возможности. Ведь ОНО включается только в опасных для меня ситуациях. В стрессовых. Как его смоделировать, чтобы я при этом и цел остался, и все-таки доказать? Возможно, я чему-то от деда научился, так как идея была моя. Боль, она ведь того, тоже в стресс вгоняет. Током меня в детстве несколько раз хорошо шандарахнуло. Ощущения незабываемые! Откуда Виктор притащил эту древнюю подрывную машинку? Два провода примотанные скотчем на левую руку, и я сижу привязанный к стулу. Дядя Витя сидит с этой машинкой сзади меня. Несколько тумблеров можно переключить так, что на подключенные ко мне провода ток не пойдет. Он крутит эту машинку и, перед тем как нажать кнопку, спрашивает. Я должен сказать, какой из тумблеров перекинуть, чтобы меня не дернуло. Ожог почти неделю на руке заживал, но я не только доказал Виктору, но и почти гарантированно научился включать себя в этот гадский режим. Надо только хорошо напрячься и готово! Нельзя сказать, что это очень приятное ощущение. Скорее наоборот. Становишься каким-то роботом. Сразу начинаешь замечать то, на что раньше и внимания не обратил бы. Вон шляпка гвоздя из крашеной доски вылезла. А ведь Настена сюда тоже иногда заглядывает. Может зацепиться и поцарапаться, или одежду порвать. В голове сразу открывается какая-то ячейка и туда откладывается команда забить этот гвоздь. Уже ЗНАЮ, что не забуду. С этим дурным ощущением я давно знаком. Когда того шулера на карты разводил и играл, то голова работала как вычислительная машина: "рано ставку поднимать", "ждать", "хватит, он сам сейчас переберет". В Прохорова из рогатки я тогда целился: "чуть выше и левее", "готовность", "огонь". Еще не отпустив тугую резинку, я уже ЗНАЛ, что попаду. Дурное чувство, но соображать помогает здорово. Когда на экзамене по математике

мне задали дополнительный вопрос, то я чуть холодным потом не покрылся, пока оно не включилось. А потом мгновенно все вспомнил, вплоть до четкой формулировки в учебнике. Н-да, включить теперь могу почти по заказу, а вот заблокировать... Виктор абсолютно прав — пока это чувство работает, я не могу научиться ничему новому. Не могу совершенствоваться. Вот и сейчас я не успел сам правильно сгруппироваться и пошел на поводу у чувства. А если оно не включится в нужный момент?

— Ты хоть понимаешь, что ты у нас уникум, которым рисковать нельзя? Нельзя тебя на мелочи использовать. Только на серьезные дела.

— Дядя Витя, а что ты понимаешь под серьезным делом?

— Ну, — он на секунду задумался, — сделать так чтобы, такие как этот Прохоров, не были хозяевами жизни.

Во! Сказал, как пернул. А еще взрослый называется!

— Революцию делать будем? — я уже откровенно насмехаюсь над ним.

Вот теперь он задумался уже по-настоящему. Впрочем, долго думать он, похоже, не любил. Почесал затылок и сказал:

— Знаешь, Денис, а ведь ты прав. Не гожусь я в руководители. Чему-то научить тебя, конечно, смогу. Спланировать операцию-другую — тоже. Правильно провести — легко справлюсь. Оперативник я неплохой. Это все признавали. А, по большому счету, на большее-то я не способен. Нам нужен нормальный руководитель.

— Руководитель для чего? Ну, уконтропупим мы этого Прохорова. А потом? В училище ты уговорил меня не поступать. В армию меня не возьмут, так как я с восемнадцати буду опекуном сестры. Но что-то делать ведь мне надо. Работать дворником или охранником — не интересно. Учиться? На кого?

Он помолчал, задумчиво глядя на меня.

— Есть у меня один знакомый. В Чечне пересекались по одному делу. Он, кстати, из конторы. А вот можно ли ему довериться на все сто, я не знаю, — Виктор вдруг с надеждой взглянул мне в глаза, — слушай, а может ты попробуешь проверить его?

— Как?

— Ну, — он усмехнулся, — так же, как меня проверил.

— Драться с ним? — не въехал сначала я, — причем, на полном серьезе? Иначе, может не получится.

— Зачем? — дядя Витя посмотрел на меня с интересом, как бы прикидывая, справлюсь ли я с фээсбэшником, — просто пойди в разговоре с ним на конфликт. Я, если что-то пойдет не так, прикрою.

Тихая уютная кафешка. Вот только довольно дорогая. Столики стоят достаточно далеко друг от друга, чтобы можно было спокойно разговаривать под какой-то негромкий бесконечный блюз, доносящийся из колонок стереосистемы.

Виктор с этим Вадимом Федоровичем сидели уже минут двадцать, когда я подвалил, уселся на свободный стул и нагло спросил, вытаскивая меню из-под руки конторского:

— Не помешаю?

Он с интересом оголодавшего волка посмотрел на меня.

— Свободных мест разве не хватает? А, вообще-то, сначала принято здороваться, — он чуть напрягся.

— Здравсте, — я не сказал, а как бы сплюнул и тут же попробовал включиться.

Дядя Витя перехватил его руку, а я...

Первое, что я понял, когда заработал этот чертов режим, что этот человек очень несчастен. Несчастен и, в то же время, имеет сильную волю. Довольно умен и... потерял веру в жизнь. Живет, потому что так надо. А вот верить ему можно. Такой не предаст. Успокаивающий кивок Виктору.

— Уже? — удивился он.

— Да, гарантирую, — я опять кивнул и повернул голову к Вадиму Федоровичу, — Извините и здравствуйте. Мы сейчас все объясним.

Мужчина мгновенно расслабился.

— Здравствуйте, молодой человек, — усмехнулся он, опять оценивающе глядя на меня. Только теперь это был взгляд не голодного волка, а слона на москву.

— Вот из-за этого парня мне и надо было встретиться с тобой, — сказал Виктор.

— Даже так? И что же в этом молодом человеке такого особенного?

— Меня Денисом зовут, — сообщил я, — вы разрешите, я все же закажу? Запахи тут достаточно приятные.

— Заказывайте, — он протянул руку и представился.

— Очень приятно, — ответил я дежурным вежливым приветствием и углубился в меню, предоставив Виктору начать рассказывать.

Готовили здесь достаточно быстро. Я спокойно умял довольно острые охотничьи колбаски с жареной картошкой и присосался к высокому стакану с виноградным соком, а дядя Витя все излагал нашу историю. Правда, с некоторыми вариациями. Мол, просто дар у меня такой. Вадим Федорович не перебивал, курил и периодически бросал на меня все более и более заинтересованный взгляд.

— Это можно проверить? — спросил он, когда дядя Витя замолчал.

Я попробовал, но оно не включилось. Мой виноватый взгляд объяснил Виктору все.

— Конечно можно, Вадим, но не сейчас, не сию секунду. Эта возможность Дениса, она..., - он запнулся, — его дар не очень легко управляется. Почти гарантированно работает в стрессовых ситуациях, а принудительно — не всегда.

Дядя Витя замолчал, а этот Вадим Федорович стал с интересом разглядывать меня. Ну и взгляд! Как рентгеном насквозь. Я чуть соком не подавился.

— Как, говоришь, твоя фамилия, Стрельников?

— Да, — подтвердил я кивая.

Он немного задумался, а потом спросил: — Денис Александрович твой дед?

Я опять кивнул.

— Дар? — он усмехнулся, — ну-ну, а мне почему-то кажется, что результат работы сверхсекретного проекта "Шулер", научным руководителем которого был профессор Стрельников.

И что я теперь ему должен говорить? Оставшиеся ампулы и документы все равно не отдам! Несколько минут мы просидели молча. Вадим Федорович как-то язвительно улыбался, курил, дядя Витя прятал глаза, а я тянул мгновенно опостылевший сок и нагло глядел на фээсбэшника. Ну, наконец-то! Включилось ЗНАНИЕ! Просто надо было обозлиться. Прав Виктор — тренироваться и еще раз тренироваться! Этот Федорович не будет от меня ничего требовать, не надо ему ничего. Он очень разочарован в жизни и, в то же время, жуткий циник, но, в глубине души, романтик. Я и не знал, что такие люди бывают. Что-то такое у него в жизни было, что сначала сломало его, но он поднялся вновь, но уже совершенно другим человеком. Интересно все-таки, что с этим относительно молодым подполковником произошло? Но я уже понимаю, что он никогда не скажет. Подполковник и до того был профессионалом до мозга костей, а после трагедии... Трагедии? Да, только так и никак иначе о том, что с ним случилось, он и думает. А нам с дядей Витей этот Федорович поможет. Даже не просто поможет, ему по-настоящему интересно это дело!

— Э, нет! Прежде чем строить какие-то планы, мы, во-первых, должны понять чего мы хотим добиться, во-вторых, что конкретно у нас для этого есть и что еще требуется, — Вадим Федорович после вчерашнего знакомства был совершенно другим. Серьезным и каким-то дружелюбным, что ли, — но, для начала, давайте досконально разберемся с нашим

основным ресурсом — возможностями нашего молодого друга.

— А что во мне разбираться? — не понял я, — просто чувствую.

— Что конкретно?

— Ну, знаю, что..., - а, действительно, что я чувствую, когда режим ЗНАНИЯ работает? Раньше я почему-то на эту тему не задумывался, — точно понимаю, кто хороший, а кто — плохой. Кто предаст, а кто нет.

— На сто процентов? — Вадим Федорович опять посмотрел на меня вчерашним рентгеновским взглядом.

— Ну, да. То есть о ком-то я знаю, что вот сейчас он намерен быть честным, но если будет какая-то сложная ситуация, то он может и сломаться. У другого есть своя червоточинка... Ну, не знаю, как правильно объяснить. Вот Виктор..., - я посмотрел прямо в глаза друга, — вот ты скорее сам плашмя ляжешь, но не выдашь. Вы, Вадим Федорович..., - я перенес взгляд на фээсбэшника. Он, в отличие от дяди Вити, даже не напрягся, — вы... А вам терять нечего! Станный вы какой-то, но именно на сто процентов надежный.

— Терять мне нечего? Даже так? — он как-то горько усмехнулся и замолчал.

Мы сидели, иногда переглядываясь, и ничего не говорили. Вот интересно. Вчера я ЗНАНИЕ включал с большим трудом. Сегодня... Включаю и выключаю в любой момент, как два пальца об асфальт...

— Ладно, — прервал тишину комитетчик, — вернемся к нашим баранам. То есть ты, Денис, не столько знаешь будущее, сколько понимаешь конкретного человека. Так?

— Наверное, — не совсем уверенно ответил я. И чего он ко мне прицепился? У нас что, это главная проблема?

— Наверное — меня не устраивает. Пойми, Денис, мы не в детские игры собрались играть. Если хоть кто-нибудь чужой узнает о нас... Не только о тебе, но и о нашем близком знакомстве. В общем, или мы вынуждены будем его зачистить, или зачистят нас. Соберись! Детство давно закончилось. Еще раз вдумайся. Мы обязаны понять действие этого твоего чувства, — во, говорит, как гвозди молотком вколачивает!

А действительно, что я чувствую в этот момент? Включаюсь! Легко получилось. Нет, я не знаю будущее, я его высчитываю по косвенной информации. Взять тот же первый бой с дядей Витей. Он боевик-профи. На первый взгляд это можно и не заметить, но если вникнуть... Особая пластика движений, подсознательная готовность ударить немедленно, как только появится возможность, до полного автоматизма натренированное тело. То бишь, основа моего знания — интуиция¹! Но ни в коем случае не немотивированная, как бы ни обозвали тему дедовой работы в конторе. Во, а ведь Федорыч сейчас об этом и долдонит. Ладно, выключусь и послушаю.

— Я поднял те документы, до которых мне удалось добраться в закрытом архиве ФСБ. Курировало работу наше территориальное управление КГБ. Проект "Шулер". Тема "Немотивированное проявление интуиции. Возможности предельного развития". Сначала нам необходимо понять, что такое интуиция вообще. Психологи называют ее шестым чувством, экстрасенсы — третьим глазом, священники — ангелом-хранителем. Но никто точно не знает, что же такое интуиция, откуда она появляется и как работает, — ну, прямо лекцию читает! Как наш учитель математики в школе, — научного объяснения интуиции до сих пор нет. Одни утверждают, что наше подсознание уже в курсе, как будет протекать то или иное событие, и оно прорывается в сознание как предположение. Другие заявляют, что наши предчувствия строятся на информации, которую мозг извлекает из наших жестов, мимики и так далее. Третьи говорят, что наши предположения воплощаются в реальность только потому, что мы сами этого ждали и, пусть даже на подсознательном уровне,

¹ Интуиция (позднелат. лат. intuitio — созерцание (составные лат. in — в, внутри; лат. tui — мочь, немочь), ты, тебе; лат. ti(tum) — после, затем, потом), от лат. intueor — пристально смотрю), способность чувствовать уже имеющиеся логические цепочки связанной информации, касающиеся нужного вопроса, и таким образом моментально находить ответ на любой вопрос.

выстраивали цепочку от догадки к материализации события. Еще одна гипотеза заключается в том, что наше сознание ловит в окружающем мире совпадения, сопоставляет похожие ситуации, это и есть ключ к предсказаниям. Так это или нет, но шестое чувство по-прежнему остается способностью человека постигать истину без всякого обоснования, без всяких доказательств и логики.

— Не-а, — прервал я Федоровича, — строго наоборот. Только логика и ничего больше. Подсознательное просчитывание всех возможных вариантов развития событий на основе уже имеющейся информации. Нам ведь только кажется, что этой информации мало. На самом деле она, как правило, прилично избыточна. Мы просто не научились правильно отбирать необходимые факты и просчитывать их. Дед именно так говорил, а ему я верю.

Бу-бух! Больно же! Я валяюсь на траве и медленно, но упорно прихожу в себя. Удалось не включить режим, но как же все-таки больно! Избивают, как боксерскую грушу. Они теперь вдвоем за меня принялись. Вот влип, так влип! За что мне это все? Оно мне надо? А ведь, по большому счету, именно мне и надо! Мне, Настене и всему моему поколению. Если мы хотим жить в нормальной стране, а не в этом дерьме. Трясу головой и потираю левую щеку. Под глазом набухает хороший синяк. Нет, я, конечно, прекрасно понимаю, что пока режим включен мне ничему новому в боевых искусствах не научиться. Даже прогресс определенный имеется с тех пор, как я научился ЗНАНИЕ в себе давить. Но, спрашивается, как я с таким фингалом сегодня вечером с Нинкой встречусь? Мы же на танцы собирались.

— Ну что, очухался? Вставай, — подает дядя Витя мне руку.

— Кажется, — я поднимаюсь, продолжая держаться за свое свеженькое украшение.

— Покажи-ка, — Вадим Федорович отводит мою ладонь в сторону, — Красовец! — говорит он, делая ударение на "о". — Ничего, до свадьбы заживет. Так, на сегодня достаточно. Мышцы покачали немного, теперь можно о делах наших скорбных поговорить.

— Почему скорбных? — удивляется дядя Витя, — парень на глазах растет.

Федорович смерил меня взглядом, совсем чуть-чуть поднимая голову, усмехнулся и сказал:

— Ростом-то он действительно уже вымахал, а вот знаний и умений пока явно маловато.

Ни фиги себе, маловато! Сам же вчера на стрельбище говорил, что такой скоростной снайперской стрельбы из двух стволов он еще не видел. И зачет по методам маскировки в городских условиях я ему же с первого раза сдал.

— Ладно-ладно, — Вадим Федорович поднял руку в успокаивающем жесте, увидев мое возмущение, — не кипятись, кое-что ты уже можешь, но тебе, Денис еще учиться и учиться. Но сейчас разговор не о тебе.

Мы с Виктором сосредоточили свое внимание на подполковнике.

— Поступила информация от агентуры. Через три недели Прохоров закупает громадную партию наркотиков аж на два с половиной миллиона долларов. Где состоится сам обмен, мне должны сообщить завтра. У нас два варианта действий. Можем передать сведения в специальную службу моей конторы, — он ухмыльнулся, — мальчики в клоунских черных шапочках с шумом, со стрельбой что-то захватят, но большая часть продукта и денег в результате уйдет на сторону. Надо все-таки понимать реалии нашей действительности. А можем сами попробовать взять все тихо. "Колеса" — там по предварительным данным должен быть экстази — уничтожим, а деньги нам самим для последующей работы пригодятся. Но вот в этом варианте придется убирать всех.

— Что значит, убирать? — вначале не понял я.

— Физически, — тут же ответил Виктор, — убивать.

— Именно, — подтвердил Федорович, закуривая сигарету, — впрочем, у нас есть время подумать как минимум до завтрашнего вечера. Пока не придет информация о месте

сделки, что-то решать все равно рановато.

Нинка Торопова, красивая девчонка из параллельного потока. Я знал ее класса с восьмого, но мы никогда особо не общались. А вот на выпускном она сама пригласила меня на белый танец. Это уже потом я ее приглашал. Сам не заметил, как мне вдруг стало с ней интересно. Нинка, оказывается, тоже очень любит читать. Хотя, надо признать, вкусы у нас все-таки несколько разные. Она увлекается Стивеном Кингом, а мне Артур Хейли больше нравится.

Восемь дней назад мы впервые поцеловались. Теперь это у нас пройденный этап. Мы даже на танцах целуемся, где потемнее. Я прижимаю ее к себе и чувствую ее плотные небольшие груди на своей. У меня почти сразу встает и приходится отстраняться. Нинка смеется надо мной, но ничего не говорит. А что ей сказать в такой ситуации, я не знаю. Чувство рядом с Нинкой отключается полностью. Не хочет подсказывать. Сколько я ни пытался включить, не получается.

— Дениска, ну хватит, прекрати!

Так, это я руки опустил немного ниже, чем разрешается. А попка у нее круглая и тоже упругая. Нинка вся какая-то упругая. Вроде и не полная, скорее наоборот — худощавая. Но все равно упругая и круглая везде. Нинель тогда на пляже так мне и сказала:

— Ну, чего ты меня всю так разглядываешь?

Я случайно возьми и брякни:

— Понравилась!

— Что конкретно? — потребовала она с некоторым самодовольством.

Конечно, посмотреть на Нинку всегда очень приятно, но что я должен был ответить сейчас? Сиськи, большая попа, бедра и круглые колени, которые так и хочется погладить?

— Ну, ты будешь говорить? — пауза в тот момент слишком затянулась.

— Я как, должен быть честным и перечислить все, что я думаю или обязан оставаться в рамках приличия? — выкрутился кое-как я.

Она расхохоталась на весь пляж и ответила:

— Ладно! Но придет время, и ты должен будешь выложить мне все до последней капли!

Раз девушка сейчас говорит "хватит, прекрати", то, значит, время, увы, еще не пришло. Я поднимаю руки выше на талию и чуть сильнее притягиваю Нинель к себе. Ее грудь опять прижимается ко мне. Она что, сегодня без бюстгалтера? Я чувствую остренькие сосочки через ее платье и свою футболку. Черт! У меня опять встает. Хорошо, что музыка затихла и танец кончился. Заметила в этот раз или нет? По выражению Нинкиного лица ничего понять невозможно. Хитрая она. Хитрая и красивая.

Нинель поворачивает меня лицом к свету и внимательно разглядывает.

— Пошли в фойе. Тебя опять надо припудривать. Твой фонарь снова проявился. И когда ты у меня драться перестанешь?

"У меня"? Дает некоторые надежды! А с другой стороны, ну не буду же я ей все рассказывать? Не дерусь я, а тренируюсь!

Заметил за собой довольно неприятную вещь. Если долго в течение суток держу режим, то потом начинает сильно болеть голова. И вообще общее состояние не очень. Становлюсь каким-то вялым. Анальгин не особо помогает. Пятерчатка — тоже. За несколько дней перепробовал различные таблетки. От деда у меня остались кое-какие знания об элементарной фармакологии. Неплохое действие у седальгина, но ведь он с приличным содержанием кодеина. А наркотики — не мой профиль. Мне достаточно долго вдальблывали

что родители, что дед, что это дорога в никуда. Причем, без возврата. Вывод? Надо продолжать себя усиленно тренировать на быстрое включение режима и немедленное отключение сразу, как только в нем исчезла необходимость. Крепкий кофе тоже хорошо помогает. Я теперь каждое утро начинаю исключительно с большой чашки ароматной "Арабики". Бодрит отлично. Настена попробовала и отказалась:

— Горький же! Нет, я буду пить какаву.

— Какао, — автоматически поправляю я сестренку.

— Денька, ты обещал меня в зоопарк сводить? Когда поедем? — Настена стоит передо мной в своем коротком сарафанчике в обтяжку, уперев руки в бока, — ты меня с подружками-то не отпускаешь!

Вот еще, отпущу я ее одну! Знаю я этих подружек! Полчаса до станции и еще сорок минут до Питера. Кто в электричке попадется — неизвестно. Одиннадцать ей только через месяц исполнится. У меня день рождения седьмого августа, а у Настьки — шестого. Как у родителей так получилось, что у нас разница в возрасте ровно шесть лет без одного дня?

— Ну, давай завтра с утра, — соглашаюсь я, — заодно новый сарафан для дачи купим. Этот тебе уже мал.

— Ура! — кричит довольная сестренка, — а еще нужен новый купальник, туфли, шорты и, может, ты мне еще косметический набор подаришь?

Интересно, что ее больше радует? Зоопарк или тряпки? Я с удовольствием притягиваю Настену к себе и целую в пушистую макушку. Сестру я люблю. Ближе у меня никого нет. Только вот Федорович говорит, что я ее слишком балую. Почему балую? Ведь нужно же девчонке быть нормально одетой? Из своих нарядов она очень быстро вырастает. Интересно, когда я разговариваю с Настенькой, то тоже, как и с Нинкой не могу включить режим ЗНАНИЯ. Здесь-то почему? Дядя Витя, когда я ему про свои проблемы с режимом при общении с Нинель намеками рассказал, задумался. А потом сказал:

— Гормоны это в тебе играют. Подожди лет тридцать-сорок и все будет "авге махт".

Это "все хорошо" по-немецки, что ли? Во, шутник! Не буду я ждать. Мне сейчас кой-чего хочется! Причем, очень хочется! И причем тут гормоны и моя Настена? Сказал он, как в воду пернул!

— Ну, так, Денька, подаришь? — теребит меня сестра.

— Посмотрю на твое поведение, — отвечаю я, усмехаясь, — кто вчера вечером с веревок высохшую одежду убирать не хотел? Кто после ужина играть убежал, не помыв посуду?

— Дениска, ну пожалуйста! Я все буду делать, — канючит сестренка.

— Вот завтра и посмотрим, — оставляю я Настене надежду, — а сейчас дуй под душ и спать.

Она, припрыгивая, убегает, успев напоследок показать мне язык. А ведь спать она не станет. Включит в своей комнате телевизор, звук сделает потише и будет мультики смотреть. Придется мне обязательно зайти и, как всегда, выключить.

Губы — как оладьи, рожа — опухшая от фингалов, но в оставшиеся щелки видеть могу. Хорошо меня отметилили, качественно. Месили ногами все четверо. Школа защиты дяди Вити и подполковника пришлась в самый раз. Как успевал, валяясь на асфальте, прикрывать голову и живот — сам не понимаю. Наука на будущее. Всего-то два глотка джин-тоника. Нинке он чем-то нравится, а мне — до лампочки. Но вот вечернюю головную боль снимает мгновенно. Эти гопники прицепились к нам на танцах. Один хотел пригласить Нинку, но я не разрешил. Она и сама не хотела, но вслух запрет был от меня.

— Пойдем, покурим? — раздалось требование через десять минут. Злопамятные? Скорее дурные.

— Не курю, — холодно отрезал я. Леню мне тогда было их бить.

— Не тяни резину, пошли.

Не отцепятся ведь. Ладно, я кивнул и направился за ним, уверенно сказав Нинель сидеть и ждать, и что все будет нормально. Только вышли на улицу, как подскочили еще трое.

— Он, оказывается, некурящий, — проинформировал своих дружков первый.

— Ничего, — откликнулся другой подонок, усмехаясь во всю рожу, — у нас закурит.

Они перебрасывались словами, делая вид, что меня рядом с ними нет. Мол, чмо какое-то стоит, а я... Я пытался включить режим и с ужасом начинал понимать, что у меня ни хрена не получается. Почему? Вроде и ситуация стрессовая, и натренирован я на врубание ЗНАНИЯ нормально, но не получается, хоть ты тресни!

Не очень-то долго они меня били. Минут, наверное, пять, если не меньше. Так как я молчал и не пытался ответить — не сумасшедший же я, понимаю, что без режима мне против четверых не выстоять — они не очень-то и старались. Напоследок, двое схватили меня, лежащего на грязном заплеванном асфальте, за руки, оторвали ладони прикрывающие лицо от моей головы.

— Ну что, фраерок², говоришь — некурящий? — спросил тот, который вызывал меня на улицу. — Соси, давай! — и сунул мне в разбитые губы дымящийся слюнявый хабарик.

Куда мне было деваться, тем более что четвертый наступил пока еще несильно ногой на мои яйца и недвусмысленно покачивал подошвой?

Какую же огромную ошибку они сделали, заставив меня затянуться! Я, конечно, закашлялся. Распятый на грязном асфальте я кашлял — слезы сами текли из глаз — и... приходил в себя.

Никотин! Почему люди курят? Ведь противно же! И жутко вредно. Добровольно вдыхать в себя дым с канцерогенными смолами — абсурд! Но все равно многие курят. Никотин вызывает кратковременное расширение сосудов головного мозга. Некоторые, в том числе — медики, считают неплохим антистрессовым средством. У меня же... Я наконец-то смог включить ЗНАНИЕ!

Ух, какой я был тогда злой! Как я вывернулся из-под них — сам не заметил. Теперь уже я метелил эту долбаную компашку глупых мудаков от всей души! Откуда силы взялись — не понимаю. Когда ревушая Нинка, которая выскочила на улицу, заметив, что меня слишком долго нет, начала меня оттаскивать от них... Вырублены они были достаточно качественно. Тому, который угрожал мне раздавить яйца, я сломал ногу. Тот же, кто хабарик засовывал, отделался треснувшей челюстью.

Вот так я всего за один вечер узнал, что алкоголь мне категорически противопоказан, а курево... Пачка крепких "Лаки страйк" у меня теперь всегда в кармане.

— Хорош! Знатно тебя отделали! За что? — спросил Вадим Федорович на следующий день, поворачивая и разглядывая меня со всех сторон. — Руки-ноги вроде бы целы. Ну, давай рассказывай.

Дядя Витя ему поддакивал, хотя и глядел на мою заплывшую рожу с некоторым сочувствием.

Пришлось мне в подробностях описать вчерашний вечер. В том числе и мои выводы о действии на меня выпивки и табака.

— А что? Неплохой стимул не пить водку, — улыбнулся подполковник, — а вот сигареты... — задумался он, доставая пачку из кармана, — черт с тобой.

Он закурил и несколько неодобрительно посмотрел, как я достаю свои сигареты. Впрочем, прикурить от своей зажигалки дал. И вообще, я уже не ребенок. Мне почти

² На блатном жаргоне — жених. Но некоторые утверждают, что фраер — это кастрированный баран.

семнадцать лет. Сам могу решать такие вопросы.

— Ладно. Давайте к нашим баранам, — и чего он к этим баранам прицепился? Дурная ведь поговорка.

— К какому выводу пришли? — Федорович был абсолютно спокоен.

— А информация о месте обмена уже есть? — спрашивает дядя Витя, — от того, где сделка происходить будет, тоже многое зависит.

Подполковник молча открывает дипломат и достает свой ноутбук. "Asus" не старой еще модели. Ставит на стол, открывает и нажимает кнопку включения. Потом пару раз проводит пальцем по сенсору под тачпадом. Ага, это у него защита по отпечаткам.

— Вот, — подполковник открыл карту города и указывает кончиком шариковой авторучки на юге Питера. Меняет масштаб, — замороженная стройка жилого дома на улице Пулковской. Вечером еще достаточно светло, хотя белые ночи и кончились. Сторожа, вероятно, зальют водкой по самые уши. Друг другу стороны не очень-то доверяют. Поэтому наверняка по паре снайперов разместят заранее. Ну и сами человек по пять-шесть прикатят на двух машинах от обеих группировок.

— То есть, если работаем сами, то необходимо сначала втихую успокоить стрелков с оптикой? — то ли спрашивает, то ли утверждает Виктор.

— Правильно! — соглашается подполковник.

— Заранее установим камеры или спутник задействуешь?

— Нет, спутник не стоит, — Федорович отрицательно качает головой из стороны в сторону, — меня при большом желании по его заказу можно будет вычислить.

Они что, уже приняли решение? И моего мнения не спросили? Тут я замечаю, что оба молчат и вопросительно смотрят на меня. А я что? Я — как все. У них опыта до жопы. Если думают, что мы втроем справимся с двумя десятками боевиков... Включаю режим. О, так оба сговорились и решили проверить меня?! Хорошо, сейчас я им выдам.

— Виктор Федорович, вы — на организации, руководстве и контроле. Виктор — на подстраховке. Здесь, главное, скорость. Чем быстрее я буду стрелять, тем чище получится.

Хохот на всю комнату! Я вываливаюсь из режима и с опупением наблюдаю, как дядя Витя достает из кармана столик и протягивает подполковнику. Во! Так они на меня еще и поспорили!

Федорович утирает носовым платком слезы и, кажется, теперь намерен вести разговор серьезно.

— Нет, Денис, все будет несколько не так. Координатором у мониторов будешь как раз ты. Задействуешь свое чувство и будешь нами руководить. Руководить и подстраховывать. Мы никак не можем заранее просчитать, кто из них и где будет находиться. Как они будут стоять и контролировать друг друга. Понимаешь, мы идем на довольно приличный риск. Они, эти деятели от мафии, боятся только своих контрагентов. Думают, что у них все куплено, и никто не пронюхает. С другой стороны, — подполковник прервался, достал сигареты и закурил, — с другой стороны их будет не так уж и много. Чем меньше народа непосредственно будет участвовать в сделке, тем, соответственно, меньше вероятность выхода информации на сторону. И вообще, обычно в таких операциях принимают участие только те, кто задействован своим карманом и самые преданные им люди.

Включаю ЗНАНИЕ и думаю. Сейчас надо. Так, значит, максимальная скорость во время операции — залог успеха. Это я правильно определил. А ведь может получиться. И совсем неплохо получиться.

Солнышко, валяние на травке во дворе дачи, ни хрена неделание целых три дня, и смотреть в зеркало на свою рожу можно уже без особых переживаний. Расцветенная всеми цветами радуги она уже не была такой опухшей. А ведь — поделом мне! Зарвался! Почувствовал себя непобедимым. Всего лишь почти семнадцатилетний мальчишка, сдуру

получивший некоторые возможности и не умеющий ими нормально пользоваться. Как сделать, чтобы такого никогда больше не случилось? Очень уж это неприятные ощущения, когда тебя бьют, а ты ничего не можешь сделать и только кипишь от внутренней злобы.

Для начала, как учил дед, надо разбить задачу на составляющие. Первое... Нет, первое — это надо разобраться в самом себе. Что я такое и с чем это едят? А вот фиг им всем, употреблять меня я больше никогда и никому не позволю! Но, все-таки, что я нынче такое? Человек, который может знать недалекое будущее? Нет, это мы уже обсуждали с Федоровичем и дядей Витей. Только точнейший подсознательный расчет всех факторов, которые другим кажутся незначительными и, что более важно, незаметными. А ведь где-то я про такое уже слышал! Читал? Нет, не то. Во, вспомнилось. Видел в старом-старом фильме³. "Человек дождя". Это в нем герой Дастина Хоффмана предугадывал ближайшее будущее подобным образом. Мне что ли пойти в казино попробовать в рулетку поиграть? Во, сорву куш! Надо будет у подполковника спросить. А надо спрашивать? Надо. Если он практически мгновенно расшифровал, откуда взялся мой пресловутый дар, то наверняка найдутся другие конторские, обладающие необходимой информацией и достаточными аналитическими возможностями, чтобы сопоставить два и два. Следовательно, светиться мне в этих казино никак нельзя. А что можно? Работать и еще раз работать! Совсем расслабился. Надо тренировать свои аналитические возможности при чувстве. Сформулируем: "четкое осознание интуитивного потока и мгновенное подключение к нему по запросу". Поехали! Режим...

Глава 2

Все пошло наперекосяк почти сразу. Я сидел в большом салоне автобуса "Мерседес-Спринтер" и переключал вид на мониторах с разных камер, которые дядя Витя и Федорович втихую установили еще неделю тому назад. Сказали, что за один день управились, изображая каких-то строительных инспекторов. Где подполковник стырил этот грузовой вариант автобуса без окон с глухим кузовом, я не знаю. Наверное, в своей конторе. Оборудован внутри этот "Мерс" был здорово. От кофейного автомата до биотуалета. Четыре девятнадцатидюймовых плоских монитора позволяли мне видеть место будущей операции с разных точек одновременно. Дядя Витя с Вадимом Федоровичем хлебнули кофейку и, взяв свои баулы с оружием и другими необходимыми им прибабасами, по очереди отправились на места своего залегания. Они предварительно долго обсуждали все позиции, где должны засесть снайперы обеих сторон, чтобы не занять их, как они выразились, "фишки"⁴.

Я проследил через камеры, как они устроились, и проверил связь.

— "Первый", — это был позывной подполковника, — как слышно?

— "Третий", — так они обозвали меня, — слышу тебя хорошо. Даже слишком громко. Ты там давай потише и не шебуршись особо. Вдруг кто заметит покачивания "Мерседеса".

Дядя Витя тоже посоветовал мне сидеть, как мышке.

Снайперы обеих сторон появились в начале девятого часа вечера. Трое с большими сумками, а один с крупноватым дипломатом. Они подошли почти одновременно с разных сторон и, практически не скрываясь друг от друга, залезли кто на второй этаж этого недостроенного дома, а один, тот что с чемоданчиком-дипломатом, на третий. Основные действующие лица подкатили всего на трех машинах ровно в двадцать два ноль-ноль. Прохоров въехал со своими козлами на большом внедорожнике "Lexus LX 570" в огороженный забором двор следом за легковым "Мерсом" в сто сороковом кузове и

³ Не надо забывать, что Денис родился в самые последние годы двадцатого века, поэтому все, что было до его рождения, для парня — очень далекое прошлое.

⁴ Профессиональный сленг спецназовцев. Место для скрытного наблюдения и/или снайпера.

обшарпанной крытой "Газелью". Высыпали все из автомобилей и, весело поздоровавшись, начали о чем-то болтать.

Вот в этот-то момент я и понял, что все у нас срывается. Этот Прохоров, этот его, якобы случайный, взгляд в сторону жилого дома, который стоял метрах в четырехстах от основного места событий... Включив режим я сразу понял, что этот тип основательно подстраховался. Там в доме в какой-то из квартир сидит еще один снайпер.

— "Первый", "Второй", "Первый", "Второй", — тут же предупредил я своих, — отбой! Слышите? Отбой операции! — и обрисовал ситуацию так, как я ее понимаю.

— Ты этого лишнего стрелка видишь? — немедленно спросил подполковник.

Я еще раз проанализировал ситуацию под режимом.

— Нет. С этого места, — наш "Спринтер" стоял метрах в восьмидесяти от стройки, — не разглядеть. Но точно представляю окно, где тот сидит.

Вадим Федорович думал недолго. Секунд двадцать, наверное.

— Все, значит, действительно, отбой. Сидим тихо и ждем, пока все разъедутся.

Нет, ну как же так? Столько готовились и на тебе! Неужели ничего нельзя сделать? Я заново включил ЗНАНИЕ и отдался ему, полностью расслабившись. Вот оно! Есть работающий вариант!

Содрав с себя стандартную большую гарнитуру, я аккуратно засунул в карман мобильную, дальности которой хватало всего на полтора километра, схватил сумку с приготовленным для меня на всякий случай "Валом"⁵ и выскользнул из нашего "Мерса-Спринтера". Закрыл машину и в беззвучном режиме поставил на сигнализацию. Легкой прогулочной походкой, но достаточно быстро, я двинулся к намеченному заранее месту. Зайдя за одинокий гараж, я вытащил бинокль и осторожно выглянул из-за угла. Заметить меня из действующих лиц мог только тот внеплановый для нас стрелок. Но, наверняка, он не обратил никакого внимания. Ну, шляется какой-то парень. Мало ли какие у него дела? Прохожих, которые могли меня увидеть через проход между двух домов, нет. Из окон жилого дома вряд ли кто сейчас сюда смотрит. Время сериалов. Так, вот он! Разлегся на, судя по всему придвинутом к самому окну столе на седьмом этаже, и зырит через оптический прицел своей снайперской винтовки во двор недостроенного дома. Хорошо, что мои напарники заранее забрались на стройку. Не весь же день он наблюдал за этим местом. Если бы заметил, то сообщил бы по сотовому Прохорову, и сделка не состоялась бы. Включаю режим и просчитываю все поправки. Дальность — шестьсот двадцать метров. Для "Вала" это, конечно, слишком много. Но я уже ЗНАЮ, что попаду. Обязан! Переводчик режима стрельбы на положение "одиночными", передернуть затвор, вскинуть автомат, глубоко вздохнуть. Я выхожу из-за гаража, почти не глядя, направляю ствол с длинным набалдашником интегрированного глушителя и мягко тяну спусковой крючок. Тихий хлопок выстрела затерялся в шуме грохотающей из какого-то окна музыки. Не проверяя — я уже ЗНАЮ, что попал — ставлю "Вал" на предохранитель, убираю в сумку и все тем же прогулочным шагом продвигаюсь к стройке. Так, а вот отсюда снайперы меня не видят. Можно и легкую пробежку сделать. Вон у прикрытых ворот во двор стоит контролирующий наружную обстановку бандит. Достая сигарету и с виноватой улыбкой иду к нему. Нет, не может он заподозрить во мне опасность. Никак не может. Слишком молодо и просто я выгляжу. Недовольно хмыкает, но зажигалку достает. Адреналин во мне так и прет. Сейчас из ушей польется! Резкий удар ребром ладони, и его адамово яблоко с противным хрустом сминается. Достая мобильную гарнитуру, включаю, сдвинув малюсенький рычажок, и цепляю на левое ухо. Заглянув в щель между воротинами, убеждаюсь, что никто ничего не заметил. Бабки эти гады считают! Остальные внимательно смотрят. Это им значительно интереснее, чем за обстановкой наблюдать. Достая свой ствол и легенько щелкаю пальцем

⁵ Автомат калибра 9 мм для беспламенной и бесшумной стрельбы, специально разработанный для действий спецназа в конце 1980-х годов ЦНИИ ТочМаш. Производитель "Тульский оружейный завод".

по микрофону гарнитуры:

— "Первый", "Второй", "Первый", "Второй", готовы? Опасность устранена, один тип у ворот — тоже, — сообщаю я.

— Точно? — немедленно спрашивает подполковник.

Я хотел сказать "зуб даю", но вовремя опомнился. Сейчас не время для шуток.

— Точно!

— Хорошо, — услышал я в маленьком наушнике, — "Второй"?

— Готов! — тут же послышался голос Виктора.

— Работаем! — как мне показалось, с некоторым довольством прошептал Федорович.

Дальше все слилось в почти непрерывные, как очередью, тихие хлопки выстрелов. Каких-то две-три секунды и мои напарники спрыгивают со второго этажа недостроенного дома во двор. Здесь теперь одни трупы.

— Чисто, — слышу я двоянное сообщение в гарнитуре.

— Вхожу, — отвечаю и, немного отжав воротину, проскальзываю во двор.

Дядя Витя с подполковником сноровисто заскакивают один в "Лексус", другой в "Газель", выскакивают и, удовлетворенно кивнув друг другу, начинают в темпе затаскивать валяющиеся в живописных позах трупы в раскрытые двери шестисотого "Мерса". Я подтаскиваю "своего" от ворот. Они переглядываются, хмыкают и закидывают его поверх остальных в заполненный салон. Кровищи вокруг — до жопы. Как мои напарники сами не перепачкались, не понимаю.

— А те? — спрашиваю я, показывая рукой вверх и имея в виду снайперов на втором и третьем этажах.

— Черт с ними, — отвечает Федорович, закидывая в салон "Мерседеса" радиоуправляемую зажигалку и захлопывая двери, — там контроль точно не требуется. А по ним, — ух, какая у него злая и, в то же время, довольная ухмылка, — нас уже не опознают.

Виктор заводит "Газель" и первый вырывается со двора. Мы с подполковником закидываем свои и дяди Витину сумки на задние сиденья "Лексуса", на которых уже валяется большой дипломат с баксами, и тоже уезжаем. Отъехав метров триста, останавливаемся. Вадим Федорович достает из баула маленький специальный передатчик, вытягивает из него антенну и оглядывается на стройку. Я тоже гляжу туда. Несколько не очень ярких, но все-таки хорошо заметных, вспышек появляются одновременно. Это сгорают наши видеокамеры и поджигается "Мерседес" с трупами.

— "Спринтер" закрыл? — спрашивает подполковник, переключая ручку автоматической коробки передач на "драйв".

"Лексус" плавно двигается.

— Конечно, — отвечаю я. Адреналин куда-то уходит, а перед глазами почему-то начинает крутиться глубоко вминаемый кадык того типа у ворот.

— Встряхнись, Денис, — говорит Федорович и протягивает мне фляжку, — на, глотни.

— Не хочу, — отталкиваю я его руку. Меня и так всего мутит, а он мне выпивку сует.

— А я говорю: пей! — не громко, но очень настойчиво, приказывает он и опять сует мне эту фляжку. — Надо, Денис, понимаешь, надо! Первый раз оно всегда тяжело.

— Что оно? — не понимаю я, но все-таки слушаюсь и, отвинтив колпачок, прикладываюсь. Горло обжигает коньяк, а перед глазами опять крутится хрустящий кадык. Желудок пытается вывернуться наизнанку.

— Потом поймешь, — говорит подполковник и снова командует: — до дна допивай, давай.

Я опять прикладываюсь, но меня начинает сильно мутить. Федорович заезжает в какой-то двор и останавливает машину. Он заглушил мотор, и сразу где-то далеко сзади стали слышны завывающие сирены.

— Быстро пожарники приехали, — комментирует подполковник и зачем-то протягивает мне носовой платок:

— Вылезай,

— Почему? — не понимаю я.

Он беззлобно ухмыляется, выходит из машины сам, обходит капот и, открыв мою дверцу, помогает вылезти мне. Для чего я понял почти сразу. Ох, и полоскало же меня... Затем минут десять я выжимал из себя остатки желчи. Федорович заботливо, как маленького ребенка, придерживал, чтобы я не ухнул в свою же блевотину, а потом тщательно вытирал мое лицо своим носовым платком.

— Ну что, оклемался? — в этот раз были видны участие и некоторая жалость.

— Вроде бы, — кое-как кивнул я.

— Поехали, — он помог мне забраться в машину и залез сам на водительское сиденье.

Где-то в бауле подполковника зазвонил телефон. Когда он успел включить его? Федорович, не глядя, протягивает руку назад, достает и нажимает клавишу громкого ответа.

— Это я. "Тапочки тяжелые лежат на самом дне"⁶, - не представляясь, сообщает дядя Витя и отключается.

Его кодовая фраза информирует нас о том, что "Газель", пробив перила, ухнула в Неву. Таблетки экстази в открытых ящиках за какое-то время растворятся в проточной воде. Вот, рыбка-то покайфует. Ладно, рыбка, а вот какова будет реакция рыбаков, когда у них улов выделываться начнет?..

Убивать человеку другого человека в общем-то достаточно просто, но противоестественно. Я не видел тогда, во время операции, как пуля из моего "Бала" попала в голову тому снайперу на седьмом этаже и разбрызгала его мозги по всей комнате. Не видел, и поэтому защитный психологический механизм, который выдумала природа, в моей голове не сработал. А когда я ломал горло тому типу у ворот строящегося дома, приличное количество адреналина в крови тоже не дало сработать этой системе. Но вот, когда адреналин закончился, когда все самое сложное было сделано...

Вадим Федорович сказал, что так всегда бывает в первый раз. Надо пережить и все. А у меня это "все" почему-то не получается. Крутится перед глазами этот глубоко вминаемый кадык того типа сразу, как только ложусь спать. В первый вечер этого не было, потому что я с подачи подполковника и вместе с ним, и с дядей Витей хорошо принял водки, отмечая успешное проведение нашей операции. Грамм двести, наверное, выпил, не меньше. О делах мы тогда не говорили, потому что уже пожевавшая Настена постоянно крутилась рядом, хватая то одно, то другое вкусненькое со стола. На мою рюмку она поглядывала очень неодобрительно. В доме у нас пили относительно редко и мало. В основном — по праздникам. А тогда я, промучившись дня четыре этим кошмаром, выпил вечером сто грамм и отлично заснул. Три дня уже, пользуясь этим способом, засыпаю нормально. Но ведь это не дело. Завтра надо будет с Федоровичем поговорить на эту тему.

— Легко и непринужденно! — высказался подполковник, внимательно выслушав изложение моей проблемы. — Ты должен вымотать себя физически так, чтобы глаза сами закрывались, как только голова коснется подушки. Неделя, максимум две, и ты этот вопрос закроешь.

Так просто? Мне бы его уверенность. Впрочем, поживем — увидим.

— А теперь давай серьезно поговорим о твоих главных проблемах.

— Они у меня есть? — удивился я.

⁶ Немного измененная фраза из старого советского фильма "Верные друзья", где она несколько раз повторяется.

— Конечно, — он усмехнулся и достал сигареты.

Я тоже закурил и вопросительно посмотрел на Федоровича.

— Начнем с того, что скрывать твою, — он опять усмехнулся, — скажем так, огромную удачливость, долго не получится. Выход я вижу только один — каким-то образом прикрыть ее еще большей необычностью.

— Как это? — совершенно не понял я.

— Ты должен стать известным. Не просто известным — знаменитым!

— Я — знаменитым? — что-то он не то катит.

— Ну не я же, — подполковник выпустил струйку сизоватого дыма из самого уголка губ и опять ухмыльнулся. Он что сегодня весь день надо мной смеяться будет?

— Причем, как можно быстрее. Пойми, Денис, это единственный способ качественно замаскировать твои огромные возможности, — а вот сейчас Федорович, кажется, абсолютно серьезен.

Нет, я, конечно, понимаю, что это вариант. Может быть и неплохой вариант, но я — знаменитость?! Предположим, что в его идее есть здравый смысл, но, тогда, как?!

— Как? Каким образом? — озвучил я свой вопрос.

— Пока не знаю. Надо думать. Причем, повторяю, желательно, чтобы это событие произошло достаточно быстро, — он загасил сигарету в пепельнице, — а сейчас, пока Виктор еще не приехал, давай я тебя пока один поваляю по травке. Только ты это свое знание зажди покрепче и не выпускай.

Ха! Побаивается! Вчера я подполковника неплохо покидал, но то было при включенном режиме. Сейчас уже против них двоих нормально держусь за счет своего ЗНАНИЯ.

Дядя Витя приехал только в начале седьмого и мы, теперь уже втроем, хорошо поработали. Перед ужином ополоснулись в душе. Причем Федорович, как всегда, мылся после нас с Виктором один, хотя отгородка под душ у нас на даче большая. Могли все там одновременно поместиться, не мешая друг другу. Стесняется, что ли?

За столом вернулись к обсуждению идеи подполковника, хотя и избегали говорить совсем напрямую, для чего это требуется. У моей Настены ушки всегда на макушке. Она наворачивала разогретые в микроволновке отбивные за обе щеки, как всегда забывая про хлеб, но внимательно слушая наши разглагольствования.

— Известность? Знаменитость? А ведь это, заодно, отлично прикроет твои, Денис, доходы, — выдал дядя Витя, ничуть не отставая от моей сестренки в скорости уничтожения жареной свинины.

— Кто знаменитым будет, Денька? — не утерпела Настена, даже не проглотив кусок мяса. Голос у нее получился бубнящим и плохо разборчивым.

— Прожуй сначала, потом говори, — одернул я сестру, — сколько раз тебе повторять? Разговаривать с полным ртом — некультурно.

— Да, Настя, старшего брата надо слушать, — поддержал мой авторитет Федорович, — а мы тебя потом, когда покушаешь, обязательно выслушаем, — он незаметно подмигнул нам с Виктором, оставаясь совершенно серьезным.

После ужина, когда со стола было убрано, посуда общими усилиями вымыта, мы все переместились во двор.

— Вот теперь, Настенька, говори.

Подполковник, как я заметил, последнее время стал относиться к моей сестре, как к собственной дочери. Своих детей у него не было, хотя женат он достаточно давно. Жена у него очень красивая, я один раз ее мельком видел, когда Федорович привозил мне диски с теоретическим курсом НЛП⁷ и основами быстрого гипноза. Она только на минуту вышла из машины, но я успел разглядеть. Довольно высокая, с мужа почти, блондинка с отличной

⁷ Нейролингвистическое программирование.

фигурой и просто с ну очень обалденной грудью. Как она колыхалась, когда Валентина в наш туалет на заднем дворе бегала! У меня тогда чуть слюни не потекли на эту женщину.

— Настенька, мы тебя внимательно слушаем. Нас действительно очень интересует твое мнение, как сделать Дениса знаменитым, — немного поторопил мою сестренку подполковник.

Это он что, серьезно? Что может такого интересного сказать девчонка, которой еще одиннадцати лет не исполнилось? День рождения у нас с ней будет только на следующей неделе.

— Так, Денька у нас красивый, но знаменитым это его не сделает, — начала вслух размышлять Настена, — он должен сняться в кино и сыграть главную роль в самом лучшем фильме. Нет? — она посмотрела на наши очень сомневающиеся лица и продолжила: — Тогда... Тогда Денька должен стать космонавтом и полететь на Луну! — опять не увидев одобрения сестренка немного задумалась. — Ну, тогда Денька должен поставить рекорд! Такой рекорд, которого раньше никогда не было!

Калитка рядом с воротами на улицу открылась, и там показались Настенины подружки.

— Все, я побежала! — сестра сорвалась с места как наскипидаренная.

— Полдевятого чтобы была дома, — только и успел предупредить я.

Федорович с некоторым сожалением посмотрел на хлопнувшую за сестренкой калитку, переглянулся с дядей Витей и перенес взгляд на меня:

— Ну что, в каком виде спорта будешь рекордсменом?

— Вы что? Серьезно?

— А почему бы и нет? — он действительно не улыбался. — Я потому и хотел выслушать твою сестру. У девочки совершенно незашоренное мировоззрение именно благодаря малому возрасту. Что будет правильно в этом вопросе для нее, то наверняка окажется верным и для всей основной массы населения.

Виктор, судя по выражению лица, был полностью согласен с подполковником.

Я — чемпион? А что? Стрельба для меня проблемы не составит! О чем я тут же проинформировал своих друзей:

— Сто из ста по тарелочкам!

Годится? Не знаю, но они задумались.

— Не пойдет, — решил дядя Витя, — не очень распространенный спорт, да и не та это будет знаменитость.

— Действительно не совсем то, — согласился Федорович.

— Ну, в космонавты пробиться мне точно не светит, — парировал я, — а уж на Луну в ближайшее время полететь...

— Здесь ты прав, спорить не буду, — опять согласился подполковник, — а вообще идея твоей сестры довольно интересна, надо только подумать и правильно выбрать вид спорта.

— Ну, выше Брумеля мне точно не прыгнуть, — теперь уже я был не согласен.

— А пяток защитников обойдешь, и гол в ворота "Спартака" забить ведь сможешь? — спросил Виктор.

— Нет, это не вариант, — возразил Федорович, — игра не должна быть командной, только личной. А может шахматы?

— Тогда карты! — тут же не согласился я, — в шахматах мои возможности особого преимущества не дают. Там профи и так на десять ходов вперед рассчитывают.

В тот день, мы так ни к какому решению не пришли. А вот вечером следующего дня...

— Вадим Федорович, а можно я сгоняю? — мы не уследили, и только перед самым ужином выяснилось, что у нас закончился сахар. А до магазина тащиться пешком в поселок долго. До него километров шесть будет туда и обратно.

— Ну, давай, — с некоторым сомнением, что четко читалось на его лице, согласился подполковник и протянул мне ключи от своей "десятки".

У отца была "Авдотья", как он называл свою четырехлетнюю "Ауди-6" с довольно мощным шестицилиндровым V-образным двигателем. На ней я уже давно научился водить машину. Папа выучил. На "Авдотье" родители и разбились, увы.

Н-да, ВАЗ-2110 даже с шестнадцатиклапанным движком один и шесть после "Ауди" — не машина. И дело даже не в мощности и "приеме"⁸. Нет, я, конечно, понимаю, что сравнивать слона и москву глупо, но чтобы такая разница?! Сколько ни дави на газ, а тащится как черепаха. Вот только этот парень на велосипеде... Надо же быть таким идиотом, чтобы, хрен с ним, не знать правила, но и совершенно не соображать собственной головой?! Когда он начал падать прямо на то место, где через пару секунд должен был оказаться мой бампер, режим включился сам. Я все-таки был уже прилично натренирован в его задействовании. Два сантиметра! Именно столько составило расстояние между левым передним колесом "десятки" и ногой дурака. Затормозил, остановился, вышел, посмотрел на опупело ощупывающего себя вполне целого идиота, сел обратно и поехал дальше. Смысла ругаться уже не было никакого. Заново нажал на тормоз и выключил передачу я через каких-то пятьдесят метров. Второй раз я остановился, чтобы тщательно проанализировать свои ощущения, которые получил при включении режима за рулем автомобиля. "Десятка" плохо управляется по сравнению с "Ауди"? Всего два ведущих колеса, а не все четыре, как на "Авдотье", из-за чего отвратительно "держит" дорогу? Нет! В первую очередь виновата "прокладка между рулем и сиденьем", как достаточно часто говорил отец, уворачиваясь от очередного "чайника" на дороге. А вот мои ощущения при наличии ЗНАНИЯ за рулем — это что-то! Я ведь чувствовал, на сколько и куда надо повернуть руль, с каким точно дозированным усилием необходимо нажать на педаль тормоза, чтобы даже в этих дурацких условиях машина встала на два колеса и проскочила над ногой того горе-велосипедиста. А, главное, я, сам того сразу не заметив, получил огромное удовольствие от такой всеобъемлющей власти над этим куском железа под названием ВАЗ-2110! Потому и ругаться не стал, что отрицательных эмоций от этого инцидента практически не было. Я решительно двинулся вперед, включая режим. Поворот колес при старте с места? Лишнее! Только потеря долей секунд и больший износ резины. Повышать передачу надо не раньше, чем двигатель наберет пять с половиной тысяч оборотов. Тогда на более высокой ступени этой, увы, достаточно неудачной коробки, я попаду именно на те обороты, где это двигло еще кое-как тянет. На меньших он слабоват, но на высоких — вполне даже ничего. Одиннадцать секунд до сотни на пусть и асфальтированной, но все-таки проселочной, дороге не сделать на этом корыте? "Легко и непринужденно!", как выразился вчера хозяин колымаги, на которой я сейчас еду. Когда я через десять минут (в магазине была небольшая очередь) подкатил к своей даче и посигналил, лица у моих друзей, вышедших на улицу, были несколько удивленные.

— Лавка закрыта? Не купил? — спросил дядя Витя.

Я, молча, вытащил из машины полиэтиленовый пакет с тремя килограммовыми пачками сахара и поставил его у калитки прямо на асфальт. Они не поняли. Я открыл обе правых дверцы и сел обратно за руль. Одно слово все-таки пришлось произнести, когда они, переглянувшись, устроились внутри:

— Пристегнитесь.

— А сам?

Я проигнорировал вопрос. Толку от этих ремней безопасности для меня, они же инерционные. То есть, без нагрузки не фиксируют на сиденье.

Те пять минут, что я катал дядю Витю и Федоровича, они молчали, крепко держась за все, за что только можно схватиться. Когда я остановился у своей калитки, Виктор выдохнул

⁸ Приемистость — технический параметр определяющий способность машины быстро набирать скорость.

и спросил:

— Что это было?

Подполковник достал из кармана пачку своих "Честерфилд", закурил сам, не протестуя против моего вытаскивания сигареты из его пачки, дал прикурить мне и только потом ответил:

— Спорт. Спорт для одиночки. Именно то, что нам требуется.

Вот здесь я могу отлично учиться при включенном режиме. Голова выбирает действия, а руки и ноги выполняют, сами запоминая все необходимое. Но еще лучше получается, когда я достаточно быстро включаю и выключаю свое ЗНАНИЕ. Как только чувствую, что что-то не то — включаю. Ситуация упростилась — выключаю.

У кого Федорович одолжил этот спортивный драндулет, я не знаю. Толку от него на наших дорогах... Здесь раллийная машина или багги нужны с большим ходом подвески, а не этот "PORSCHE 911 Turbo Coupe" с пятисотсильным двигателем. Гаишники, вероятно, охренели и не успели помахать своей полосатой палочкой для выколачивания денег, когда мы пролетели мимо их засады на двухстах сорока. Больше эта дорога никак не позволяла. Но на посту нас уже ждали, выставив свои куцые автоматы. Я плавно притормозил метрах в десяти от них точно на том самом месте, куда мне указали. Старший лейтенант что-то орал в мегафон, но подполковник выставил в окно свои красные корочки и поманил гаишника. Тот осторожно подошел, не убирая пальца со спускового крючка своего "укорота", взгляделся и опустил ствол. Еще несколько минут ушло на переговоры. С поста куда-то позвонили, и мы поехали дальше.

В общем-то, остальное мне и так уже было понятно. Я — могу! Могу вести машину очень быстро и аккуратно. При выключенном режиме мне на большой скорости катастрофически не хватает опыта, но при включенном — никаких проблем! И, что интересно, получаю от управления автомобилем приличное удовольствие. Значит, буду совмещать приятное с полезным. В выходные смотрел по ящику гонки "Формулы один". В субботу была квалификация, а в воскресенье — сама гонка. Выиграл Фернандо Алонсо, неоднократный чемпион мира. Он уже не первый год катает на болиде "Феррари". Темно-красный, кровавый цвет и вздыбленная кобыла в качестве эмблемы. Не знаю почему, но не лежит у меня душа к этой команде. Когда-то давно отец с удовольствием следил за этим видом спорта. Болел он всегда за "Макларен". Очень сокрушался, когда погиб Аэртон Сenna. Но в те времена я был совсем маленьким и ничего не помню. Но многое из того, что говорил папа, прилипший к телевизору во время очередной трансляции гонки, осталось у меня в голове. В воскресенье я тоже болел за "Макларен". Но пилоты этой команды себя особо в этот раз, увы, не проявили. Молодой негр из Англии Льюис Хэмилтон пришел к финишу только третьим, а Дженсон Баттон вообще сошел с трассы на двадцать шестом круге. А ведь они оба уже были чемпионами мира.

Как мне прорваться сразу в "Формулу один" минуя промежуточные этапы? Виталий Петров, кстати сказать, практически земляк, он ведь из Выборга, шел к этому девять лет. Начал в семнадцать с кубка "Лада" в две тысячи первом и добрался до "Королевских гонок"⁹ только в две тысячи десятом году. Не хочу столько ждать! Да и подполковник тогда сказал, что что-нибудь придумает.

— Это теоретически невозможно! — заявил вчера дядя Витя. — Сначала требуется победить в нескольких менее значимых соревнованиях, и только потом на тебя обратят внимание.

— Решаемо, — ответил ему Федорович, усмехнулся и добавил словами из старого

⁹ Прозвище "Формулы один".

мультика: — К этому делу надо подойти технически.

— Как ты себе это представляешь? — потребовал Виктор.

— Несколько небольших оперативных мероприятий на территории дружественной нам объединенной Европы. Конечно, для этого нам потребуются деньги и люди. Первое у нас в наличии, второе... Есть кое-кто на примете. И вообще, пора собирать команду.

— Какую команду? — не понял я.

— Команду своих преданных Родине и делу людей. Звучит высокопарно, но начинать надо именно с этого, — подполковник серьезно посмотрел сначала на меня, потом на дядю Витю. — Или вы забыли, для чего мы сами объединились? Будем мы работать в этом направлении или нет?

Мы, не переглядываясь с Виктором, одновременно заявили:

— Будем, — сказал он.

— Надо! — так же твердо произнес я.

— Ну, вот и хорошо, — похоже, нашим ответом Федорович был доволен, — а теперь...

Теперь мне, наконец-то, опять можно было сесть за руль, и мы все вместе, включая Настену, поехали в Питер. Подполковнику срочно потребовались наши фотографии для загранпаспортов.

Шпионские игры. Ну а как это еще назвать? Вадим Федорович использует меня, как живой детектор лжи. Полиграф по-западному. Сам подполковник сидит с проверяемым за соседним столиком, курит и, попивая когда кофе, а когда и коньячок, ведет неспешную беседу, постепенно подводя человека к мысли, что в нашей стране слишком многое прогнило, и пора ситуацию как-то менять. Мы с Виктором сидим за другим столом и делаем вид, что с подполковником не знакомы и знать его не знаем. Я пью только кофе и курю. Алкоголь мне нельзя из-за невозможности включения режима под ним. Впрочем, меня это нисколько не раздражает. Удалось даже избавиться от вечерней зависимости от водки не за две недели, как поначалу предполагалось, а всего за несколько дней. Хорошая пробежка с набитыми свинцом мешочками, как следует принаитованными к ремню, общим весом в сорок килограммов, несколько десятков подтягиваний, не снимая ремня с грузом, отжимания и довольно активная работа с воображаемым противником сделали свое дело. Я кое-как доходил до душа, споласкивался и на дрожащих ногах добирался до своей кровати. Вырубался я практически мгновенно, краем уха слыша, как из соседней комнаты тихо доносятся звуки не выключенной сестренкой телевизора. Втянулся я в эти вечерние тренировки довольно хорошо. Теперь если не загрузил себя перед сном, то отчетливо чувствую, что чего-то не хватает. Нинка и та приревновала:

— И к кому же ты так по вечерам торопишься?

Приходится отшучиваться:

— Ее зовут тренировка. У нас с ней любовь с первого взгляда.

Не знаю, что в результате Нинель подвигло, ревность к предполагаемой сопернице или просто, с ее точки зрения, время пришло, но мне стало чуть больше дозволяться. Могу ненадолго и ладонь положить ей на упругую грудь, с трепетом ощущая под пальцами остренький сосочек, и при прощальном поцелуе около парадного, где живет девушка, мои руки оказываются значительно ниже девичьей талии. Видимся мы теперь, увы, довольно редко. Нина серьезно готовится к экзаменам в Технологический институт. Закопалась в свои учебники. Хочет стать крутым специалистом в органической химии. И чего она в этих реактивах нашла? А какая у нее, все-таки, приятная на ощупь попка...

— Денис, заснул что ли? — отрывает меня от волнительных мыслей дядя Витя, — прислушайся лучше. Федорович давно уже этого парня к нужным выводам подталкивает.

Я делаю глоток остывшего уже кофе, закурываю и включаюсь. Мои глаза находят хромированную зажигалку с отлично отполированной поверхностью, рука чуть подправляет

ее положение. Через это небольшое зеркало я вижу собеседника подполковника. Слишком маленькое поле зрения? Мне хватает. Еле заметная положительная реакция на одно слово, чуть подвинувшаяся в отрицании рука, как реакция на гневное высказывание Федоровича. Обычный, а как правило и хорошо подготовленный, человек, сам того не замечая, мелкими неосознанными движениями полностью выдает свое отношение как к тому, с кем разговаривает, так и к его словам. Даже самое сокровенное от меня не скрыть. Я не могу узнать почти никаких фактов из биографии проверяемого, но вот понять, наш ли это человек, можно ли ему верить и насколько он крепок в своих идеалах... В этот раз наш подполковник ошибся. Хотя, надо честно признать, нечасто такое бывает. Не будет этот парень с нами работать. Он только внешне выглядит надежным, а так... Трусоват немного, хотя и любит поговорить о необходимости менять политику нашего государства. Я отрицательно покачиваю Виктору головой, как бы отвечая на какой-то его вопрос. Дядя Витя тут же дает Федоровичу незаметный для других посетителей кафе знак. Подполковник понимает и начинает сворачивать разговор со своим собеседником. Он всегда в таких ситуациях каким-то образом умудряется внушить не прошедшему проверку, что этот разговор — пустое, и не стоит заморачиваться всякой ерундой.

Мое же решение никогда не обсуждается и не опротестовывается. Если я сказал, что этот человек нам не подходит, несмотря на то, что сначала он прошел тщательный отбор по каналам подполковника и как бы ни был он привлекателен для нашей работы, то все — приговор окончательный и обжалованию не подлежит...

День рождения. В прошлые годы это всегда был для нас с Настенкой очень веселый праздник. Родители и дед устраивали нам его в один день — шестого августа. Я всегда получал свои подарки на день раньше. Хотя седьмого тоже был для всех нас праздничный день. Я не стал отступать от семейной традиции. Пригласил Нинель и своих друзей на шестое.

Нинка приехала прямо утром. Предупрежденный звонком по сотовому, я встретил ее на перроне электрички. Ох, и нагруженная она была пакетами со всякой жратвой. Как будто я заранее не затарился всем необходимым. Но вот ее вид... Одета Нинель была по жаркой сегодня погоде. Белая, просвечивающая блузка с отложным воротничком с несколькими расстегнутыми пуговками так, что был виден верх груди и часть кружевного бюстгалтера, коротенькая юбочка, открывающая приличную часть бедер и оттопыренная сзади аппетитной круглой попочкой... Я забрал у нее большую часть пакетов и, не выпуская их из рук, обнял. Мы целовались на перроне, не обращая никакого внимания на других пассажиров электрички. Губы у нее были сладкие и немного липкие от помады. А ее узенький язычок быстро-быстро скользил по моим зубам.

Нинка отстранилась, с хитрой улыбочкой посмотрела на меня, облизнулась и сказала:

— Я тебя поздравляю с днем рождения.

— А можно еще раз? — обнаглел я, — точно так же облизывая свои губы от ее помады.

— Успеется еще, — обрезала она, — надо сначала все донести и приготовить.

Но, все-таки, по дороге на нашу дачу мы пару раз останавливались и опять целовались, не выпуская эти проклятые пакеты из рук. Как же они меня достали! Так и хотелось их бросить и положить ладони на эту такую круглую попочку!

— Где здесь можно переодеться? — спросила Нинель, после того, как познакомилась, поздравила и подарила Настене смешного маленького плюшевого мишку. Тоже мне, нашла, что сестренке подарить. Из таких игрушек она уже давно выросла. Совершенно Нинка не понимает детскую психологию. Им же в этом возрасте очень хочется казаться старше. Вот я... Я подарил своей Настеньке... нижнее белье. Не очень-то я в нем разбираюсь, тем более в женском, поэтому пришлось положиться на немолодую продавщицу из относительно дорогого магазина. Настена сегодня утром была жутко довольная! Тут же принялась все

примерять, крутиться передо мной и зеркалом. Мы никогда друг друга особо не стеснялись. Родители так приучили. Всегда говорили, что в человеческом теле ничего постыдного нет, и своих близких стесняться не надо. Вот тогда-то, утром, я и заметил, что сестренка действительно подросла. Еще год-два и от кавалеров отбоя не будет. А мне Настя подарила книгу. "Меня нашли в воронке" Алексея Ивакина. Военная фантастика, альтернативная история. Такое я люблю. Обязательно прочитаю, как только будет время. Тем более что про этого писателя я уже что-то такое слышал. Мол, жуткий реалист и убивает всех своих героев.

Переодевшись в закрытый халатик, Нинель запрягла нас, обоих именинников, по самое не могу. Почисти картошку, принеси то, подай это. Салаты эти... Режь, шинкуй, добавляй того-этого и перемешивай. Хорошо хоть, что специи Нинка насыпала сама. Я наверняка бы пересолил. Приезд Федоровича с женой и дядей Витей на служебной "Волге" спас нас с сестренкой от этого цербера в халате. А Валентина... Они с Нинкой что, сговорились? Одета жена подполковника была почти так же, как и Нинель, но на ней все выглядело значительно острее. Как бы это выразиться? Сексуальнее! Наверное, если бы она была без одежды, в одном купальнике, это бы не выглядело так вызывающе. А ее грудь... Хорошо, что погода жарит и на мне рубашка с короткими рукавами и навывпуск. Шорты прикрыты почти полностью.

Вручение подарков состоялось тут же, прямо во дворе. Дядя Витя вытащил из сумки и положил на руки Настене маленький черный живой комочек. Радостного визгу было! Щенок тут же облизал сестренке нос.

— Вязка там была внеплановая, но родословная у него — ой-ей-ей! — важно провозгласил Виктор.

Двухмесячный эрдельтерьер немедленно пошел по нашим рукам. Знакомство сопровождалось обязательным облизыванием.

— Заводчики сказали, что имя у него должно начинаться на букву "Д", — сделал новое заявление дядя Витя.

Заводчики? А, так, оказывается, называют хозяев мамыши щенка. После недолгих споров нашему новому члену семьи, спущенному на землю и тут же смешно присевшему на задние лапы, чтобы устроить маленькую лужу, дали гордое имя Денди.

Затем было вручение, точнее провозглашение еще одного на двоих подарка. Через две недели мы с Настенкой в сопровождении лично Федоровича отправляемся в Японию! Страна гор и цветущей сакуры, древних замков и современных технологий, восточных традиций и икебаны. Не знаю, как у меня, а у сестренки ее голубые глазки так и засветились счастьем и предстоящим нам удовольствием.

Немного позже, когда Валентина с девчонками занялись подготовкой праздничного стола, мужская часть компании, включая смешно переваливающегося на своих лапах и с невообразимой скоростью мотающимся из стороны в сторону коротким хвостиком Денди, устроилась на дворе в тенечке. Здесь мне уже с несколько меньшей торжественностью был вручен спичечный коробок с чем-то непонятным. Это оказалась основная часть хвоста нашего щенка. Их, оказывается, у эрдельтерьеров купируют сразу после рождения. Мы с Федоровичем закурили, и он объяснил мне, что в страну восходящего солнца мы едем не только полюбоваться на местные достопримечательности.

— В Японии права на вождение автомобиля можно получить с шестнадцати лет. А если немного подсуетиться, то и международные. Ты как, желаешь?

— Станный вопрос, — с воодушевлением отреагировал я, — конечно!

— Вот я, почему-то, так и подумал, — улыбнулся подполковник, — но есть некоторые сложности. Права несовершеннолетний может получить только в присутствии и с участием опекуна.

— Тетку тащить туда? — на моем лице они оба прочитали явное уныние.

— Не требуется, — улыбнулся Федорович, — разреши представить тебе вашего с сестрой нового опекуна. Гражданин Баландин собственной персоной, — и он ткнул пальцем в свою собственную широкую грудь.

Подполковник заразительно рассмеялся, глядя на мою отвисшую от удивления челюсть, загасил сигарету, а потом вдруг стал абсолютно серьезным.

— А Настеньку... — он запнулся, — Настеньку, если ты не возражаешь, ну и, конечно, она сама не будет против, мы с Валентиной хотели бы удочерить.

Я еще не успел ничего сказать, до меня просто не дошло еще, как Федорович тут же продолжил:

— Тебе, когда у нас все получится, придется достаточно часто уезжать. С кем она будет оставаться? Одна? Это, сам понимаешь — не дело. Фамилия останется вашей, необходимо только будет поменять прописку и все.

Он замолчал, но смотрел мне в глаза с ожиданием и надеждой. А я... Нет, слишком это неожиданно! Ну, нельзя же вот так сразу! Так ему и попытался сказать:

— Знаешь, Федорович, — я начал объясняться и заметил, что обращаюсь к нему на "ты". Но он не протестовал. Наоборот, успокаивающе махнул рукой. — Знаешь, очень неожиданное предложение, — теперь уже запнулся я. Запнулся, задумался и привычно, как всегда, когда возникала какая-то сложная для меня ситуация, включил режим ЗНАНИЯ.

Лучше бы я этого не делал! Потому, что ответ требовался моему новому опекуну немедленно! Сию секунду! Причем, только положительный. Потому, что если я сейчас ему откажу, то он вообще потеряет веру в жизнь! После той трагедии, что у него когда-то случилась, после нескольких лет, когда ему казалось что жить уже незачем, он, неожиданно сам для себя, полюбил мою Настену, как свою собственную дочь. Когда только успел? А сейчас... Сейчас все зависит от моего решения. Он отлично понимает, что если я соглашусь, то сам помогу склонить сестренку дать положительный ответ. Нет, я все правильно сделал, что включил режим. Я теперь на все сто, нет, на миллион знаю, что Федорович нас с Настенкой никогда не подведет, и всегда будет нам другом! Я, молча, кивнул и протянул ему руку для пожатия. Вадим не пожал ее. Он просто обнял меня...

Нет, но этот щенок — форменный проглот! Его, оказывается, в этом возрасте нужно кормить минимум пять раз в день. И кормить весьма разнообразно. Каждая кормежка должна, желательно, состоять из чего-то одного: творога, каши, сырого мяса — он у нас хищник еще тот — овощей или фруктов. А на бананы наш Дендик сам не свой! Тот огрызок, что у него называется хвостом, мелькает из стороны в сторону с невообразимой скоростью. Ест он с жадностью, и разбрасывая все вокруг своей миски. Потом ходит вокруг и собирает кусочки, которые чуть раньше не посчитал самыми вкусными. В то же время приходится признать за ним вполне определенную порядочность. Свои дела он делает исключительно на улице, в доме — ни-ни. Настена играет со щенком практически без перерывов. Замучивает бедное животное так, что оно засыпает, не добравшись до своей подстилки. Когда мы сами садимся за стол, Дендик крутится рядом и попрошайничает. Сестренка обязательно угостит его чем-нибудь. Приходится одергивать:

— Настя, ну нельзя ему копченой колбасы!

— Но, почему?

— В ней специи. Нюх ему отобьешь. И свинину ему нельзя. Даже в таком виде.

— А что тогда можно?

— Со стола — вообще ничего! Не положено!

— Но он же хочет! Сам посмотри, какой взгляд жалобный.

Это еще вопрос, у кого взгляд жалобней. Настене так хочется что-нибудь дать щенку, что аж подпрыгивает на стуле. Нет, вид у Дендика скорее хитрый. Просто он у нас попрошайка. Дядя Витя не просто так предупреждал, что щенок может съесть значительно больше, чем ему требуется. Вон, когда наш день рождения отмечали, налопался так, выпрашивая что-нибудь вкусненькое у всех по очереди, что бока раздулись, как у колобка. Не животик, а именно бока. Глазки стали такие масляные-масляные от удовольствия.

Несмотря на то, что отяжелел от слопанного, он упрямо забирался к кому-нибудь на колени и пытался стащить что-то со стола. У Валентины, которая тогда изрядно перебрала, прямо из тарелки куриную ногу свистнул. Забрался в угол и пытался злобно рычать, чтобы не отобрали, пока он эту ногу обглаживал. Правда, рычание Дендика больше напоминало повизгивание. Меня поцарапал, когда я кость у него из пасти выдирал. Куриные косточки, оказывается, собакам нельзя. Они острые и могут внутри что-нибудь пропороть. Поцарапал, потому что кусать мою руку пытался. А зубки у него еще маленькие, но острые как иголки! А Валентина тогда... Федорович ей наверняка сразу сказал, что я согласен на удочерение ими Настены. Вот она на радостях и набралась. Лезла обниматься и целоваться ко всем и, в первую очередь, к нам с сестренкой. Не знаю, как Настя, но я малость прибалдел, когда Валентина прижималась ко мне своими грудями. От нее такой жар идет, что, кажется, сейчас сгоришь. А ее губы... Хорошо Нинка, занятая щенком, ничего не заметила. Удивила немного реакция Федоровича, когда я с его женой целовался, точнее полное отсутствие таковой. А когда Валентина под вечер поймала меня одного, вышедшего во двор покурить... Этот поцелуй был явно не материнский! Я, хоть тоже выпил, но попытался все-таки отстраниться, когда у меня на шортах самопроизвольно стал холм образовываться, но она не дала. Сама прижала меня к себе и не отпускала. Хорошо, что как раз в это время служебная "Волга" за ними приехала и посигналила...

— Почитай-почитай, тебе полезно будет, — ответил Федорович на вопрос, зачем мне эти биржевые сводки, — понимаешь, чтобы раскрутить тебя на пилота "Формулы один" нам тех денег, которые мы на той акции взяли, явно маловато будет. Повторять операции по изъятию финансов у незаконных вооруженных формирований, — во, какими словами чешет! Прямо, как на отчетном докладе перед начальством — опасно и глупо. Шум по стране такой пошел, что опять о "Белой стреле"¹⁰ заговорили.

Наверное, у меня совершенно не тот круг общения, потому что я слышал разговоры только о пожаре и бандитской разборке на замороженной стройке. Хотя подполковнику виднее. У него же агентура должна работать.

— И вообще, — продолжил тем временем Федорович, — есть у меня на примете несколько вроде бы честных людей, которые в бизнесе крутятся. Начали хорошо, а вверх подняться не могут. Душат их как наше государство налогами, так и конкуренты. Вот пройдут они мое проверочное сито и от тебя допуск получают... Поможем им подняться и свою небольшую долю получим.

— Вадим, крышевать будешь? — начиная со своего дня рождения, я стал называть его на "ты".

— Пока мы не изменили существующего положения вещей, это можно называть и так, — достаточно жестко сказал Федорович, — "С волками жить — по волчьи выть" не я придумал.

Он достал сигареты, закурил и только потом продолжил:

— Не только и даже не столько крышевать, как помогать и оберегать. В первую очередь задействуем твои аналитические способности. Наверняка же найдешь какие-нибудь нюансы, которые позволят резко поднять как обороты, так и прибыль. Так что, Денис, — вот тут подполковник непритворно вздохнул, — вернемся из Японии — пахать тебе и пахать. А пока набирайся знаний. Как я понял из твоих объяснений, эта твоя интуиция начинает нормально работать только после достижения какого-то определенного минимума

¹⁰ "Белая стрела" — мифическая (хотя, черт ее знает), специально организованная и подготовленная, сверхсекретная, законспирированная правительственная спецслужба, сотрудники которой имеют право на физическую ликвидацию особо опасных криминальных авторитетов, которых не представляется возможным привлечь к уголовной ответственности законными методами.

полученной информации.

Вот тут он прав на все сто. Я это давно уже заметил и действительно однажды говорил Федоровичу. Иногда сам не понимаю, что мне важно для того чтобы сделать абсолютно верные выводы, а что нет. Знания во мне имеют какой-то, кумулятивный эффект. Пока определенный уровень в какой-либо конкретной области не достигнут, я могу, правда с определенной и довольно немаленькой вероятностью, предполагать, что произойдет. Но если этот порог-уровень преодолен, то я уже точно знаю, что и как будет. Конечно, только при включенном режиме. Хотя, надо признать, что и в обычных условиях я начинаю, чем дальше, тем все больше, делать правильные выводы из, казалось бы, недостаточных предпосылок. Взять, к примеру, то же вождение машины. Я сажусь в новый для меня автомобиль, на котором раньше никогда не ездил, и каким-то шестым чувством, даже не задействовав еще ЗНАНИЕ, уже представляю, что можно от этой колымаги ожидать, а что нельзя. Несколько высоковата, а колеса того же размера, что и у всех машин этого класса. Значит, повороты мне на ней придется проходить на чуть меньшей скорости, так как из-за высокого центра тяжести сцепление с дорожным покрытием колес, которые будут внутри поворота, будет явно недостаточное. Но вот все остальное в этой ласточке меня более-менее устраивает. Я, еще не начав движение, уже люблю ее. Она будет подчиняться мне, и мы вместе с ней впишемся в этот крутой поворот быстрее, чем она когда-либо делала это с кем-нибудь другим. Немного недостаточный крутящий момент на низах? — чувствую я, сделав первую перегазовку. Ерунда! Мы чуть позже будем переключаться, и все будет отлично. Слишком перестарались конструкторы с гидроусилителем руля? — это определяется сразу после входа в первый поворот. Ничего, мне достаточно и этого слабого усилия на баранке, чтобы правильно почувствовать руль. Чуть-чуть неправильный баланс тормозов? — при нажатии на среднюю педаль при прилично выкрученной баранке багажник заносит на десяток сантиметров дальше, чем должно было быть на этих девятиста километрах в час. Обязательно учтем это на следующем повороте. Но проходить его будем уже на пару десятков километров быстрее. Скорость растет, и я сливаюсь со своей ласточкой в одно целое. Мы летим по спортивной трассе и нам с ней больше никто не нужен. Плевать, что на первый взгляд она была обычной колымагой, каких тысячи. Сейчас мы вместе и поэтому мы становимся самыми быстрыми. Вот еще бы немного побольше прижимной силы от переднего антикрыла, и тогда можно было бы проходить повороты еще на доли секунды меньше. Но... На меня накатывает дурное ощущение, что с моей ласточкой что-то не так. Режим! Этот чуть скрипящий звук, который мои уши различают на фоне низкого рева двигателя. Черт бы все побрал! До меня на этой машине уже довольно прилично накатали другие спортсмены и они, увы, не учитывали, что на этой модели при включении пятой передачи надо чуть резче бросать сцепление. Синхронизаторы в коробке явно сыпятся. Мы все равно закончим тренировочный круг, не задействуя пятую передачу. Пусть немного медленнее, чем могли бы, но быстрее, чем кто-либо другой на этой машине, даже будь она полностью исправна.

Глава 3

Низкий гул двигателей Ту-204 убаюкивает, но я уже выпался. А подполковник и Настена дрыхнут без задних ног. Голова сестренки лежит на груди у Федоровича, почти под мышкой. Вадим даже во сне бережно обнимает ее худые плечики. После долгих раздумий и разговоров в первую очередь со мной Настя согласилась на удочерение.

— Денис, но ведь я все равно не буду называть их мамой и папой, — сказала она тогда, немного поплавав у меня на груди, — это ведь... Это ведь как предать...

Я в тот вечер гладил ее по головке, а у самого тоже слезы стояли в глазах.

— Будешь называть дядей Вадимом и тетей Валею. Они не обидятся. А жить мы с тобой по-прежнему будем вместе. Только если я уезжать буду, у них дома ночевать будешь. Ну, сама подумай, что тебе здесь одной делать?

Мы, обнявшись, сидели в большой комнате нашей квартиры на старом, но таком уютном диване-уголке. Когда-то все наша семья помещалась на нем. Только дед в последние годы предпочитал кресло-качалку. В центре всегда размещались мы с сестренкой, рядом со мной мама, а с Настенкой отец. Зимними долгими вечерами накрывались теплым пледом, и родители что-нибудь интересное рассказывали. О своем детстве, о том, как познакомились, как жили и работали. Вспоминали веселые случаи из наших проказ, когда мы с сестрой были совсем маленькими. Пересказывали книги, которые им нравились. Я потом находил эти книги в нашей библиотеке и читал ночью под одеялом с фонариком, чтобы никто не заметил, что у меня в комнате так поздно горит свет. Дед обязательно рассказывал что-нибудь поучительное. И не обязательно из своей жизни. Много было и военных историй. Дед ведь воевал в той большой войне. Только последние два года Великой Отечественной войны, но воевал. А до того учился в школе и, одновременно, работал. Его, тогда еще детские, руки собирали пулеметы для фронта. Потом он уже и сам пострелял. Из крупнокалиберного пулемета Березина. Стрелком на штурмовике Ил-2. Я как-то в интернете нарвался на подробное описание этого самолета. Он, оказывается, для тех лет был довольно неплохо бронирован. Вот только не задняя часть кабины, где сидел во время полета дед. Потери там вообще были огромные, а уж среди стрелков... Но дед уцелел, хотя дважды был ранен, и часто рассказывал разные, иногда очень печальные, истории. Мы тогда слушали все вместе, затаив дыхание, и проникались гордостью за нашего деда и за всех советских воинов. А как дед критиковал эту коммунистическую элиту, которая позволила развалить великую страну! Папа молчал, потому что он наверняка был согласен со своим отцом, а мама выговаривала деду:

— Денис Александрович, — она все время называла свекра по имени-отчеству и на "вы", когда была чем-то недовольна, — не надо при детях о таких вещах.

— Надо, Машенька, надо, — а вот дед свою невестку любил всегда и неизменно разговаривал с нашей мамой ласково и на "ты", — мои внуки должны знать историю своей державы. Отрицательные моменты — в том числе.

Они начинали спорить, а я с Настенкой слушал и узнавал очень много нового. Даже если в их разговоре было немало непонятного. А папа... Это я только сейчас понимаю, что отец своими репликами специально разжигал мамин с дедом спор. Разжигал и очень точными комментариями направлял в нужное, как он считал, русло. Может быть, именно в результате этих споров мы с сестренкой считаем, что наша страна самая лучшая? Что нам есть, чем гордиться, и есть за что бороться? Не знаю, не с чем сравнивать, за границей мы еще никогда не были. Вот через недельку впервые и побываем. Федорович сказал, что сначала мы дней пять-шесть будем жить во Владивостоке. Дела там какие-то, да и сам город посмотрим.

Посадка была по местному времени ночью, и мы сразу поехали в гостиницу "Славянская". Там еще немного покемарили, а рано утром тот мужик, который встречал нас в аэропорту, повез нас смотреть город. Что-то общее есть между Санкт-Петербургом и Владивостоком. Может быть потому, что оба являются очень крупными портами? Только здесь весь город на многочисленных сопках. Этот Александр Петрович, который, как я понял, работает в местном управлении ФСБ, покатал нас по Владику, свозил на знаменитую набережную, откуда открывается вид на Амурский залив. А вот бухту Золотой Рог, все берега которой является огромным портом с причалами, кранами, кораблями и морскими терминалами отлично видно с Видовой площадки, которая на проспекте Красоты. Потом мы почти час проторчали около какого-то древнего, чуть ли не девятнадцатого века, здания. Там Федорович в темпе стал представителем некоей фирмы "Вольный странник", которая и запросила на нас троих деловые визы в Японию по так называемой категории "М". Все это требуется для моих будущих международных прав. Пока ждем визы — отдыхаем. Вышли в море на настоящей парусной яхте. Жара, соленые брызги и крены, когда суденышко идет

галсами против ветра! Здорово, но Настена немного испугалась. Встали на якорь у берега острова Русский и купались до вечера. Вымотались прилично и в гостинице после плотного ужина вырубались напрочь, несмотря на существенную разницу в часовых поясах.

На следующий день, с утра, на выделенном нам на все время пребывания во Владивостоке катере сразу поплыли к Русскому, обогнули его с западной стороны и, причалив к берегу, опять купались и загорали, пока солнце стояло высоко. Красиво там очень. Зеленые заросшие сопки и много-много маленьких заливчиков. А зажаренный прямо на своей раковине морской гребешок, несколько килограммов которого нам продали при отплытии прямо на причале, это вообще неопишимо! Просто тает во рту. Рай, да и только! Вечером же... Вечером Александр Петрович, уже знающий от Федоровича о моем увлечении автоспортом, повез нас на Змеинку. Там был автодром, днем используемый автошколами и для официальных соревнований. Но настоящее царство моторов начинается ближе к ночи, когда здесь собираются любители. Одни просто похвастаться своим навороченным спорткаром, другие погоняться друг с другом.

Дрифт. Новое для меня слово и очень интересное, на первый взгляд, состязание. Требуется задний привод и мощный двигатель. Впрочем, за вполне реальные деньги необходимую машину можно взять прямо тут напрокат. Конечно, только японку с правым рулем, других во Владике просто нет. Хотя "Жигули" на улицах города изредка попадаются. Визг тормозов, запах горелых покрышек и машина "Скорой" недалеко, на сопочке. Весь фокус в скоростном прохождении крутых поворотов малого радиуса с контролируемым заносом. Освоить все это для меня при включенном режиме особого труда не составило, но, честно признаюсь, большого впечатления не произвело. Нет здесь тех скоростей за две сотни, которые так меня завораживают, нет свободы, выжать из машины все, на что она способна. А вот сама обстановка соревнований понравилась. Этакая тусовка крутых водителей, где каждый пытается показать, что он может, хотя на самом деле и не очень-то они тут все такие уж умелые. Я особо выделяться и демонстрировать свое приличное преимущество не стал. Вадим правильно меня предупредил, что не время и не место.

НЛП и быстрый гипноз под включенным режимом ЗНАНИЯ. Черт меня дернул применить их в этом, в общем-то, мелком инциденте. Ну, захотел парень пролезть без очереди, со всеми бывает. Жарко, а мороженого все желают. Но вот получившийся эффект! Я, перед отлетом во Владик, уже несколько недель отрабатывал полученные мной от Федоровича методики, по которым учатся специалисты ФСБ. Отрабатывал, совершенно не представляя, какой может получиться результат при включенном режиме. Да, конечно, не все люди поддаются гипнозу, тем более быстрому и, по возможности, незаметному. Но, вероятно, подавляющее большинство. Человек просто не в состоянии понять, что на него воздействуют. Не понимает и безоговорочно выполняет приказ, отданный, казалось бы, обычным голосом и в форме предложения.

— Встань в конец очереди и не шебуршись. Людям же мешаешь, — сказал я, сначала резким рывком повернув парня к себе, чтобы он хорошо видел все мои движения. Мои слова точно в нужный момент сопровождались почти неприметными жестами и, конечно, были с безукоризненно выверенными интонациями и ударениями в нужных местах.

Молодой человек, вместо того, чтобы возмутиться и отбить мою руку, что больше соответствовало его наглости и характеру, сначала удивленно посмотрел на меня, потом, как-то извиняясь, кивнул и спокойно пошел в конец очереди.

То, что произошло на самом деле, полностью понял только подполковник.

— Молоток! — улыбнулся он мне. — Давно практикуешь? — объяснений, что был применен быстрый гипноз в купе с НЛП, ему не требовалось.

— В первый раз попробовал, — ответил я, сам удивляясь своему такому стремительному успеху в относительно новой для меня области.

— Даже так? — теперь на его лице появилось удивление, довольно быстро перешедшее в задумчивость.

— Денька, дядя Вадим, чего вы застряли? — сестренка схватила нас обоих за руки и потащила вперед, вместе с двигающейся очередью.

К концу недели, так здорово проведенной нами во Владике, когда мы уже помаленьку начинали думать о Японии, так как визы со дня на день должны были быть готовы, произошло ЧП. Затарившись в ближайшем супермаркете едой, в первую очередь фруктами, отправились на катере к мысу Песчаный. Федоровичу надо было о чем-то поговорить без посторонних ушей с Александром Петровичем, за которым, как я понял, и была записана эта прилично навороченная посуда. Прошли, под строящимся вантовым мостом, который должны были сдать в эксплуатацию еще в две тысячи двенадцатом, и, набрав приличную скорость, пошли на противоположную от Владика сторону Амурского залива. Александр Петрович сказал, что сейчас, в самый разгар отпускного сезона, мыс Песчаный — единственное тихое место, где хоть как-то можно уединиться. И действительно, довольно быстро нашли маленькую очень красивую бухточку. Мужики, быстро надув компрессором и оставив нам с сестрой на всякий случай маленькую резиновую лодочку, тут же отправились на пару километров от берега ловить рыбу. Что за удовольствие часами сидеть, упершись взглядом в поплавок? Не понимаю! То ли дело нырять в маске и с ластами. Настена, купавшись, поболтала по телефону с Валентиной, выясняя, как там наш Дендик поживает, а потом принялась узоры выкладывать из красивых ракушек, которые я, ныряя, доставал ей со дна бухточки. Полчаса такого развлечения, и я, дышащий как старый загнанный мерин, валяюсь на покрывале, наворачивая почищенные сестренкой марокканские сочные апельсины.

— Денька, еще хочу, — через какое-то время требует Настена новые ракушки.

Я, не особо сопротивляясь, опять отправляюсь в воду за свежей добычей. Как все-таки здесь под поверхностью красиво. Стайки совсем маленьких разноцветных рыбешек гоняются за другой такой же мелочью. Какая-то невообразимая штукovina длинными скачками перемещается по дну. Тоже, вероятно, отыскивает что пожрать. И все яркое разноцветное, совсем не так как в нашем пресном Финском заливе. Может потому что Питер севернее, может оттого что тут вообще другая половина земного шара, но краски сочные и ощущения от всего этого подводного великолепия довольно радостные.

Вынырнув в очередной раз, я услышал громкий захлебывающийся визг сестры. Какой-то явно пьяный мужик в длинных, ниже колена, аляпистых шортах и такой же безвкусной футболке гонялся по малюсенькому пляжу за Настеной. Откуда он здесь взялся? Пока я плыл к берегу он, гадина, догнал и свалил сестру на траву. Я пытался остановить его своим криком, но этому типу было плевать, он срывал с девчонки трусики. Не знаю как, но я успел, на ходу скидывая ласты и маску, добежать и прыгнуть на него ногами, сбив с тщедушного тела сестренки. Подняв ревущую Настену и легонько подтолкнув ее к лодочке, вовремя обернулся. Этот жлоб уже вскочил, и удирать явно не собирался. Откуда в его руке взялся большой раскладной нож, я не заметил. Интересное перышко, успел подумать я, включая режим, прямо как у отца героини в старом-старом фильме "Человек-амфибия". Кажется, точно таким же тот зарезал дона-муженька своей дочери. Ну, у этого отморозка со мной такой номер не пройдет! Он еще не знает, с кем связался. То ли жлоб, который был выше меня на полголовы и тяжелее кило на двадцать пять, быстро протрезвел, то ли не так уж и много выпил, но противник, как я мгновенно понял, он был серьезный. Мы стояли друг против друга, и уступать никто не собирался. Я в одних плавках, а он одетый и с ножом в выставленной вперед волосатой лапе. Мои преимущества — скорость и режим! Прыжок, отбитие моей левой его руки с пером, я ведь уже ЗНАЮ каждое движение этого типа заранее, и удар со сжатием в самый последний момент кулаком по животу, вкладывая в этот

удар всю массу своего тела. Все-таки неплохо дядя Витя с Федоровичем меня за последние месяцы накачали. Семьдесят восемь килограмм даже при ста восьмидесяти двух сантиметрах роста — это не так уж и мало. Особенно, если учесть скорость удара. Удалось мне пробить его немаленький брюшной пресс. Отморозок сложился пополам, выронив свой большой нож и, удивительно тонким для его комплекции голосом, завыл. Я подобрал нож, сложил его и зашвырнул подальше в воду. Огляделся. Зареванная сестренка уже успела натянуть сарафанчик и махала мне с лодочки рукой, торопя убраться подальше от этого места. Умная она девочка. Понимает, что отдых в заливчике кончился. Я еще раз посмотрел на сложившегося типа. Хорошо у меня получилось — минут двадцать валяться скукоженный будет. Уже не торопясь я собрал все наши вещи и отнес сестре на резиновую лодку. Опять посмотрел на мужика. Надо бы добавить. Мало я его наказал. А с другой стороны — не стоит сестренке лишнее видеть. Еще раз осмотрел маленький пляжик. Все наши следы — это выложенные ракушками на траве узоры. Столкнул лодочку в воду, забрался сам в нее, вставил пластмассовые весла в уключины и через несколько минут выгреб из заливчика. Сразу за маленьким мысом мы увидели вдаль катер с нашими рыбаками. Как только лодочка завернула за выступ, откуда пляжик уже не был виден, я снова пристал к берегу. Не торопясь натянул на ноги ласты.

— Сиди спокойно и не дергайся. Я быстро. Очки для подводного плавания забыл, — сказал сестре, переваливаясь через борт.

Мужик, все так же скорчившись, лежал на траве. Хотя уже и начал вроде бы приходить в себя. Ох, и тяжелый же он! Хорошо, что берег рядом. Он еще дергался и пытался сопротивляться, когда я засунул голову отморозка в воду. Долго ждать не пришлось, чтобы тело обмякло. Засунул в эти длинные шорты несколько камней и оттащил метров на пятнадцать от берега в заливчик. Вернулся на пляжик и моментом перекидал ракушки в воду. Больше никаких следов на берегу не осталось. Хорошо, что в этот раз мы костер не разжигали. Жарко.

— Денька, вот же они, — уже немного оправившаяся Настена показала мне вытащенные из кучки наших вещей очки для подводного плавания.

— Ошибся. Бывает, — спокойно констатировал я, забираясь в лодку, — мордаху ополосни. И вот что, им, — махнув рукой, я указал на катер, — сейчас ничего не рассказывай, не стоит. Просто, нам надоело здесь одним. Я сам все объясню Вадиму в гостинице.

— Утопил? — широко раскрыв глаза, спросил Федорович, когда я коротко обрисовал ему ситуацию.

— А если бы этот гад успел? — парировал я, — А если он потом к какой-нибудь другой девчонке полезет?

— Дела, — протянул подполковник, почесывая коротко остриженную под ежик голову.

— Я, наверное, в гостинице останусь, а ты, Вадим, свозил бы ее куда, — сказал я, посмотрев в сторону ванной, где Настена соль с себя смывала, — пусть у нее плохое забудется и забьется чем-нибудь красивым и ярким.

— Соображаешь! — уже как-то уважительно покачал головой Федорович. — А сам-то как?

— Да в норме я, Вадим, в норме. Он сам себя приговорил, попытавшись сделать это с сестренкой.

— Так мы на аттракционы едем или нет? — задала вопрос выскочившая из ванной комнаты Настена, от подмышек до коленок завернутая в большое махровое полотенце.

— Обязательно, Настенька. Но никак не раньше, чем ты наденешь что-либо более подходящее для такой поездки, — тут же отреагировал подполковник, показывая рукой на дверь другой комнаты, где мы с сестрой спали и где были шкафы с нашей одеждой.

— Я быстро, — весело ответила девчонка, мигом пролетевшая в указанном направлении.

А Вадим... Он смотрел на захлопнувшуюся дверь и его морщинки на глазах разглаживались. Я привык видеть Федоровича обычно сосредоточенным, если не сказать хмурым. Но теперь, особенно когда он находился рядом с моей сестренкой, улыбка все чаще посещала его лицо. Причем эта улыбка была не язвительной, а какой-то открытой, радушной. Я понял, что не совершил никакой ошибки, согласившись на удочерение Настены Баландиными.

— Там, — подполковник показал в сторону бара, — что-нибудь крепенькое найдется. Воспользуйся.

— Обойдусь. И... — я достал сигареты, закурил и посмотрел ему в глаза, — Вадим, ты поступил бы иначе?

Он задумался, тоже закурил и только потом ответил:

— Ну, может быть не до смерти, но за такое надо наказывать. Тут ты, безусловно, прав.

Круизный теплоход, Япония, бесчисленные поездки в Саппоро — все смешалось. Жить пришлось у прописавшего нас японца — местного агента фирмы "Вольный странник", чьим представителем временно являлся Федорович. Без местной прописки международные права мне не светили. И как они в этих крошечных комнатухах постоянно живут? Этот маленький шустрый Коджи Кавахара сопровождал нас повсюду. Соответственно и в префектурную автошколу Саппоро. Вадим, как опекун, обязан был присутствовать на всех процедурах. Проверка зрения, беседа с психологом, сдача теста на алкоголь и наркотики, диабет и прочее, прочее, прочее. После беседы со мной этот психолог еще час колол подполковника на мою пригодность к вождению автомобиля. Я же в это время экстерном, не проходя курса обучения, уже начал сдавать на права. Тест на правила — сотня вопросов и четыре часа изощренной пытки под названием тренажер. Почему пытки? Потому что слишком просто, скучно и неинтересно. Во всяком случае, для меня. И вот, наконец-то, контрольная поездка. Я, немного лихо, но строго в рамках правил, проехался по автодрому, полностью имитирующему маленький район города. Чиновник из министерства транспорта уважительно покачал головой и поставил свою закорючку на экзаменационном листе. Если бы это было все. Так нет же! Сначала я три дня накатывал с Коджи Кавахарой необходимый минимум — десять часов. Это мне еще повезло. По их правилам принимающий экзамен чиновник может назначить любую длительность стажировки — как японский бог решит. И вот местные права в "детском" варианте¹¹ у меня в кармане. После этого быстренько мчусь в ближайшее отделение JAF¹² и вступаю в него. На подтверждение членства в этой Японской автомобильной федерации ушло целых два дня. После этого мы с Федоровичем нанесли повторный визит в префектурную автошколу, где Вадим написал заявление, что мне, как его подопечному, в связи с частыми поездками за границу (интересно, а где я сейчас, по-вашему, нахожусь?) нужны международные права. Опять тесты и экзамены, но уже в расширенном варианте, и, наконец-то, заветные корочки получены.

Все это на фоне всяческих экскурсий по старинным замкам и сверхсовременным супермаркетам. Вот откуда у Настены эта всепоглощающая страсть к шопингу? Я еще могу понять хорошо навороченный ноутбук раскрученного бренда "Toshiba". Нанес тут же прямо в магазине лазером на клавиатуру кириллицу, дома установил русифицированное программное обеспечение и пользуйся. Сам себе точно такой же купил. В общем-то, даже не

¹¹ В Японии порог совершеннолетия — двадцать лет.

¹² JAF — Японская автомобильная федерация.

буду спорить против целого баула тряпок, она же у меня девчонка, в конце концов. Ей ведь перед мальчиками в чем-то новом и интересном покрасоваться требуется. Но зачем Настене столько игрушек? Ох, чувствую, избалует ее Вадим.

Вот поездка в префектуру Сидзуока мне запомнилась. Там, у подножия горы Фудзи, находится старая трасса "Формулы один" Фудзи Спидвей. А, главное, на этом ныне чисто тренировочном полигоне, так как с восемьдесят седьмого года прошлого двадцатого века сами соревнования "Королевских гонок" проводятся только на новой трассе "Suzuka Circuit", что к югу от Нагои, можно вполне полноценно покататься на прошлогодних болидах. Плати бабки, предъявляй медицинскую страховку и вперед! Дерут за это удовольствие немало, почти тысячу долларов, но оно того стоит. Хорошо, что Вадим строго-настрого предупредил меня ни в коем случае не показывать все мои возможности. Потому что я влип! Влип в "Формулу" по самые уши, если не еще глубже. Вот это действительно машина. Меньше шестисот килограмм массы и почти девятьсот лошадиных сил за спиной. Нет, конечно, на той "Тойоте", что дали мне, и четырехсот сил не было. Я же это прекрасно понял, но все равно — мощща! Я, конечно, уже ездил на более сильных машинах. На том же "PORSCHE 911 Turbo Coupe" было честных полтысячи лошадей. Но тут все дело в мощности, приходящейся на единицу массы автомобиля. Даже эти четыре сотни на "Тойоте" были на голову выше того "Порше". На первой передаче кручу всего до одиннадцати тысяч оборотов и в темпе жму кнопку переключения. Вторая, третья, четвертая, пятая шестая! Черт, максимальные обороты на этой машине ограничены на жалких четырнадцати тысячах. Могли бы отсечку и побольше сделать. Хотя бы на шестнадцати. Но двести семьдесят на прямой, включив седьмую передачу, я, все-таки, выжал. Хотя основное здесь, не скорость на прямых. Основное — правильно пройти поворот. Не раньше и ни долей секунды позже начать торможение, точно вписаться в траекторию. Я накручивал круг за кругом, все больше вживаясь в эти чудесные ощущения слияния с болидом, пока не почувствовал, что к этому комплекту колес тихой сапой подбирается северный пушной зверек. Машина, несмотря на уменьшение веса, горючка-то ведь расходует, стала значительно хуже держать трассу. Не знаю, что они там увидели на телеметрии, но пришлось, получив приказ по радио, сворачивать к боксам. Я уж было подумал, что удастся хоть чуть-чуть потренироваться в старте с места после пит-стопа, но механик мне четко показал движением рук команду заглушить двигатель. Взгляд на улыбающегося менеджера фирмы, чем-то озабоченного Вадима, очередное кратковременное включение режима ЗНАНИЯ, и все сразу стало понятно. Федоровичу за мои получасовые покатушки пришлось выложить явно не одну тысячу баксов. Хрен с ними, с бабками. Деньги — дело наживное. Зато я теперь на все сто знаю, что это — мое! Я хочу и могу ездить в "Формуле один" и почти знаю, что буду. Душу дьяволу продам, но на старт "Королевских гонок" выйду!

Как связаны между собой интуиция и память? Включая режим ЗНАНИЯ я, при определенном усилии, могу вспомнить почти все, что хоть раз видел или слышал в своей жизни. Нижний предел находится где-то на уровне шести лет. Все, что было до этого возраста, является какими-то разрозненными воспоминаниями. До десяти — довольно четкими кусками. А вот начиная лет с двенадцати, хорошо напрягшись, вообще могу вспомнить все что угодно. От пустой драки из-за старой игрушечной машинки с соседским мальчишкой, до цвета пятен рабочего передника у учительницы химии. Хорошо напрягшись? Зачем себе-то врать? Включив режим. А, задействовав ЗНАНИЕ, я не только могу вспомнить любую формулу, но точно подставить в нее любые числа и правильно посчитать. Голова превращается в вычислительную машину? Этаким биокомпьютер? "Может быть, может быть", как иногда говорит Федорович. Почему же я сейчас не сочиняю новые формулы и не пишу в темпе докторскую диссертацию, чтобы в результате получить Нобелевскую премию? Вместо этого я, как дурак, вспоминаю, какой была тогда Нинка на

пляже в своем ярко-оранжевом купальнике. Или, что уже совсем непозволительно, опять чувствую на себе груди Валентины, когда она меня так страстно целовала на дне рождения. Ее груди и полные сладкие губы... Понимаю, что потом опять голова будет болеть из-за длительного включения режима, но все равно вспоминаю. Причем, в этом случае, отлично знаю, что как только придут самые лучшие мгновения, я тут же вылечу из режима. Интересно, это как-то связано с тем, что не могу включить ЗНАНИЕ, когда гляжу на Нинку? А вот с Валентиной я даже не пробовал. Надо будет проверить. А сейчас я снова и снова вспоминаю под мерный шум авиадвигателей те сладкие ощущения. Нет, ну не дурак ли? Все, хватит! Надо переключиться на что-нибудь другое.

Как встретит меня Дендик? Помнит ли? Насколько он вырос? Виктор говорил, что в первые месяцы щенки очень быстро растут. Вообще к году становятся почти взрослыми. Скоро я все это узнаю. До посадки в Пулково¹³ осталось всего два часа. Настена с Федоровичем опять дрыхнут. Сестренка хорошо загорела и чему-то улыбается во сне. Тот неприятный инцидент с пьяным мужиком она, кажется, забыла. Свежие яркие впечатления от наших отличных каникул забили все плохое. Это ничего, что она пропустила первые дни в новом учебном году. Настенька у меня умненькая, быстро наверстает.

"Силачом слышу недаром — семерых одним ударом!" Получилось почти как в той детской сказочке. Ну, не семерых, но троих за раз я проверил. И в этот раз осечки у Федоровича не произошло. Все они вполне подходили для нашей работы. Что называется — им за державу обидно. Только это были не офицеры ФСБ, из которых Вадим обычно вербовал нам сторонников, а те люди от бизнеса, про которых подполковник говорил мне перед нашей заграничной поездкой. Они, эти трое, могли бы неплохо развернуться, если бы их за руки и за ноги не держали нечистоплотные конкуренты. Особенно сложная ситуация была с одним из них, Евгением Львовичем Нейманом. Нестарый еще, тридцать два года, чуть выше среднего роста, светловолосый и голубоглазый Нейман внешне совершенно не походил на еврея. И был он, как это ни странно, романтиком. Романтиком и гением-финансистом. Хотя своего банка у него никогда не имелось. Была фирма по оптовой купле-продаже продуктов питания. Правда, в уставе этой фирмы были забиты все возможные виды деятельности, которые теоретически позволял закон. От производства этих самых продуктов питания до внешней торговли. Евгений Львович, досконально зная наше законодательство, умудрялся делать деньги на всем, что угодно. Вот только попался однажды на глаза одному бывшему деятелю КПСС, тесно повязанному с бандитскими кругами, и кончилась его планида. Что бы он теперь ни делал, его всегда раздевали. Подставляли на ровном месте. Или под не совершенное им уголовное преступление, или под налоговую инспекцию в сделке, к которой он никакого отношения на самом деле не имел. Он всегда как-то выкручивался, когда откупаясь, а когда воюя. Но неизменно лишаясь практически всех денег. Даже жены лишился в этой своей войне. Ушла она от Неймана. Не выдержала такой жизни. На мой прямой вопрос Евгению Львовичу, почему же он не уехал в Израиль, Нейман, не задумываясь, ответил:

— Ну как вы не понимаете, молодой человек? Я вырос в этой стране, у меня есть определенные идеалы. И поэтому я считаю, что надо не удирать туда, где лучше, а стараться всемерно улучшать условия жизни на своей родине.

Интересно, как в нем уживаются этот, иногда тщательно скрываемый, патриотизм и мертвая деловая хватка, когда приходится лавировать между нашими законами? Да еще и некоторый романтизм чувствуется в этом с виду таком обычном человеке...

¹³ Название аэропорта Санкт-Петербурга.

И опять основной вопрос, зачем мне все это надо? Нет, с одной стороны мне, конечно, интересно. Даже не просто интересно, а тянет. Это ведь чертовски здорово помогать хорошим людям и карать плохих. А то, что при этом зачастую присутствует определенная степень опасности — это даже хорошо. Риск — он ведь затягивает, так же как и скорость. Сколько раз замечал за собой, что когда возвращаюсь в город с трассы, то так и хочется придавить педаль газа. Медленно ведь все вокруг едут. А мне дико нравятся скорость и риск. Особенно, когда понимаю, что я — лучший! Уделать в рукопашке Виктора или Федоровича, или обоих сразу — легко и непринужденно! Соответственно, при включенном ЗНАНИИ. Освоить курс подготовки скрытных боевых действий в городских условиях быстрее, чем кто-то другой может? Сделано! Стрелять навскидку лучше любого снайпера? А с двух рук сразу не желаете?! Зря я, что ли целую неделю тренировался? Выйти одному против шестерых с пейнтбольными пистолетиками? Да, как два пальца об асфальт! Здесь основное — очень быстрые движения. Обязательно с рваным ритмом и, ни в коем случае, не в том направлении, куда надо по простой логике. Главная задача — нет, не обмануть, а заставить спарринг-партнеров шевелиться так, как мне надо. Не идти у них на поводу, а самому вести игру по нужному мне сценарию. Причем, не силой противников загонять в необходимую мне ситуацию, а ненавязчиво подталкивать. И все должно быть очень быстро, чтобы они функционировали только на рефлексках, отработанных в стандартных обстоятельствах. В то время когда я быстро работаю головой и меняю эти самые обстоятельства на абсолютно нестандартные. За каких-то восемь минут, все противники были разукрашены ярко-желтой красочкой. Хорошо тогда поразвлеклись.

Очень многое я теперь могу. Мчать по автодрому на самом пределе быстрее других, тех, кто уже годами гоняет? Легко! И чего Вадим запрещает мне на соревнованиях выступать? Рано, говорит, еще светиться. А ведь есть уже на чем.

Ключи и документы на серенькую неброскую "Импрезу", оформленную на контору Ноймана, Федорович вручил мне через две недели после каникул.

— В городе не вздумай гонять. Я, конечно, тебя отовсюду вытащу, но все равно не вздумай! — он строго погрозил мне указательным пальцем.

Ну, я же не совсем дурной! Почему неброская? Шильдики все сняты. Она только с виду 1.5R RK 4x4. Во всяком случае, если не особо приглядываться. На самом деле — самая навороченная версия. Subaru Impreza WRX STi. Крышка капота без фирменного воздухозаборника, который обычно бросается в глаза. А под капотом двухсполовинойлитровый двигатель с турбокомпрессором и интеркулером. Триста двадцать силенок, как с куста. Не "Формула-один", конечно, но тоже неплохо. Я теперь почти всюду успеваю. Если, конечно, пробок нет. А загрузил Вадим меня учебой и работой прилично.

Игра на бирже. Вроде бы относительно простой и быстрый способ сделать деньги из ничего. Более-менее подходящим оказался Форекс. Но... Я сидел в отдельном кабинете со сразу четырьмя компьютерами, подключенными через скоростную выделенку к сети, и зырился на мониторы, как баран на новые ворота. Нет, с правилами игры на биржах и специальными программами для этого я разобрался достаточно быстро. Трех дней под руководством Неймана мне вполне хватило. Все эти сленговые словечки и термины, маржа, дилинговый рычаг или кредитное плечо, лот, сторидж, нет в них ничего сложного. Наоборот, присутствует своя вполне определенная логика. Но вот предугадать скачки курсов акций и валют у меня никак не получалось, хоть ты тресни! Не схватывала моя голова все необходимые тонкости. Не хотела работать хваленая интуиция. Я долго, почти неделю, пытался понять, почему не работает ЗНАНИЕ. И ничего не смог выдумать, пока... Пока случайно вечером не увидел по телевизору всю эту сутолоку на какой-то из среднеазиатских

бирж. Слишком много факторов, от которых зависят курсы. Слишком много параметров, которые не в состоянии обчислить самый навороченный суперкомпьютер. Ведь эти курсы зачастую прыгают из-за попыток отдельных брокеров играть на повышение или понижение. Прямо, как броуновское движение. Кто-то дергается в одну сторону, кто-то в другую, а в результате все или смазывается действиями других брокеров, или, если достаточно большое количество игроков пришли к одинаковым решениям, эти гребанные курсы валют делают скачок. То есть причины изменений курсов есть как объективные, так и совершенно случайные. Ладно, почему в этих условиях не работает режим, теперь понятно. Но, все же как-то надо выходить из этой дурацкой ситуации. И помогла мне увиденная тогда телевизионная картинка. Не стоит рассматривать сам рынок, раз он реально не просчитываемый, надо анализировать игроков. Они зачастую только с виду такие непроницаемые, а так, если как следует приглядеться, вполне понятны. И зачем, интересно, на западе принято транслировать в интернет сигнал с видеокамер на биржах? Впрочем, мне-то это на руку. Пришлось добавить еще пяток мониторов, показывающих всю эту катавасию. Во всяком случае, первая же попытка прогнозировать изменения курсов валют ориентируясь на поведение брокеров, принесла мне пятнадцать тысяч долларов. А потом пошло и поехало! Когда через пять часов довольно увлекательной работы баланс на наших счетах перевалил за шестьсот тысяч баксов, Нейман положил мне руку на плечо и сказал:

— Все. Пока достаточно.

— Почему? — а я ведь только вошел во вкус.

— Если слишком быстро и, тем более, слишком много заработать за один день, то нас немедленно возьмут на заметку.

— И что? Вадим нас прикроет.

— Ну, — Евгений Львович улыбнулся, — не все так просто, как кажется. Очень сомневаюсь, что даже крыши самого начальника управления ФСБ нам хватит. А Вадим Федорович только один из заместителей, как я понимаю. Да и сама служба в мониторинге крупных денежных операций с участием банков — а как бы мы на бирже играли без использования банковских счетов? — занимает далеко не первое место. Существует специальный федеральный центр. Тут все дело в том, что наша власть, ну точнее, ее верхушка, отнюдь не дураки. Возможно, их можно назвать продажными и жадными, но никак не дураками. Еще давным-давно один очень умный человек, а звали его Иосиф Виссарионович, понял, что если не можешь контролировать каждый шаг собственных спецслужб, то надо заставить их конкурировать между собой и контролировать друг друга. Ни одной государственной структуре никогда не дадут монополию на информацию, тем более в вопросах финансов. Вот и здесь отслеживанием банковских операций занимается сразу несколько организаций. Вообще говоря, вопросы мониторинга курирует Центробанк, частично — Счетная палата, частично — Агентство ФАТФ. А Россия официально состоит в этой международной организации по пресечению отмывания преступных доходов. Напомню также, что до сих пор сохраняется необходимость в декларировании любых сделок выше определенного порога. Так что нас практически мгновенно вычислят и поместят под колпак, чтобы выяснить, как это мы так ловко денежки зарабатываем. Время мгновенного накопления большого и сверхбольшого капитала, причем, даже легального, безвозвратно прошло. Именно из-за нежелания тех, кто его уже накопил, конкурировать с новыми волками. Еще молодыми, поджарыми, не успевшими обрасти жирком на лаврах.

Нейман задумался, критически посмотрел, как я закуриваю, вытряхнул пепельницу, полную окурков, в мусорное ведро и продолжил свою очень познавательную для меня лекцию:

— К сожалению, Денис, это же приводит нас к ограничению максимальной суммы сверху. Причем эта сумма не превысит значащей цифры с пятью нулями. И то уже появляется серьезный шанс засветки. Если же работать группой, то на таких вот ребят с хитрой попой существует группа статистического анализа рынка в Центробанке. На предмет выявления предварительного сговора игроков. Почерк-то у них всех из-за одинаковой

первичной инсайд-информации будет также одинаковым. Так что, по времени выявление, конечно, затянется подольше. В нашем случае, при наличии некоторого прикрытия в руководстве областного ФСБ, а проверку проводить поручат явно им, еще несколько дольше, но все равно сумма не превысит шестизначную. В смысле — единиц миллионов. Исходя из всего мною сказанного, вывод следует только один — не надо зарываться.

— И это правильно, — голосом последнего и единственного президента СССР провозгласил от двери Федорович. Он, похоже, последние несколько минут внимательно слушал лекцию Неймана. А мы за шумом многочисленных вентиляторов аппаратуры приход Вадима в мой кабинет не заметили.

— Как следует из речи уважаемого Евгения Львовича, — подполковник изобразил нечто вроде реверанса в сторону нашего финансового гения, — полоса неудач закончилась, и у нас появились первые успехи на поприще биржевой игры?

— Именно так, Вадим Федорович, именно так, — теперь уже Нейман изобразил реверанс по отношению ко мне.

— Ну и отлично! Денис, подкинь меня к Московскому вокзалу. Надо в столицу на пару дней по делам съездить.

— И чего ты, Вадим, в Москве забыл? — мы стояли в ежевечерней пробке на подъезде к Дворцовому мосту. Выбраться с Васьки, как питерцы всегда называли Васильевский остров, где у Неймана был офис, во все времена было сложно.

— Один из замов директора службы вызывает, — ответил Федорович, не поворачивая голову ко мне. Он курил и, похоже, был чем-то огорчен.

— А чего смурной такой? Есть из-за чего начальства побаиваться? — я же, наоборот, был на подъеме. Ведь такое дело сегодня удалось, наконец, проверить. Шесть сотен тысяч зеленых тугриков нам ведь никогда не помешают! А он чего-то хмурится. Вот меня сейчас даже пробка не раздражает. И накапывающий осенний дождичек. Отвезу подполковника на вокзал и рвану за город на автодром. На мокрой трассе еще интереснее будет гонять.

— Да не в генералах дело, — Федорович с некоторым остервенением загасил сигарету в пепельнице, — Валентина сюрприз очередной устроила, а мне ехать надо.

— Ммм? — не понял я.

— Да понимаешь, — он несколько неуверенно посмотрел на меня, — у нее иногда редко, но бывает. Запой.

Н-да, я даже не знаю что сказать. Пьяной я тетю Валю только на дне рождения в августе видел. А на следующий день она уже трезвая была. И, когда с отпуска прилетели, тоже посидели хорошо. Валентина тогда шампанского выпила, но не перебирала и была вполне нормальная. Больше Настену целовала, чем меня.

— Слушай, Денис, — в глазах Федоровича появилась какая-то надежда, — а может, ты попробуешь?

— Что попробую? — совершенно не понял я Вадима. Справа впереди появилась "дырка", и я рванул туда, обойдя сразу две машины.

— Гипноз. У меня не получится, точности артикуляции не хватает. А с твоими талантами... — он замолчал.

Я опять рванул вперед, полагаясь на свой небольшой опыт. Режим включать неохота, так как сегодня уже чуть-чуть перебрал свою норму. Мучиться поздно вечером головной болью никак не хотелось. А просьба Федоровича...

— Да можно, наверно, попробовать. А она не обидится?

— С чего вдруг? Она у меня женщина умная...

Я, все-таки, позвонил. Вламываться в чужую квартиру без предупреждения, хотя хозяин сам дал мне ключи, как-то не комильфо. Позвонил раз, другой, но, тем не менее, пришлось самому открывать замок. Двухкомнатная квартира Баландиных не сказать, что была большой, но уютной. Из прихожей, где я скинул кроссовки и натянул на ноги гостевые тапочки, можно было попасть в залу, кухню, ванную и, как у нас говорят, в места общего пользования. Большая комната была проходной. Маленькая раньше называлась спальней, но теперь там сделали детскую для Настены. В ней она будет жить, когда я куда-нибудь отъеду.

Заглянул в залу. Диван был застелен, одеяло откинута, подушка примята. На журнальном столике рядом стояла полупустая бутылка шампанского, бокал, испачканный яркой губной помадой и открытая коробка шоколадных конфет. Из динамиков магнитолы тянулся какой-то блюз. Красиво женщина пьет. С удобствами. Неожиданно за моей спиной раздался звук открываемой двери. Я повернул голову и остолбенел. Из ванной вышла Валентина в... Халат был распахнут, под ним ничего не было. А ее тугие совершенные тяжелые высокие груди... Обнаженные широкие бедра... И еще этот запах свежеемытого женского тела... У меня аж в глазах потемнело.

— Дениска! — радостно почти закричала она и шагнула ко мне.

Это был такой горячий поцелуй!.. Ее пухлые сладкие губы и острый язычок!.. Сдернуть халатик с обольстительных плеч оказалось просто, а вот с меня одежду мы срывали вдвоем. Как оказались на диване, я просто не заметил. Это была такая ночь!.. Какой к черту режим ЗНАНИЯ, какой гипноз, если мы пили шампанское из одного бокала, а под диваном уже валялось несколько пустых бутылок?! Безумие какое-то... Безумие, пропитанное обоюдной всепоглощающей радостью... Мы просто не могли оторваться друг от друга...

И как я теперь посмотрю в глаза Федоровичу?!

— Четыре года назад, — он запнулся. Даже без включения режима мне было видно, что подполковнику очень тяжело вспоминать об этом, не то, что говорить.

— Четыре года назад, — он собрался и теперь рассказывал уже без перерывов, — я, при выполнении задания, был ранен и в бессознательном состоянии попал в плен к чехам¹⁴. Те пытали меня, пытаясь получить информацию о моей агентуре. Наши меня вытащили. Потеряли троих человек, но вытащили. Как потом сказал хирург, который меня собирал, вытащили в виде куска мяса.

Лицо Федоровича теперь было абсолютно бесстрастным. Он говорил, как будто перед начальством отчитывался.

— Восемь месяцев провалялся в госпитале. Одиннадцать операций. Еще почти год на восстановление физических кондиций. Сейчас к здоровью у меня особых претензий нет, если бы не одно "но", — его голос все-таки сорвался. Вадим достал пачку, долго разминал сигарету, прикурил, бросил короткий, какой-то виноватый взгляд на меня.

— После плена я перестал быть мужчиной, — говорил он теперь совсем тихо, почти шепотом, — просто нечем. Все самое необходимое отсутствует. А Валя... Для нее это оказалось еще хуже, чем для меня. Вначале только и делала, что ревела без перерыва. Меня жалела. Потом как-то смирилась. Жить-то все равно надо. Ведь мы по-настоящему любили и любим друг друга. Не хочет она меня бросать. Я предлагал развод, но она не хочет. Нам и без этого хорошо вдвоем. Не так, конечно, как было... Но, иногда, Валентина срывается. Начинает неделю или две пить. Это у нее предохранительный клапан такой, что ли? Раз в полгода-год случается. Бросается в загул. Временами даже интрижки бывают, когда пьяная. Я, конечно, все понимаю. Она же в самом расцвете... Мало ей моих ласк без этого. Даже, практически, не ревную. Только очень за Валеньку боюсь, что нарвется на какую-нибудь

¹⁴ Чеченские боевики.

сволочь... — он замолчал.

А ведь самая большая сволочь здесь я! Федорович ко мне со всей душой... — я тоже закурил, не поднимая глаз на Вадима. А он неожиданно окрепшим голосом продолжил свою историю:

— Когда я более-менее восстановился, то, вернувшись на службу, опять поехал туда. Через пару месяцев меня из Чечни отозвали. Сказали, что слишком лютую. Информацию я из чехов быстро вытряхивал всю, до последней капли, но... Отозвали, в общем. Жизнь как-то наладилась. Работа свое берет. Подумывали уже ребенка из детского дома взять, когда Виктор с тобой познакомил. А потом я Настеньку увидел... Увидел и прикипел душой. Рассказал, а затем показал Вале. Твоя сестра для нас теперь, как свет в окошке, — он замолчал. Лицо Вадима разгладилось.

Н-да, ситуация. Это что же получается, она мне как бы взятку таким образом дала? Нет, я же все помню! Валентина сама тогда всем этим упивалась. Это и для нее было очень большим удовольствием. Когда женщина так жарко тебя целует, ошибиться невозможно! Черт, тут в себе бы разобраться, а уж в ней, если меня сразу, как начинаю думать об этом, из режима напрочь выбивает...

— А то, что у вас произошло, — опять заговорил подполковник, — знаешь, обычно, когда у Вали такое случается, она никогда не рассказывает, кто это был. Не скрывает, но и не рассказывает сама. Я же ведь не спрашиваю. А тут сразу все мне выложила. Я, даже, немного благодарен тебе, что ты ей маленький кусочек счастья подарил. И беспокоюсь здесь больше о тебе. Валентина ведь почти вдвое старше. Не может это у вас быть надолго. А главное — чтобы произошедшее не испортило наших отношений. Мало того, что само дело мне интересно и нужно, так ведь без Настеньки мы с Валей свою жизнь уже не представляем. Виноват же во всем, в первую очередь, я сам. Не сообразил, какую ты ее увидишь. Не подумал. Устоять же перед желанием такой женщины, — в словах Федоровича даже, кажется, гордость проскользнула, — да еще в твоём возрасте невозможно. Так что можешь себя не винить и глаза не прятать.

Нинка. Она все-таки поступила в свой Технологический институт. Или, как он теперь называется, Технический университет. Виделись мы теперь, увы, довольно редко. Со свободным временем у меня теперь большой напряг. Я встречал ее сразу после занятий, если сам в этот день рано заканчивал свою работу или учебу, и мы на "Субарике" закатывались в какой-нибудь уютный ресторанчик посидеть, поужинать и потанцевать.

— А ты, Денис, изменился. Возмужал, — она подняла голову, чтобы посмотреть мне в глаза, и чуть сильнее прижалась танцуя.

— И в чем это выражается? — я улыбнулся Нинель и опустил правую руку чуть ниже, чтобы ощутить нижним краем ладони чудесную выпуклость ее ягодицы.

— Не знаю, — Нинка потянулась и легонько коснулась губами моей щеки, — просто ты теперь другой.

В этот момент меня в спину ощутимо толкнули. Я обернулся. Сзади, не обращая ни на кого внимание, притоптывалась та еще парочка. Он — высокий, тяжелый парень лет под тридцать, явно южного происхождения, хорошо выпимши, и она — не намного моложе, но слишком легко и несколько вульгарно одетая девица. Проститутка, что ли?

— Осторожнее надо, — проинформировал я и повернулся к Нинель. Танцпол в полутемном зале был не очень большой, но места для нескольких пар хватало. Но, увы, в этот день больше танцевать нам не пришлось. Буквально через несколько секунд разразился скандал.

Вероятно, эта поддтая парочка еще кого-то задела, и пошла разборка.

— Извинись перед девушкой, козел! — нормально и со вкусом одетый мужчина стоял перед тем парнем, придерживая закусившую губу молодую женщину, которая присев

потирала двумя руками лодыжку, приподняв край широкой юбки.

— Кто козел?! — выпивший южанин проорал свой вопрос на весь ресторан, заглушая музыку. Он, не размахиваясь, ткнул мужчине кулаком в живот. Тот сложился пополам и упал.

Черт! И здесь от них покоя нет! Я подтолкнул Нинку к нашему столику и решительно направился к месту разборки. Нельзя таким позволять распускать руки. Через весь зал к танцполу уже мчался охранник от входа, но с другого конца помещения от сдвинутых вместе столов к нам двигались еще несколько человек явно не русской внешности. А тот, которого вполне правильно назвали козлом, отвесив оплеуху присевшей женщине, отчего та, коротко пискнув, завалилась на пол, замахивался, чтобы добавить мужчине. Не успел. Мой кулак попал ему точно в ухо. Я выпил полбокала красного вина и не мог немедленно включить режим, но сейчас этого не требовалось. Не тот противник. Южанин рухнул, так и не успев нанести удар. Получив еще один хороший такой тычок в живот от ботинка охранника, он затих. Секьюрити бросился поднимать женщину, не видя, как сзади на него налетают сразу два южанина. Одного я просто подсек под коленку, услышав хруст костей сломанной ноги. Несколько резковато подсек. Бывает. Другому, который громко орал что-то на своем непонятном гортанном языке, собираясь ударить охранника пониже спины, заткнул пасть свингом по нижней челюсти, опять уловив знакомый звук сломанных костей. Да что же у них косточки-то такие слабые?! Еще один южанин зарычал, как, наверное, рычат звери по ночам у их родного горного аула, и, широко расставив руки, бросился на меня. Это он что, хочет задавить мою бренную тушку в своих радостных объятиях? Явно меня с кем-то перепутал. Терпеть не могу мужских нежностей! У меня совершенно традиционная для Питера сексуальная ориентация, в отличие от некоторых. Я поднырнул под его расставленные руки, и моя коленка немного резковато воткнулась ему в бок. Хрюкнув, совсем как молочный поросенок, он заткнулся и успокоился на полу рядом с типом, держащемся за сломанную челюсть. Следующего я ласково встретил каблуком точно в коленную чашечку. Странно, но его нога почему-то выгнулась совершенно не в ту сторону. Прямо как у кузнечика. Н-да, у костоправов сегодня будет много работы.

Я огляделся. Больше противников в вертикальном положении не оказалось. Охранник вместе с молодой женщиной поднимал с пола того хорошо одетого мужчину, который пострадал первым. Нинка с широко раскрытыми глазами стояла у нашего столика, одной рукой опираясь на него, а другой ладошкой прикрыв свой ротик. На столе парили только что принесенные цыплята табака. Вот только аппетита у меня, увы, уже не было. Самый первый южанин, из-за которого все и началось, успел выbleвать весь ужин на свой костюм. Запах, мягко говоря, был не очень приятным.

Тихо посидели, называется...

Глава 4

— И зачем тебе это было надо? — подполковник примчался в отделение сразу после той драки, предварительно накачав ментов по телефону, чтобы относились к нам с Нинкой с соответствующим уважением.

— Во! Я должен был молча стоять и смотреть, как какой-то дурак на букву "м" ни за что ни про что избивает человека?!

— Вадим Федорович, — капитан милиции успел прочитать в удостоверении имя-отчество моего друга, — у нас нет особых претензий к молодому человеку. У двоих из задержанных обнаружены незарегистрированные стволы. Показания достаточного количества очевидцев свидетельствуют, что юноша не превысил пределов необходимой обороны. А один из задержанных вообще является фигурантом федерального розыска.

Подполковник посмотрел на капитана, как на пустое место, и опять принялся пилить

меня:

— Денис, ты можешь понять, что силу надо применять только тогда, когда слова не действуют?

— Это была именно такая ситуация, Вадим, — четко сформулировал я свой ответ.

Мент, давно уже проверивший мои документы и узнавший, что мне всего семнадцать лет, оторопело смотрел, как я отбрехиваюсь от подполковника ФСБ.

Вадим, неодобрительно глянув на меня, соизволил обратить внимание на капитана милиции.

— Показания сняли? Все задокументировали?

— Даже записи камеры наблюдения из ресторана приобщили, — с готовностью подтвердил капитан.

— Тогда чего держите потерпевших и свидетелей? — задал резонный вопрос Федорович. — Время-то уже позднее.

— Только что закончили, товарищ подполковник, — с несколько виноватым выражением лица отчитался милиционер.

Федорович, критически посмотрев на него, перевел взгляд на меня:

— Выйди.

Нинель, просидевшая в коридоре отделения милиции на неудобном стуле после дачи свидетельских показаний полтора часа, бросилась мне на грудь.

— Ну что?

Я поцеловал девушку в губы, не обращая внимания на нескольких милиционеров.

— Все нормально.

Вадим вышел из кабинета капитана через десять минут, держа в одной руке мои и Нинкины документы, а в другой кассету с видеозаписью из ресторана.

— Не было вас там сегодня, — объяснил он уже на улице, — не стоит тебе в милицеских протоколах светиться. Настеньку Валя к нам забрала, а ты отвези девушку домой.

— Я есть хочу, — тихим голосом почти пропищала Нинка, — родителям я из отделения звонила. Они не беспокоятся.

— Ну, тогда решайте сами, — Федорович критически посмотрел на меня, — а завтра нам с тобой, Денис, надо будет серьезно поговорить.

О чем, интересно? Опять меня пилить будет?

Дядя Витя — мой персональный телохранитель? Даже не так. Начальник службы безопасности фирмы Неймана. Службы, которая в первую очередь охраняет меня и только потом — фирму. Ну и на хрена мне все это? С Нинкой куда-нибудь прокатиться теперь только в сопровождении "Гелендвагена" с несколькими секьюрити? Вадим, похоже, немного перестарался. Оказывается, на меня записаны приличные пакеты акций всех фирм, которые наша не такая теперь уж и маленькая компания единомышленников патронирует. Я никогда особо не обращал внимания на те бумаги, которые мне подсовывают подписывать что Федорович, что Нейман. А надо было.

— Понимаешь, Денис, раз уж тебя все равно надо делать известным, то определенное, пусть и частично вымышленное, богатство не помешает.

— Только частично? — перебил я Вадима.

Он улыбнулся.

— Миллионов тридцать евро из них вполне реальных. Достаточно быстро ликвидных — почти половина. Ну, должны же мы как-то легализировать свою деятельность?

Н-да. Я, оказывается, миллионер! Нет, мне не раз уже приходилось составлять аналитические отчеты по разным фирмам и, используя свои возможности, давать рекомендации по довольно большому количеству договоров. Соответственно, совместно с

нашим финансовым гением Евгением Львовичем и иными работниками его закрытого акционерного общества. Не один раз мы с Федоровичем при участии Виктора и других наших специалистов разрабатывали операции для прикрытия этих фирм, как от излишнего внимания налоговых органов, так и от не очень чистоплотных конкурентов. Причем второе бывало значительно чаще. Две конторы вообще разорили подчистую. Лично я в самих операциях принимал участие очень редко. Только, как говорит Вадим, для повышения моего образовательного уровня в этой области. Но я и предположить не мог, что наш труд так хорошо оплачивается.

Нет, денежки — это, конечно, хорошо. Хотя я прекрасно понимаю, что они не совсем мои. Точнее — совершенно не мои. Ну, к какой-то части этих миллионов я свои лапы приложил, особо скромничать не стоит. Конкурентов мы гнобили кого вполне законно, а кого и не очень. Это все зависело от них самих. Если была обычная конкуренция, то и мы работали вполне честно. Точная оценка ситуации на рынке позволяла нам предложить контрагентам пусть не намного, но лучшие для них условия контрактов, и тогда выгодный заказ доставался одной из наших фирм. А вот если соперники действовали жульнически, не соблюдали неписаных законов бизнеса — хотя какая честность может быть сейчас в условиях дикого капитализма? — то в этом случае и мы не считали себя связанными даже видимыми правилами приличия. Противник задействует административный ресурс или, хуже того, подставляет нас под УК? Изучить врага и бить по самому больному месту! С одной стороны необходимо правильно понимать в каком мире мы живем. Надо честно признать что нынешняя ситуация в Российской Федерации очень враждебна для бизнеса. Поэтому на агрессию мы всегда отвечали многократной агрессией. Вот только проблему с основным врагом Неймана пока не решили. Опытный был противник. Хорошо прикрытый. Разве что использовать методику незабвенного Саши Македонского? Если узел не распутывается, то рубить его и не думать о последствиях!

Хороший домик. Скромненький. Всего два этажа. И архитектура излишествами в глаза не бьет. Никаких колонн, никаких портиков. Производит впечатление небольшой дачки уездного масштаба. Но если посмотреть на этот дом немного повнимательней, приглядеться к кирпичной сторожке у ворот, узенькие окна которой скорее являются бойницами, прикинуть высоту добротного бетонного забора, обратить внимание на замаскированные под скворечники видеокамеры... Загородная резиденция Юрия Юрьевича Пономаренко, ныне более известного в определенных кругах как Пономарь, была довольно неплохо защищена как от внезапного нападения, так и от незаметного проникновения. Одного только не учел специалист, проектировавший систему охраны, что ликвидатор пойдет в одиночку, среди бела дня через дверь ни от кого не скрываясь. Более того. Не просто пойдет, а будет приглашен. Ликвидировать Пономаря я решил сам, подробно ознакомившись с большим досье, любезно предоставленным мне Федоровичем. В электронном виде оно "весило" аж семь гигабайт.

Юрий Юрьевич Пономаренко жил на этом свете уже шестой десяток лет. Жил и, что интересно, ни в чем себе не отказывал. И были у Юрия Юрьевича, бывшего активного функционера КПСС, в жизни два увлечения. Женщины, причем преимущественно молоденькие, и евреи. Если первое еще как-то можно было понять, то второе... Это ведь они, эти жидо-масоны в первую очередь, виноваты в развале Советского Союза. Они забрались в парткомы его партии и устроили эту перестройку. А как хорошо было жить до нее. Все было просто и ясно. Кто выше стоит, тот больше и имеет. Нет, не в деньгах дело, а в возможностях. Ладно, бывшие партийные и комсомольские работники, но откуда вдруг взялись эти такие пробивные инженеры и яйцеголовые? Лезут и лезут в бизнес. Да еще отстегивать не хотят! Более-менее терпимо было в девяностые. Сказал кому надо и нет паршивца или раздели его донага. Когда какой-то еврейчик перехватил у всеми уважаемого

Юрия Юрьевича довольно выгодный заказ, то он немного выждал и приказал обанкротить этого Неймана. Месть была такой сладкой, и Пономарь взял этого горе-бизнесмена на заметку. Юрий Юрьевич просто получал удовольствие, в очередной раз втоптывая еврейчика в грязь.

Я долго прикидывал, как отучить Пономаренко гадить Евгению Львовичу. Сложно. Мало того, что "крыша" этого типа была в Москве на очень высоком уровне, так еще и личной безопасностью он никак не пренебрегал. Вывод? Убрать Пономаря к чертям собачьим! Но ведь Федорович сам на акцию не решится, уж больно опасна, и мне не позволит. А не буду я спрашивать у него санкцию. В одиночку, когда не надо думать о напарниках, даже проще будет.

Познакомился лично с Пономаревым на одной презентации. Причем, как это ни смешно, загримировался я под девушку.

— Как это понимать, Денис? — глаза у Виктора стали круглыми, когда я открыл ему дверь нашей квартиры перед тем, как ехать на презентацию.

— Плохо получилось? — на мне был приталенный черный брючный костюм, почти рыжий парик, длинный, до вызывающе торчащих накладных силиконовых грудей и остроносые сапоги на небольшом каблучке. Большие очки с круглыми стеклами без оправы завершали маскировку.

Он покрутил меня перед собой, разглядывая со всех сторон.

— Задница маловата, а так очень даже ничего. Если бы не знал тебя так хорошо, то, встретив на улице, не узнал. Может быть, даже пофлиртовать захотел бы.

— Что и требуется. Сегодня поедem на презентацию. Будем самого Пономаря охмурять.

— Федорович в курсе? — на лице Виктора появилось сомнение в правомерности моих действий.

— Не-а, — я достаточно легкомысленно повилял той частью тела, которая моему главному телохранителю показалась маловатой, — зачем? Мы же пока только разведкой займемся.

— Ну, смотри, — Виктор все-таки покачал головой, — я все равно подполковнику доложу, как из столицы приедет. Получишь за самовольство по той штуке, которой ты виляешь.

Баландин опять был в Москве. Что-то его начальство часто туда вызывать стало. Надо будет, когда вернется, поинтересоваться причинами.

А я... Когда включаю режим и пытаюсь анализировать сам себя, в голове сразу крутятся дедовы слова, что это во мне так называемый юношеский максимализм играет. Хочется быть и хорошим, и справедливым. И чтобы все вокруг были такими же. А невозможно это. Гада какого-нибудь не переделаешь. Их надо убирать! Вот и этого типа — на тот свет. Я решился! Все равно за меня никто этого не сделает.

На презентации все прошло именно так, как я планировал. Применять против таких как Пономаренко НЛП вместе с быстрым гипнозом можно и нужно. Вот в обычной жизни — ни-ни. Это было бы просто безнравственно. В результате у меня появилась визитка этого типа с прямым телефоном. Как он ни пытался заполучить мой номер или вообще хоть что-то выяснить о такой сексуальной девушке, как Аня (под таким именем я представился), ничего у этого старого блядуна не вышло. А как он хвост распускал, как хотел немедленно затащить в свою загородную уютную берлогу! Вот интересно, когда я отстраняюсь от самого себя и начинаю анализировать действия этого козла и пытаться прогнозировать их, то все получается настолько просто и ясно! Хочется ему считать себя неотразимым, и это обычно получается. Неужели не понимает, что женщины ведутся на его деньги, но никак не на него самого? А заставить Пономаря побегать за бабой — элементарно. Немного загадочности и не прямой отказ — и он готов. Будет рогом ковырять и бить копытом, чтобы добиться благосклонности Анечки. Уехать с презентации на дорогой машине (пришлось одолжить "Мерс" с подставными номерами у хорошего знакомого) и отрубить слежку сразу двумя машинами сопровождения (на них мы вообще поставили в этот день московские номера)

было не очень сложно. Вот организовать временную нетрудоспособность штатной любовницы Пономаренко (с постаревшей женой он давно не спал) оказалось несколько труднее. Десяток капель мощного транквилизатора в сок на примерке очередного платья пришлось в самый раз. Она сама посчитала себя заболевшей. Одна из наших девушек, Катя Воронова, кстати, старший лейтенант ФСБ, виртуозно выполнила мою просьбу буквально в тот же день. Сильные профессионалы в нашей команде собрались, этого отрицать никак нельзя.

Реакция Юрия Юрьевича на мой телефонный звонок была легко прогнозируемой — он ждет меня с нетерпением, несмотря на то, что было только начало дня. Я приехал на такси, заранее побеспокоившись чисто уйти из дома, чтобы не заметила собственная охрана.

— Анечка, милая, вы великолепно выглядите! — ну еще бы, два часа грим накладывал.

Секьюрити, однако, воодушевления хозяина не разделяли. Я был вежливо ощупан какой-то мускулистой бабой в мужском костюме. Хорошо, что в трусы не полезла. Пистолета там у меня не было, но кое-что другое!.. Ни сколько не сомневаясь в своем праве, она быстренько порылась в моей сумочке — ничего представляющего для хозяина опасности там не нашлось. Итак, четверо в сторожке, еще двое в доме. Первые, включая мужеподобную мадам — охрана, плюс повар и служанка. Последняя тоже не отличалась особой женственностью. Вероятно, постоянная любовница постаралась заранее избавиться от возможной конкуренции.

Очень большое удивление у Юрия Юрьевича вызвал мой отказ от вина:

— Как, Анечка, вы совсем не пьете?

— Ни капельки спиртного, — режим ЗНАНИЯ мне сегодня еще потребуется, — впрочем, это нисколько не мешает мне выпить с тобой на брудершафт. Только в твоём бокале будет коньяк, а в моем — кока-кола, — я форсирую события. Терять время на пустопорожние разговоры с этим типом мне совершенно не хочется.

Как только мы остаемся в комнате одни, я, окинув помещение взглядом, определяю вероятные места нахождения видеокамер. Охрана контролирует только окружающее виллу пространство или хозяйские покои тоже? Хотя последнее — вряд ли. Кто же захочет на себя подчиненным компромат давать? Так, ноутбук, лежащий на журнальном столике. То, что мне требуется.

— Можно? — я, не спрашивая хозяина, поднимаю крышку и включаю компьютер.

— Пароль? Я, Юра, очень любопытная, — всего насколько слов и движений. Он, этот козел, уже готов. Не нарывался еще на хороших специалистов по быстрому гипнозу. Выкладывает двенадцатизначную комбинацию, как на блюде.

Вайфай в наличии. Роутер, вероятно, в помещении секьюрити стоит. Быстро пробегаюсь по структуре охраны. Хорошо. Камеры внутри виллы натканы только в комнатах слуг, большой прихожей, в коридорах, полуподвальном гараже и на кухне.

— Сюда никто не зайдет?

— Как можно, Анечка? — он не понимает, что уже полностью под контролем.

— Очень хорошо, мой козлик, — пора приступать к экстренному потрошению, — сядь сюда, на этот стул.

Заставить его вспомнить номера всех счетов, пароли, заставить в режиме видеоконференции (ноутбук, конечно, был оборудован встроенной камерой) отдать распоряжения о немедленном переводе очень солидных сумм на заранее подготовленные мною счета банков, которые находились в оффшорах, это не очень-то и быстро. Когда через полтора часа, предварительно постучав, та самая мужеподобная охранница заглянула в комнату проверить обстановку, все выглядело как надо. Бутылка коньяка была на треть пуста, один из бокалов был испачкан ярко-красной губной помадой, Юрий Юрьевич сидел рядом со мной без пиджака, верх моей блузки был расстегнут, черный бюстгальтер был

хорошо виден.

— Пошла вон, — выплюнул хозяин и, опять надев на себя пошловатую улыбку, повернулся ко мне.

Удовлетворившись увиденным, секьюрити покинула помещение, никак внешне не отреагировав на грубость Пономаря. Вероятно, здесь это было в порядке вещей.

На утрясание финансовых проблем ушло еще пара часов. Заодно достаточно подробно Юрий Юрьевич описал мне свои официальные и криминальные связи. Все, больше из него сегодня ничего не вытянуть. А второй встречи уже не будет. Через каких-то двадцать минут без контроля он придет в себя и многое вспомнит. Надо ликвидировать. Причем свидетелей тоже.

— Вызови, Юрик, двух охранников. И распорядись подготовить машину. Наступило время покататься, — я, надо признать, уже прилично устал. Режим пришлось включать достаточно часто и подолгу.

Минимум один пойдет к автомобилю в полуподвальный гараж, двоих я вырублю здесь. Останется еще один перед мониторами в сторожке и повар со служанкой. Последние двое опасности не представляют. Резким ударом ребром ладони, после того как Пономарь отдал по телефону приказы, вырубая его навсегда и встаю у самой двери. Очень хорошо, что рядом есть электрическая розетка. Как только после короткого постукивания ручка начинает поворачиваться, втыкаю заранее согнутую шпильку в розетку и всем телом прыгаю на створку. Не ожидали мальчик с девочкой? В неярком свете из окна — люстра и бра из-за короткого замыкания погасли — вижу как один секьюрити, получив в лоб дверь, падает на спину, а вот мускулистая баба успевает отреагировать и тянет ствол из кобуры скрытого ношения. Нет, громкие звуки, а глушитель на пистолет почему-то не навинчен, мне сейчас совершенно не требуются. Переполох ведь поднимется! Бью ногой в живот. Раз уж решилаась работать на такую большую сволочь, как Пономаренко, то заполучи. Больно? Понимаю, но ничем помочь не могу. Разве что, выключить навсегда. Это что, ломать кадык становится моим фирменным знаком? Надо признать — достаточно простой и быстрый способ спровадить клиента на тот свет. Традиционный удар по гортани заканчивает с бабой. С пытающимся встать мужиком разбираюсь чуть медленнее — резкий поворот головы на большой угол, чем предусмотрено природой, заканчивается переломом шейных позвонков. Н-да, убивать голыми руками — та еще работенка.

Теперь темп, темп и еще раз темп! Свет погас только в малой части виллы. Защитная автоматика установлена грамотно. Прихватив один ствол бегу в гараж. Двадцать секунд, но меня уже ждут. Охранник перед монитором не зря бабки получает — успел предупредить водилу. Но тот не учел, что на маленькой лестнице света не будет. Я, в коротком прыжке, успеваю раскурочить стволом пистолета плафон вместе с лампочкой и бью рукой по ручке двери. Из гаража в распахнутую створку следует сразу три выстрела. Глупенький, ты же сам выдал свое точное местонахождение. Не готов ты еще к бою, в отличие от меня. Я-то в режиме! Мне хватает одного нажатия на курок. Громкий стон сопровождает мое быстрое перемещение в полуподвал. Лежит сразу за черной "Эмэлкой"¹⁵ и держится за разодранное пулей плечо. Хороший удар рукояткой пистолета по темечку выключает стоны раз и навсегда. Остался последний в кирпичной сторожке.

Маленький сюрприз. Зря я, что ли, только войдя во двор виллы, осматривал окружающий пейзаж? Кабель со столба был протянут к этой части дома и, аккуратно закрытый пластмассовой броней, спускался именно сюда. Вот распределительный входной электрощит. Смотри-ка трехфазный автомат. Богато живут нынче олигархи! Выключено. Во, запел стартером и ровно загудел дизельный электрогенератор под кожухом, установленный тут же в углу. Тоже выключаю. И автономное питание противопожарной системы, и сигнализацию виллы. Лишнее это сейчас, лишнее. Заодно рву связной кабель в находящейся

¹⁵ Mercedes-Benz ML-Class

рядом распределительной коробке. Хотя тревожный сигнал уже наверняка отправлен. Да и сотовые телефоны никто не отменял. Не будем терять драгоценное время. Усадить труп водилы в "эмэлку" недолго. Его ногу на газ. Хорошо, что открытая входная гармошка гаража прямо против ворот виллы. Рывком переключаю автоматическую коробку на "драйв" и выскакиваю. Мерсовский "паркетник", ревя двигателем, несется немного косо на въездные ворота. Ну, правильно, должен же последний охранник задержать ликвидаторшу?! Не дать ей уйти?! Ух, как точно лупит из узкого окошка сторожки по кабине "эмэлки"! А я в это время бегу к другому окну. Уф, успел! Хватило одного выстрела. Но как же голова болит! Явно я сегодня перестарался. Слишком часто и надолго включал режим.

Быстро, прихватив одну полную канистру, перемещаюсь в помещение охраны. Пару пуль по винчестерам компьютера. Самый хороший способ стереть с них видеозаписи моего сегодняшнего посещения виллы. А главное — быстрый! Открытую канистру на пол и выстрел. Хорошо горит! Теперь повторить операцию в доме, предварительно выгнав из полуподвального гаража обычный "шестисотый" в двести двадцатом кузове. "Гелендваген" брать не стоит. Слишком бросается в глаза. И чего Пономарь так "Мерседесы" любит? Прямо, как арабы на Ближнем Востоке. Им все равно, какая модель и год выпуска, лишь бы трехлучевая звезда на капоте была. Входной водяной вентиль закручен, пассивная система пожаротушения не сработает. Активная без электричества — пустое место. С одной стороны проектировщики все грамотно сделали, а с другой... Кто мог предположить, что аварийные системы электропитания будут намеренно выключены? Можно поджигать. Гори оно все синим пламенем! Огонь уничтожит все следы. Хотя пальцы у меня покрыты тонким слоем специального лака, чтобы не оставлять отпечатков, но кто его знает, что эксперты обнаружить могут? Остались повар и служанка. Выберутся — пусть живут. Все равно ничего опасного для меня не знают.

Прокатиться недалеко на "шестисотом", переодеться, смыть грим, полить "Мерс" с моими тряпками внутри чистым спиртом и поджечь — двадцать пять минут на все. Почему спирт? А выветривается быстро. После бензина я бы еще долго благоухал. Теперь и домой на неброской "восьмерочке"¹⁶ можно.

— Мальчишка! Ты подставил нас всех! — Вадим был не просто разгневан, он был взбешен.

— Больше чем полгода сотни, нет, уже тысячи людей работают вместе, чтобы попытаться хоть что-то изменить в нашей стране в лучшую сторону, — он не кричал. Но говорил очень громко. Поймал меня прямо у дверей квартиры — и угораздило же его вернуться из Москвы как раз во время моей операции — тщательно закрыл изнутри замки и прямо в прихожей взорвался.

И где Федорович набрал тысячи? Хотя, если посчитать всех людей, что работают в наших фирмах, то, пожалуй, и поболее наберется. Но вот лично меня знает максимум пара сотен. А то, что я из себя представляю, мои настоящие возможности — человек сорок, не больше. И все они — офицеры ФСБ и несколько крупных теперь уже финансистов. Первые — потому что все вместе по очереди учат меня премудростям оперативной, аналитической и, в том числе, руководящей работы и прикрывают, и охраняют. Та же Катенька Воронова, официально служа в "наружке" ФСБ, вместе со своим мужем Николаем — он в той же конторе капитан — стараются в свое свободное время не отходить от моей, как теперь утверждает наш шеф, глупой персоны. Это ведь Катерина научила меня быстро и почти неузнаваемо меняться. Она, сама прекрасный визажист, обучила меня работать с гримом, правильно выбирать одежду, чтобы не бросаться в глаза или, наоборот, выглядеть

вызывающе. Ее же трудами поставлены мне женская походка и движения. Как Федорович говорит: "Неизвестно, что в жизни может потребоваться. Ты, Денис, обязан знать и уметь все!". Готовят из меня этакого супер-пупер профи. Хорошо, что при включенном режиме мозг впитывает все эти знания и умения как губка. Вот с движениями несколько сложнее, но тоже достаточно быстро осваиваю. Вторые — то бишь наши акулы бизнеса во главе с Нейманом — тоже меня обучают. Опять-таки подполковник заявил: "Политика всегда и везде основана на экономических интересах, как отдельных лиц, различных групп населения, так и целых государств. Без финансов никаких политических сложностей нет и быть не может". Ну, так я же не спорю. Тем более что мне самому интересно и учиться, и работать.

— Вот что мы теперь будем делать?! На нашу незаконную организацию — да-да, именно незаконное вооруженное формирование — через тебя теперь выйдут те, кто, по своей сути, являются нашими основными врагами. Пойми, у этого Пономаря огромное количество различных деловых и юридических связей. То есть на него завязаны интересы огромного количества лиц. А у них у всех, как и у самого Пономарева, есть службы безопасности. Кто тебе сказал, что он не находится под их пристальным наблюдением? Теперь все карты, что телефонных звонков, что его передвижений, включая случайных контактеров, будут тщательно анализироваться как хорошими профессионалами, так и специальными компьютерными программами. Отслеживаются все связи, явные и не очень. Теперь, рано или поздно, на нас гарантированно выйдут, — он говорил и говорил, постепенно успокаиваясь.

— Не выйдут, — решил, наконец, парировать я, — слишком много у Пономаря врагов. Он, — я намеренно хмыкнул, — хорошо постарался. Долго и качественно копил противников. Теперь все эти СБ просто закопаются в этой горе пустой информации. Реальных следов я ведь никаких не оставил. Все было сделано чисто. Твоя, Вадим, школа.

— Точно следов не оставил? — испытующий его взгляд разве что не прожигал меня.

— Точно-точно. Давай разденемся, пройдем на кухню — я, в конце концов, жутко устал и жрать хочу, как голодный волк — и только потом я тебе все подробно расскажу.

Он, наконец-то, вроде бы немного успокоился и махнул рукой:

— Хорошо. Но, очень подробно, не упуская никаких мелочей.

Только я скинул плащ, надел тапочки и открыл дверь в большую комнату, как на меня бросился Дендик. Не может не облизать лицо хозяина при встрече. После меня подросший щенок прыгнул на Федоровича. Вот кто без всякого режима ЗНАНИЯ отличает хороших людей от плохих, так это Денди. Он-то каким способом это делает?

— Ну, все. Хватит, хватит, — Вадим аккуратно оттолкнул пса и посмотрел на меня, — специально сначала сюда зашел?

— А то, — ухмыльнулся я, — самая лучшая психотерапия! На себе испытал.

Действительно, каким бы уставшим я ни приходил домой, наш с Настенкой Дендик всегда приводил меня в хорошее настроение. Эта неконтролируемая радость от встречи, стремление облизать, прижаться к хозяину, очень быстрое влияние обрубком хвоста...

— Психолог доморощенный, — Федорович укоризненно покачал головой, — ладно, пошли на кухню.

Я поставил большую сковородку на плиту, включил газ — коротко прострелялся поджигающий электроразряд — вытащил из холодильника судок с маринованной свиной, и, бухнув предварительно кусок свиного же жира на сковородку, начал выкладывать куски мяса. Денди обеспокоенно тьякнул. Как так, вкусно пахнет, а ему не дают?

— Перебьешься! — пришлось достаточно энергично отодвинуть проглот ногой. — Это тебе все равно нельзя. Свое ты сегодня уже слопал. Остальное получишь вечером.

Пока мясо жарится, я выставил на стол хлеб, масло, красную рыбу в селедочнице под пленкой — вот любит Настена все тщательно упаковывать — другие разносолы, достал посуду и столовые приборы. Перевернул шипящую свинину и, наконец-то, достал из морозилки бутылку "Абсолюта".

Федорович, до того молча кутивший, критически посмотрел на меня:

— Требуется?

— Не в том смысле, — я ведь не забыл, как он поил меня тогда после первой акции, — просто жутко устал от долгого использования режима. Голова раскалывается.

— Часто приходится употреблять?

— Перестань, Вадим! Как будто ты меня редко видишь, — вот ведь знает же, что пью очень мало, а все-таки спрашивает.

Эх, хорошо! Вот чем мне нравится "Абсолют", так это тем, что первую рюмку принимаешь в себя как воду. Только когда водка проваливается куда-то вглубь, начинаешь ощущать там приятное тепло. Закусили рыбкой, и как раз пришло время нежной свининки. Сутки протомившаяся в красном вине, только что вытащенная со сковородки она чудо как хороша! А под холодную беленькую...

Пришлось Дендику все-таки дать кусочек красной рыбы. Правда, до этого он прямо со стола стащил мой хлеб с маслом. Вот ведь паразит, знает, что воровать можно только у хозяев! У гостей — ни-ни. У меня вообще иногда возникает ощущение, что он все понимает, только сказать не может.

— Насытился? — спросил Вадим, когда я, закулив сигарету, начал готовить кофе.

— Более-менее.

— Тогда излагай, — потребовал он.

Я, сначала разлив по чашкам ароматную "Арабику", начал рассказывать. Федорович не особо перебивал. Только иногда задавал уточняющие вопросы.

— Он все про сигнализации на вилле выложил?

— У него в ноуте специальный файл со всеми схемами и паролями был, — ответил я и продолжил описание веселого утра.

— Сколько-сколько? — вот здесь удержаться от реплики удивленный Вадим не смог.

— Сто восемьдесят восемь миллионов евро. Зачем Пономарь держал столько бабок на счетах, причем достаточно быстро снимаемых, я не понимаю. Ведь бабло должно работать?

— Если только эти деньги были его собственностью. И ты все перевел в оффшоры?

— А нет их там уже, — с торжеством ответил я, — как только денюшки поступили, они тут же были переведены дальше. Стартовала заранее подготовленная операция. Хрен проследишь! — мне пришлось подробно описать каждый этап сокрытия финансовых следов.

— Но это еще не все. Было несколько прямых переводов, — я быстро написал на листочке бумаги три фамилии людей, занимавших довольно высокое положение в Москве, — девятнадцать миллионов было переведено на их секретные счета. Быстро или не очень, но вот на этот след выйдут обязательно.

— Не пожалел денег, чтобы перевести стрелки? Надо признать, что довольно разумный ход.

— Причем первыми расколуются именно банкиры, которым Пономарь лично отдавал приказы о переводах в режиме видеоконференции. У них ведь записи сохранены.

Федорович согласно покачал головой, задумчиво глядя, как корчится в пепельнице бумажка с фамилиями, облизываемая язычками пламени. Затем собрался и коротко потребовал:

— Дальше.

Я подробно описал начало ликвидации Пономаря и охранников.

— Шпилька была подготовленной? — спросил подполковник, когда я рассказал про короткое замыкание.

— Конечно. Красная медь двух с половиной миллиметров в диаметре. Середина покрыта толстым слоем лака, чтобы меня током не дернуло. И в рыжем парике весь запас шпилек был практически незаметен. А и обнаружили бы, ну и что? Женское украшение.

— Хорошо, — Федорович согласно кивнул, — продолжай.

Стрельбу он практически проигнорировал. Знал, что в этом вопросе со мной никто сравниться не может. Очередные уточнения потребовались при рассказе об уничтожении видеозаписей.

— Ты в курсе, что даже из переломанных винчестеров можно многое вытащить?

— Конечно. Но, как мне кажется, из хорошо прожаренных — вряд ли, — ухмыльнулся я, — там минимум полчаса до приезда пожарных было. Но, если и вытащат, то, что они там увидят? Некую девицу в больших очках с круглыми стеклами? Я в женском обличье даже Виктору понравился. Хотя и не кокетничал с ним.

— Профи все-таки опознают, что был мужчина. Как движения ни подделывай...

— И все. Вот уж мой возраст точно не смогут определить.

Отход с места акции, уничтожение первого транспорта и эвакуация вопросов у подполковника не вызвали. Но он все равно принялся пилить меня:

— Дело даже не в самом Пономаре. Слишком многие поймут, что на поле появился новый Игрок. Именно с большой буквы. Очень большие деньги на кону.

— А вот от этого нам никуда не деться. Главное — чтобы нас не связали с этой ликвидацией. Проследить тут что-либо практически невозможно. Мнимая опасность. Корень квадратный из минус единицы. Пересечения только старые с Нейманом. Но ведь у этого Пономарева врагов — выше крыши. Очень сомневаюсь, что Евгения Львовича начнут проверять в первую очередь. А потом поздно будет. Даже если его на полиграфе кто-нибудь додумается допросить. Он-то не в курсе сегодняшней акции.

Неожиданно Денди начал прыгать возле двери и лаять. Ага, через несколько минут появится Настена из школы. Вот как он ее заранее чует? Сестренке же с Виктором еще на лифте подниматься. Или узнает по шуму мотора машины?

— Здрасьте, дядь Вадим, — мне девчонка только кивнула, так как виделись за завтраком, и, потрепав обрадованного пса за холку, начала ревизию холодильника, — Денька, почему суп не ел? Я старалась, готовила, а ты... А ты водку в середине дня пьешь! — она недовольно кивнула в сторону стола с полупустой бутылкой.

Мы виновато переглянулись с Федоровичем. Употребляли-то вдвоем. Ну ладно, я чувствую себя перед Настеной несколько неудобно — она моя сестра — а Вадим?

— Явился не запыхался? — прозвучал вопрос от двери. Виктор негодуя направил на меня палец. — Зачем от охраны уходил?

Ха! Так он еще не знает о сегодняшнем? Вот подполковник не успел приехать в город, а уже в курсе. Наверное, текущую сводку в управлении посмотрел и сразу смекнул, что это моя работа. Н-да, теперь еще перед Виктором отчитываться. Надеюсь, что хоть до остальных наших, кому знать положено, они сами доведут.

Туман подкрадывается тихо как кошка. Не видно, не слышно и вот он уже. Ранним утром на магистрали туман всегда появляется неожиданно. Почему я гоняю спозаранку? Только в это время спортивная трасса абсолютно свободна. Нет того трафика, который начнется примерно с одиннадцати. А моя скорость несколько выше, чем у других спортсменов. Мало того, что многие мне мешают, но ведь некоторые могут и обратить внимание на мои возможности. Рано светиться, как решил Федорович, а тренироваться надо. Да, я очень быстро учусь, но не мгновенно же. А чтобы дежурный по автодрому не включил секундомер и не охренел малость от циферок, ему доходчиво объяснили чистую правду: тренируется будущая супер-звезда "Формулы один". Некий вундеркинд, который терпеть не может папарацци из желтых газетенок. Дежурный, может быть и не поверил но, материально простимулированный, решил заниматься только своими непосредственными обязанностями, тем более что как только этот вундеркинд появлялся, так сразу в помещение входил какой-то парень с подозрительно оттопыривающейся поллой пиджака. Входил, садился в кресло и с непонятным увлечением просматривал валяющиеся на столе старые спортивные журналы.

Левый поворот на восьмидесяти, и я влетаю в туман. Теперь иду только на режиме. Только так, практически не видя серого асфальтового полотна трассы уже в двадцати метрах

впереди, можно мчаться на двухстах сорока на короткой прямой зная, что вот сейчас будет крутая правая "шпилька", и, не видя ее, точно в нужный момент начать торможение, двигаясь по самой выгодной траектории.

А вот сегодня я не устану, как обычно, от слишком долгого удержания режима. Поможет мне в этом мое недавнее открытие — пограничное состояние. Это и не ЗНАНИЕ, и не отсутствие его. Что-то среднее, промежуточное. Можно обозвать и дежурным режимом. ЗНАНИЕ из него можно включить немедленно, через какие-то тысячные доли секунды и, когда оно уже не сверхнеобходимо, опять выскользнуть на самую границу основного режима. Но вот в этом пограничном состоянии я совершенно не устаю. А держать его могу практически постоянно.

Поворот почти закончен. Теперь очень важно не упустить момент начала разгона. Начнешь раньше — не впишешься в траекторию и вылетишь с трассы. Опоздаешь — потеря времени. Вроде бы мелочи, но из них складывается скорость. Сейчас и вообще сегодня у меня все получилось. Отыграл еще четыре десятых секунды на круге от моего вчерашнего времени. Назвать кому из постоянных пользователей автодрома мой результат для этого класса машин — никто не поверит. Рекорд трассы улучшен на целых девятнадцать секунд. У меня еще есть маленький резерв. Если очень постараться, то можно вырвать еще почти пару секунд. Но, честно говоря, я не вижу в этом уже никакого смысла. На конкретно этом автодроме мне на официальных соревнованиях выступать не придется. Да и машина для меня все-таки слабовата. Пора уже пересаживаться на настоящий болид "Формулы один".

Пройдя финишную прямую, отпускаю педаль газа вообще. Выкат с двухсот километров в час просто очень большой. Пусть карбоновые диски тормозов остынут. Сегодня они хорошо поработали. А вот сами тормозные колодки пора менять. Не очень-то они рассчитаны на такую бешеную нагрузку. Я, наконец-то, научился чувствовать не только возможности машины, но и ее техническое состояние. Как? Честно говоря, сам не особо понимаю. Чем-то это напоминает, как говорит тот же Коля Воронов, "прокачать на косвенных". То есть мизерные, почти незаметные изменения в поведении автомобиля, позволяют моему подсознанию, работающему как вычислительная машина, когда включен режим ЗНАНИЯ, проанализировать и определить что с моей техникой хорошо, а что и не очень.

— Когда начнем, Вадим? — я задаю этот вопрос Федоровичу уже не в первый раз. А он всегда говорит: "рано". Но вот сегодня он меня удивил:

— Скоро. Но, сначала, давай-ка поговорим.

Мы сидим в его кабинете на Литейном. В "Большом доме"¹⁷, как говорят у нас в Питере. Иногда еще могут добавить: "из его подвалов Колыму и Магадан хорошо видно". Построен он по инициативе самого Сергея Мироновича Кирова в начале тридцатых годов на месте сожженного в семнадцатом здания Окружного суда. В этом кабинете я уже не в первый раз. Однажды Федорович привел меня сюда, положил передо мной чистый лист бумаги, авторучку и продиктовал текст добровольного согласия работать на Федеральную Службу Безопасности Российской Федерации.

— Нет, денег тебе за эту работу официально платить никто не будет. И в штатах ты числиться не будешь. И удостоверения никакого не получишь. Но, при наличии этой бумажки, мне немного проще будет тебя прикрывать. Так что гордись, — он улыбнулся, — ты теперь законно работаешь на благо своей державы. И не делай такое лицо.

Я, в тот раз, жестами, приложив одну ладонь к уху, а указательный палец другой к

¹⁷ Большой дом — неофициальное название административного здания в Санкт-Петербурге на Литейном проспекте, в котором находится управление Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и Информационный центр ГУВД.

губам, спросил о микрофонах. Вадим усмехнулся:

— Не умножай сущности. Этот кабинет прослушать невозможно. Мало того, что пассивная защита стоит, так еще и генераторы помех все здание прикрывают.

А сегодня:

— Знаешь, из-за чего меня достаточно часто в последнее время в Москву вызывают? Именно по поводу твоей персоны. Точнее — нашей деятельности вокруг тебя.

— Засекли?

Он усмехнулся:

— Нет. Просто кое-кто уловил определенные изменения в криминальной обстановке питерского бизнеса. Уловил и заинтересовался.

— И кто же это такой вумный как вутка? — попробовал съязвить я.

— Это, между прочим, отнюдь не смешно, — сейчас Федорович был серьезен, — Внешняя разведка. Хорошо, хоть директору конторы не доложили. Не любят его у нас. Его же собственные замы и ближайшие подчиненные не любят.

— Продался? — кратковременные включения режима позволяют ловить в интонациях достаточно тонкие намеки.

Он помолчал, критически глядя на меня. Потом все-таки сказал:

— Возможно. И не только. Но сейчас не это главное. Важнее, что мы заинтересовали очень серьезных людей. А проверить их и привлечь к нашей работе у нас нет никакой реальной возможности.

— Это в том случае, если они годятся. А если нет? — ввернул я.

— Именно. Тем более... — он пристально взглянул мне в глаза. Да что за день сегодня такой? Гляделки за гляделками! — Тем более что убрать этих серьезных людей мы не можем. Да и рано. Поэтому придется немного форсировать операцию прикрытия.

— Ну, наконец-то! Но ведь сезон же еще не кончился? — я имел в виду "Формулу-один".

— Значит, будешь светиться для начала как очень везучий игрок в казино. Здесь главное — не перестараться. Аккуратнее и в большие суммы ни в коем случае не зарывайся. Заодно приобретешь определенный круг знакомств. Пооботрешься немного в том обществе. Языки пошлифуешь. Грассировать научишься. Надо тебя пока из Питера убрать, — он вытащил из ящика стола пухлую пластиковую папку с документами и пододвинул ее мне.

— Ммм?

— Смотри.

Загранпаспорт с открытой шенгенской визой, разные страховки, три кредитки в конвертах с запечатанными пин-кодами, заверенное у нотариуса разрешение на выезд из Российской Федерации со взрослым. Я же еще несовершеннолетний. Ага, лечу вместе с Виктором.

— А он в Европах уже бывал? — определенное сомнение у меня присутствовало.

— Нет, но справится. Вам именно богатых новичков придется изображать.

— Только изображать? — ухмыльнулся я.

— Денис! — оборвал мой треп Вадим.

— И еще, — продолжил он через минуту, — официальное высшее образование тебе все-таки требуется. И не перебивай, — не дал мне возмутиться подполковник, — сначала получишь пару дипломов там.

— Но это же годы, — уныло протянул я.

— Отнюдь, — обнадежил Вадим, — я все выяснил по интернету и прокачал информацию. Там за деньги экстерном можно получить любой диплом. Впрочем, как и у нас сейчас. Но вот зачеты и экзамены надо сдавать по-настоящему. Но ты ведь у нас парень умный, с твоими возможностями за пару месяцев справишься? — решил подольстить мне он. — Вот освоишься в забугорных краях, обживешься и сделаешь. А потому, что надо! — голос подполковника вдруг стал жестким.

Ну, ни фиги себе! Это же пахать и пахать придется! Но, раз надо...

Утреннее солнце нашло щелку в неплотно задернутых шторах и стрельнуло своим лучиком мне в глаза. Ох, как все-таки хорошо так просыпаться! Только Нинель немного плечо отлежала. Я скашиваю глаза направо. Она тихонько посапывает носиком. Я приподнимаюсь и целую ее в щечку. Какой от моей женщины аромат! Нежный теплый запах свежей кожи и чуть-чуть духами пахнет. Вот интересно, мне жарко, а ей холодно, и она прильнула всей своей ладной фигуркой ко мне. Греется. Я чувствую каждый изгиб и каждую выпуклость ее упругого тела. Реснички начинают подрагивать и глаза нехотя, но открываются. Открываются, и я вижу в них радость. Теперь уже она тянется и целует меня в губы. Нет, ну так же нельзя! Я же не железный! Точнее — строго наоборот! Кое-что становится чуть ли не каменным! И мы опять начинаем то, чем закончили вчера поздно вечером.

Тогда, после той драки в ресторане и долгой нервотрепки в милиции, мы решили с культурными местами приема пищи больше не связываться и поехали питаться ко мне, благо Настену забрала из школы Валентина домой к Баландиным. Нинка капризно потребовала к пельменям шампанского.

— К пельменям положена водка, — попробовал урезонить подругу. Все равно она крепкое не пьет.

— А вот я хочу шампанского! Сладкого! — и губки сжимает. Никакого удовольствия от поцелуя!

Ну не буду же я из-за такой ерунды спорить со своей девушкой? А потом... Потом взяла и осталась у меня на всю ночь! Нет, это уже был не тот взрыв эмоций как с Вале́й. Это было хорошо, но по-другому. Может у нас недостаточно опыта? Не знаю. Но меня тянет к ним обоим. Понимаю, что это не очень-то нормально, но — тянет. С Нинель мы видимся относительно часто, а с Валентиной...

— Денис, ты прости меня, — она боялась смотреть мне в глаза.

Вадим опять куда-то отъехал, и мы с Вале́й случайно встретились возле Настиной школы. Федорович строго-настрого приказал встречать мою сестренку. Впрочем, как и отвозить. Но ведь Настене всегда приятнее, если ее встречает кто-то из близких, а не охрана. Жена шефа, а приехали мы слишком рано, села в мой "субарик", предварительно оглянувшись на джип секьюрити, и удовлетворенно кивнув головой.

— За что простить?

Нет, я, конечно, понимаю, из-за чего она может просить прощение. Но не у меня же!

— Не веди себя, Денис, как маленький ребенок! — ее глаза... Цвета льда холодного Балтийского моря в конце января.

— Вот именно поэтому я не считаю тебя в чем-то виноватой передо мной. Мы же взрослые люди, в конце концов.

Вот тут она вдруг улыбнулась. Улыбнулась и ласково потрепала меня по голове, изящно протянув руку.

— Это ты-то взрослый? Хоть понимаешь, что нам никогда нельзя повторить подобное?

— Почему? — вот попробуй, пойми этих женщин!

Тогда она так и не ответила на мой вопрос. А через неделю, когда мы еле-еле уложили спать Настену, которая была слишком возбуждена после посещения цирка, сами не поняли, как оказались в объятиях друг друга.

А сейчас я со своей Нинель, и сию секунду мне хорошо. Что будет потом? Черт его знает! Не могу я в себе в этом сложном вопросе разобраться. И никакой режим ЗНАНИЯ не поможет. Не включается. Ладно, завтра мы с Виктором улетаем. В Монте-Карло. В следующем сезоне кровь из носа, но я выйду на старт этой самой знаменитой трассы "Формулы-один"!

— Не знаю. Просто не представляю, что от него еще можно ожидать, — выражение лица у подполковника было очень задумчивым, — понимаешь, Виктор, с одной стороны он совсем еще мальчишка — всего семнадцать лет. А с другой... Его нынешние возможности и уже существующие умения не снислись самым крутым профессионалам. Он же со стволом уделывает наших лучших ребят всех вместе взятых как слепых котят. В рукопашке тоже вряд ли даже чемпионы против него выстоят. Впрочем, это ты сам успел попробовать, когда Денис еще почти ничего не умел, — Вадим грустно усмехнулся, — но самое страшное — он совершенно не боится убивать! Ты же Чечню почти всю прошел. Сам знаешь, как долго к этому иногда привыкают. А тут на первой операции двоих убрал, причем одного — голыми руками. Под Владиком — он ведь сначала только вырубил того извращенца. Потом подумал, отвез сестренку подальше, чтобы она не видела, вернулся и опять голыми руками на тот свет отправил. Пономаря же и его охрану...

— Ну, по здравому размышлению... — попробовал защитить младшего друга Виктор.

— Так то по здравому, — перебил подполковник, — а если ему понравится убивать?! Вот что мы тогда будем делать?!

Виктор озадаченно замолчал. С этой точки зрения он как-то вопрос не рассматривал.

— Теперь понимаешь, о чем я?

— Н-да. Я уже сам не знаю, как нам дальше с Денисом работать, — бывший капитан спецназа попадал в разные сложные ситуации. И выходил из них пусть иногда с потерями, но, во всяком случае, с чистой совестью — всегда, — а ведь это мы сами научили его тому, чего без нашей помощи он никогда бы не освоил.

— Именно, — согласно кивнул подполковник, — и тут еще одно. Не знаю, как ты, а я, кажется, уже люблю его как собственного сына.

— Есть такое дело. Ну, не как сына, а младшего брата...

— Вот поэтому, Виктор, я тебя и прошу, смотри за ним в оба глаза. Если мы его потеряем, как человека...

— Лавры Тараса Бульбы меня тоже как-то совершенно не прельщают.

— Осознал, значит?

Они помолчали, озабоченно поглядывая друг на друга. Понимать, что контролировать и направлять на все сто парня уже нельзя — это одно. А вот принимать решение и выполнить его, если тот сойдет с нарезки...

— Эх, ну не могу я сейчас вырваться. Сам понимаешь — служба. А оставлять Дениса здесь и сейчас нельзя. Можем нарваться. Поэтому очень тебя, Виктор, прошу: смотри за ним в оба глаза.

Глава 5

Время полета из Питера в Ниццу — три с половиной часа. Самолет снижается и заходит на посадку почти над Лазурным берегом. Вид из иллюминатора сказочный: зелень, скалы и синее-синее Средиземное море. Из аэропорта до отеля в Монако, где мы забронировали номер, всего двадцать пять минут езды. Первое, что сделали после заселения — взяли напрокат такой же "субарик", как дома.

"Дома?! Н-да, теперь это вопрос сложный"... За неделю я должен был найти в княжестве постоянное жилье. Я, видите ли, "как богатый человек, обитаю теперь здесь".

Для жителей этого микроскопического государства налогов не существует. Зато они есть для немногочисленных предприятий... Хрен с ними — с налогами, главное, — это последнее место в старой Европе, где пытаются сохранять банковскую тайну.

Больше всего мне хотелось искупаться в море. Но сначала работа и... Я уже третий раз прохожу по маршруту "Формулы один", которые сейчас являются обычным районом этого

Клондайка игорного бизнеса, и не могу остановиться. Меня охватывает восторг: я тут! На трассе! В этом легендарном месте! Ну, точнее, на том месте, где будет трасса во время самой гонки. Сейчас это обычные улицы и пешеходные зоны. Не везде можно проехать. Я кручусь там, где разрешено, пытаюсь прочувствовать этот фантастический гоночный аромат.

— Хватит, Денис, — говорит улыбающийся Виктор, — поехали на пляж.

Праздно отдыхающие смотрят на нас, как на идиотов: купаться осенью при температуре воздуха и воды двадцать два градуса?! Да еще вечером, когда все порядочные люди отдыхают и развлекаются! Впрочем, здесь можно делать что угодно, лишь бы не мешать другим и не нарушать законов. Считается, что уличной преступности в Монако не существует вообще. Возможно. Бедный сюда не приедет, а богатый... Вся территория княжества просматривается видеокамерами.

Сотня метров в одну сторону брассом, обратно кролем, затем на спине. И так несколько раз. Отличная нагрузка, большая и довольно равномерная для мышц. Теперь в отель. Душ. Напялить вечерние костюмы и в самое сердце Монте-Карло — знаменитые казино. Будем "заводить контакты и светиться среди высшего общества". Вот только... Почему его называют высшим? Если их предки нахапали денег, грабя окружающих, они высшие? Странная постановка вопроса.

Контролировать себя всегда и везде. Сам не заметил, как привык к этому. Даже дома, просто ставя пустой стакан на стол, я, отпуская его, немного сдвигаю пальцы, чтобы смазать отпечатки. И так делаю постоянно, когда чего-то касаюсь. Дежурный режим с готовностью немедленно включить ЗНАНИЕ — всегда. Независимо ни от чего. Находиться в пограничье для моего тренированного мозга отныне совсем не обременительно, вообще не устаю. Переключать себя из одного режима в другой для меня теперь не просто, а очень просто. Когда-то меня прилично удивляла пластика движений, что у Виктора, что у Вадима. Да и у большинства оперативников из ФСБ. Практически незаметная неискушенному взгляду она, тем не менее, была очень... грациозной что ли? Показывающая их собранность и немедленную готовность к бою. А тут с месяц назад краем глаза заметил собственное отражение в зеркале и поразился. Я, оказывается, точно так же двигаюсь. Прямо как кошка на охоте. Довольно плавные движения, перетекающие из одного в другое и застывающие, когда подсознательно еще не решил, что буду делать дальше. Пришлось отрабатывать разные манеры движений, соответствующие совершенно различным людям. Катенька Воронова, когда ставила мне женскую походку, очень хорошо помогла разобраться в этом вопросе. Теперь я просто переключаю себя в соответствии с необходимой в данный момент моделью поведения. Могу быть с виду разболтанным или деловым, легкомысленным (вот научить себя выглядеть таким, было сложнее всего) или серьезным. Могу стать незаметным, а могу привлекать внимание, просто стоя на месте и ничего не делая. И разговаривать с людьми правильно вроде бы научился. Если остро необходимо, вру в глаза, и мне немедленно верят. Или заявляю абсолютную правду так, что собеседник будет на все сто убежден, что я нагло выкладываю полную ерунду. Знание НЛП и быстрого гипноза с умением грамотно их применять, творят, при необходимости, чудеса. Я, кажется, понял, чего добиваются режиссеры от артистов на съемках кино или репетициях в театре. Это ведь так просто — вжиться в своего героя. Всего-то надо понять каким он должен быть для зрителя. Постоянный тренаж на изображение из себя какого-то конкретного типа стал для меня, нет не обязательным, а привычным. Это ведь так просто — заметил случайного человека, быстро проанализировал его при кратковременном включении ЗНАНИЯ и попробовал изобразить. Сложно? Ничуть! Легко и интересно.

Нет, в электронно-вычислительную машину я не превратился и роботом не стал, это понятно. Но вот мой взгляд на мир... Режим ЗНАНИЯ явно повлиял на мое мировоззрение. Отчетливо это понимаю. Как-то по-другому я стал на людей смотреть. Максимализм? Стал

строже делить на своих, которых, увы, пока очень мало, чужих — а до лампочки мне на них! — и плохих. Что делать с последними пока не знаю. Вон, сидит подобный напротив, коньячок маленькими редкими глотками потягивает и пытается меня в карты обыграть. Сам же... Вот совершенно не понимаю, для чего такие живут? Высокий, можно сказать красивый, рожа холеная и весь из себя этакий денди. А ведь ни разу в жизни ничего полезного для других не сделал. Достался ему от родителей приличный капиталец. Нет, он его не прожигает, даже немного увеличил за те годы, что один живет. Управляющих хороших нанял. Ну не совсем один, любовников частенько меняет. Голубой он. То бишь, педик. Федорович меня строго-настрого предупредил, чтобы я помногу не выигрывал в казино, но вот тут я не могу отказать себе в удовольствии наказать такого. Лишнее потом в рулетку спущу.

— Поднимем ставку? — предлагает он.

— Нет, — отвечаю я. Проиграл ему сегодня уже семьдесят тысяч долларов, но разжечь настоящий азарт в гомике у меня пока еще не получилось. Умеет этот гад контролировать себя. Но куда же он денется? Раскручу.

— Прикупаем? — он хочет казаться абсолютно спокойным, но я же вижу, что дармовые деньги уже начали его затягивать. Он никогда раньше не играл на такие большие суммы. Всегда боялся проиграть. А тут вдруг появился какой-то мальчишка, который с легкостью бросается десятками тысяч и эти бабки без особого напряжения текут ему в карман. Ему нравится выуживать из меня, как он считает, последнее.

— Прикупаем? — он уже не замечает, что повторяет вопрос. Помаленьку начал захватывать азарт?

— Можно, — соглашаюсь я.

Итак, у меня на руках четыре валета, а у него пара и тройка. Чистый выигрыш, но я бросаю карты на зеленое сукно рубашкой вверх и делаю удрученный жест. Надо еще немного раззадорить его. Десяткой тысяч больше, десяткой меньше, какая разница? Я ведь знаю, что разорю его сегодня. Какие у противника карты я ЗНАЮ возможно раньше него самого.

По мелочи выигрывая и прилично просаживая, я довел этого голубого до белого каления часа за три. Изображая собственную расpalенность взвинтил ставки до потолка и сорвал банк. Дамы и господа (хреново высшее общество), собравшиеся вокруг нашего столика, затаив дыхание следили, как в ответ на его каре королей я по одной выложил четыре двойки и джокера. Только какая-то девчонка в бриллиантовом колье не выдержала и взвизгнула, когда последняя карта была перевернута. Тишина продолжалась минуты две и только потом все загомонили.

— Шампанского всем! — устало потребовал я. Голова болела неимоверно. Ничего, сейчас выпью и приду в норму. Теперь можно. Спускать выигрыш достаточно просто и без режима.

Почему обязательно спускать? Простой математический анализ показывает, что хозяева этого респектабельного заведения в убытке не останутся никогда. С другой стороны хороших игроков тут на заметку быстро берут. Здесь в Монте-Карло полно различных развлекаловок, но казино — вне конкурса! А теперь попробуйте представить себе, что появился некто, кто будет только выигрывать. В Питере Вадим как-то выложил мне подборку материалов на эту тему. Было уже достаточно много уникамов, кто научился почти всегда побеждать в карточных баталиях. И почти все они, не сумев вовремя остановиться, плохо кончили. Есть, конечно, вариант, когда раздеваешь не казино, а другого игрока. Вот тютелька в тютельку мой сегодняшний эпизод. Но и в этом случае специалисты рекомендуют оставить основную часть дохода на месте. Причем, нежелательно откладывать возврат денег даже на следующий день — чревато. Вредно для здоровья. Или рыба Фугу в одном из роскошных ресторанов случайно несвежей окажется, или кирпич на голову свалится. Хотя нет, кирпичи с крыш здесь не падают. Ну, значит бутылку "Вдовы Клико" кто-то уронит. Несчастные случаи, оказывается, и в Монако бывают. Нечасто, но случаются.

Когда я, покачиваясь, вывалился из-под защиты кондиционеров на улицу... Да, октябрь, но здесь еще тепло. Звезды на ночном ясном небе Монако — это что-то! Они видны, несмотря на яркий свет реклам и отличного уличного освещения. А запах моря, пропитывающий всю малюсенькую страну?! Моря и еще чего-то трудноуловимого, придающего городу-государству неповторимый шарм.

— Отвел душу? — Виктор подхватывает меня под руку. Весь поздний вечер и половину ночи он ошивался где-нибудь неподалеку от меня, изредка бросая осуждающие взгляды, но никак не препятствуя моим развлечениям.

— Есть немного, — улыбаюсь я другу. Ну как он не понимает, что это же просто здорово так поиздеваться над гомиком?!

— Много прокутил? — ха! Значит Витя тоже купился? Весь вечер я изображал, что проигрываю последнее. Затем короткий момент радости и стремительный проигрыш в рулетку. Но вот кое-что у меня все же осталось. Во внутреннем кармане пиджака лежит какая-то бумага на недвижимость. Завтра, на трезвую голову, разберемся.

— Вставай!

— Не хочу!

— А я говорю — вставай! А то сейчас холодной водой оболью.

Напугал ежа голой жопой! А с другой стороны, Витя — он такой, он может. Поднимаю голову и кое-как разлепляю глаза. Номер залит ярким светом солнца. Хорошо хоть кровать стоит так, что меня не слепит.

— Сколько времени?

— Пятый час вечера.

Ого! Это, выходит, я почти девять часов продрых. Но ведь у меня организм молодой, мне положено много спать. Особенно после ночных праведных трудов. Ну вот почему Виктор этого не понимает? Ладно. Режим? С трудом, но включаюсь. Работает. Теперь практически мгновенно собираюсь, выкидываю из себя остатки сонного настроения и переключаюсь в пограничное состояние. Бросок в центр комнаты и замах на ищущего что-то в своей сумке друга. Не вышло. Витя успел поставить блок.

— Как самочувствие? — спрашивает он, вроде бы по-прежнему флегматично роясь в сумке.

— Нормально. Вот еще бы пожрать чего-нибудь, — я в темпе делаю очень сильно укороченную зарядку прямо в номере.

— Не заработал ты, Денис, еще на завтрак.

Не заработал? Так, а вчера? Лезу в шкаф и ищу свой вчерашний костюм. Ага, вот она эта бумаженция. Писанина на французском. Здесь, в Монако, это основной язык. Впрочем, аглицкий, который я изучил уже более-менее, тут знают почти все.

— Ну и что это за филькина грамота? — задает риторический вопрос Виктор. Французского он почему-то тоже не знает.

Оригинальное решение вопроса с постоянным местом проживания в княжестве Монако! Я, оказывается, выиграл скромненькую такую (всего триста семьдесят метров квадратных) квартирку в районе Сен-Роман. Это сравнительно старый район на северо-востоке Монако, граничащий с французским городом Тенао. Когда мы с Витей и нанятым адвокатом подъехали к трехэтажному дому, верхний этаж которого теперь принадлежал мне, из него как раз выносили и грузили в большой грузовой автомобиль вещи и мебель бывшего хозяина. Оперативно работают, надо признать. Здесь, в княжестве, вероятно, как и у воров, карточные долги священны. Тот редкий случай, когда законы работают на честного

человека. Выиграть, зная карты противника нечестно? А вот не надо! Все зависит от того, против кого играешь. Если он сволочь, то не будет у меня никаких нравственных проблем.

Несколько больших светлых комнат с высокими потолками, крупный, под сотню метров, зал, четыре маленьких по местным меркам спальни, пара комнаток для прислуги, кухня, несколько подсобных помещений и огромная ванная комната с роскошным джакузи... Оффигеть! Что интересно, если сравнить цену моего нового жилья со стоимостью элитных квартир в Москве, то разница окажется не такой уж и заметной. Особенно, если учесть, что мне достались три парковочных места на стоянке около дома и крыша. При чем здесь крыша? Почти половина ее занята солнечными бойлерами, ведь триста дней в году здесь дождей не бывает. Впрочем, сейчас осенью, все строго наоборот. А вот вторая половина превращена в маленький парк. Принято здесь даже на крышах частных домов разводить зелень. А посидеть вечером в этом райском местечке с бокалом "мартини" в руке и сигаретой в зубах...

Нанятый по наводке Вадима адвокат оказался специалистом на все руки. Он взялся не только оформить юридические вопросы моей новой квартиры, но и организовать косметический ремонт, найти прислугу, закупить мебель и необходимую электронику, выбранные мною в интернете. Набивается стать моим местным управляющим? Ну, почему бы и нет? Посмотрим...

— Прекрати. Денис, ну сколько можно? Ты уже целый час время на ветер выкидываешь!

Лихорадочно меняю "калаш" с опустевшим магазином на помповик и приканчиваю очередного монстра. Вот сейчас следующий из-за угла появится. Черт с ним. Действительно хватит. Отрываюсь от компьютера и поворачиваюсь к Виктору.

— Прекратил. Понимаешь, иногда мне необходимо полностью отключив режим вот так вот попусту погонять игрушку. Без всякой искусственной интуиции. Проверить, так сказать, естественный ее уровень.

— Ну и как? — улыбается он.

— Растет, понимаешь ли, — тоже улыбаюсь я, копируя интонации одного власть имущего придурка конца прошлого века, который из-за личной власти сделал все возможное, чтобы развалить Советский Союз. Увы, у него это получилось.

— Работать сегодня будешь?

— Нет. Ночью по интернету скинул Федоровичу всю аналитику, что они с Нейманом заказывали.

— Когда успел? — удивляется Виктор.

— Вчера еще, пока ты с той симпатичной брюнеточкой развлекался.

Витя без особого смущения, но все же потупился. И чем он местных дам покоряет? Дома, в Питере, я за ним особой беготни за девчонками не замечал. А здесь в Монако... Вроде и великосветские манеры ему поставили, и английский у него ненамного хуже моего, но вот что-то такое, чего у мужчин из окружающего общества нет, в нем все-таки иногда проскальзывает. Немалая сила? Способность постоять за себя и своих? Способность при необходимости выложиться без остатка? Или при большой надобности рискнуть? А какой вдруг у него талант вести великосветскую беседу проявился! Как он тогда в ресторане той молоденькой баронессе объяснял?

— Нет, мадам, это слово произносится очень мягко в конце. Вы просто вслушайтесь: "Авось". Что оно значит? О, это весьма странное свойство, данное природой только нам, русским, и никому более, — улыбка во все тридцать два зуба и за ней формулировка: — Резкое повышение вероятности успешного завершения любого начатого дела, притом, что дальше им никак не занимаешься. Нет-нет, поверьте, иной раз срабатывает.

Чем дальше, тем все больше Виктор открывается мне с разных, порой совершенно

неожиданных сторон. Мне семнадцать, ему двадцать девять, но делится он со мной своими мыслями, с одной стороны как с равным, а с другой... Что касается наших повседневных отношений, то, без сомнения, он начальник. А вот если необходимо принять некие относительно кардинальные решения, то тут мой старший друг воспринимает мои приказы без всяких-яких. Главный в нашей общей работе все-таки я. Но жизни он меня все равно пытается учить. Витины же отношения с женщинами...

— Пойми, просто "сунул, вынул и бежать" — это совершенно не наш метод. А вот почувствовать, что она от тебя балдеет, ловит кайф... Просто ты сам получишь на порядок больше удовольствия, если в процессе будешь понимать, как ей от твоих ласк хорошо. Некоторые нормальные мужики знают об этом на уровне подсознания, но таких на наше счастье не так уж и много.

— Почему, на наше счастье? — перебил я его тогда.

— Хм-м, — он очень хитро улыбнулся, — потому что в противном случае нормальные бабы не бросались бы на нас, как ненормальные, только почувствовав в нас это умение. У них слишком мал выбор.

— А как они это чувствуют? — удивился я. Увы, все, что касается женщин, я просчитать в режиме не могу. У самых крутых способностей есть свои ограничения. В моем случае это алкоголь и прекрасная половина человечества. Ну, если первое еще можно хоть как-то объяснить тонкой химией головного мозга, то второе... Может действительно гормоны? Тогда при чем здесь Настена? Уж ее-то я точно люблю только как сестру. "Темны дела твои господи" как иногда выражался дед.

— Ну, вопрос конечно интересный! — расхохотался Виктор. — Но вот ответа на него я сам не знаю. Попробуй спросить у Амелии.

Амелия. Молоденькая, всего года на четыре старше меня, блондиночка из Англии. Тоже какая-то там, то ли графиня, то ли еще какая-то дворяночка. Это она в тот мой первый вечер в казино взвизгнула, когда я сорвал банк. А всего через три дня сама затащила меня в постель.

— Думаешь, скажет? — задаю я риторический вопрос.

— Мсье, что вы желаете на завтрак? — Франсуаза была тут как тут, стоило мне только открыть дверь кухни.

— Все равно, лишь бы побыстрее, пожалуйста, — первое желание у меня, как только я утром открываю глаза, закурить. Но я еще в детстве от деда, который сам дымил почти без перерыва, узнал, что курить на пустой желудок вредно.

Передо мной на столе немедленно появляются высокий хрустальный стакан свежеежатого апельсинового сока, свиная отбивная и традиционные здесь круассаны на сладкое. Откуда она знала, во сколько я встану? Мясо горячее, в самый раз для меня. Расправиться с ним — дело нескольких минут. Это обедать или ужинать, в зависимости от того где ем, я могу долго. А вот завтракаю я, ну очень быстро. И вот она — большая чашка крепкого кофе. И первая глубокая затяжка со вторым глотком. Хорошо-то как! Вот теперь можно уже не торопиться.

— Виктор уже встал?

— Давно, мсье, — она тоже присаживается за стол с чашкой кофе и тоже закуривает.

С прислугой мне, похоже, повезло. Где адвокат откопал эту семейную пару? Он, Клод — подданный Его Высочества Принца Монако, лет, наверное, сорока пяти, она — француженка, чуть моложе его. Тут, в Монако, с гражданством вообще интересные вещи творятся. Мужчина-иностранец его вообще никак получить не может, а вот женщина — пожалуйста, если выйдет замуж за монегаска. Так называются местные коренные жители — генетическая смесь французов (провансальцев) и итальянцев (генуэзцев). Отношения у меня и Виктора с Клодом и Франсуазой очень быстро сложились почти дружеские. Разве что мы

называем их по имени, а нас именуют исключительно "месье".

— Как там дела у Клода? — задал я следующий вопрос. Скорость связи по витой паре меня категорически не устраивает. Если для видеоконференций в реальном времени нынешнего соединения с интернетом вполне хватает, то для биржевых операций с несколькими дополнительными каналами существующей скорости было явно недостаточно. Муж Франсуаза, мастер на все руки, должен был проконтролировать работу вызванных из местной фирмы специалистов, которые тянули кабель из подвала, где находилось связанное оборудование, в мой кабинет. А мне уже не терпелось снова, как в Питере, поиграть на бирже. Тем более что, работая отсюда, из Монако, я избавлялся от внимания контрольных органов Российской Федерации, занимающихся мониторингом банковских операций. Разве что Агентство ФАТФ? Но это уже будет французское отделение. А для него я буду просто новым игроком на бирже.

— Нет еще, мсье. Но к обеду обещал закончить, — Франсуаза говорит, опять прикладывается к своей чашке и затягивается. У нее очень изящные движения. Чем-то похожие на движения немочки, которая вчера пыталась клеиться ко мне в казино. Но вот внешне их сравнивать нельзя. Француженка значительно красивее. Почему большинство немок такие страшные? Последствия деятельности средневековой инквизиции, физически уничтожавшей красивых женщин, как якобы злых колдуний? Но ведь в той же Франции инквизиция тоже в средневековье лютовала. Меньше? Вряд ли. Или все это последствия двух проигранных мировых войн? Вроде бы после обеих в Германии был приличный голод, который мог отрицательно повлиять на генофонд. Но ведь у нас, в России, голодали никак не меньше, а девчонки в основной своей массе вон какие красивые.

А ведь я соскучился уже по дому, по Настене, по Дендику, по часто хмурому Вадиму. По мостам над замерзшей Невой, по нашей старой, но такой уютной квартире рядом с набережной Фонтанки с не очень-то стильной, но удобной мебелью. По моей красавице Нинке и — чего от себя-то скрывать? — по Валентине, с ее искушающей озорной улыбкой...

— Готов? — и, в ответ на мой кивок: — Начали!

Бросок! Я выскальзываю из его попытки захвата и сам провожу прием. Витя успевает сгруппироваться и летит на мат. Смачный такой звук при падении на свиную кожу. Мы проводим спарринги с Виктором почти каждый день. Я уже давно при тренировочных боях с ним не включаю режим Знания. Не требуется, работаем на равных. Конечно, Витя тяжелей, сильнее и опытней. Но зато я быстрее! У меня лучшая координация движений. Я научился почти мгновенно осваивать любые приемы. Вот мышечной массы мне действительно немного не хватает. Еще десяток килограммов совершенно не помешают. Впрочем, и это только вопрос времени. Виктор подкармливает меня стероидами в мизерном, совершенно не опасном для моего будущего, количестве. При отличном питании и приличной физической нагрузке я просто чувствую, как увеличиваются мои силы.

Час тренировки по боевым видам единоборств. Это реальный бой длится считанные минуты или даже секунды, а тренировка... Семь-восемь минут на машине до удобного пляжа и еще час плавания при любой погоде и температуре воды. Впрочем, особо холодно для нас здесь вообще не бывает. Местные уже привыкли и не обращают на нас особого внимания. Потом домой, полчаса понежиться в горячем джакузи, массаж — Клод и здесь оказался неплохим специалистом — душ и я готов к работе. Минут двадцать вполне достаточно, чтобы ознакомиться с материалами из Питера. Параллельно — сделать выводы и дать рекомендации. Нейман на последней видеоконференции дал очень высокую оценку моей работе. Приятно, когда такой крутой специалист так обо мне отзываться.

Часа три-три с половиной у меня уходит на биржу. Зря мы, что ли, небольшую местную брокерскую фирму выкупили? В среднем до сотни тысяч евриков в день получается. Мало? Конечно, мало, но шеф сказал, что больше пока не стоит.

— Не выпендривайся, Денис! Курочка по зернышку клюет.

Во, оказывается, какими поговорками Федорович иногда может выражаться!

Обед, здесь Франсуаза и Клод, показывают нам свои общие умения в кулинарном искусстве. Частенько в это время ко мне заскакивает Амелия. Ее очень удивляет, что наша прислуга сидит вместе с нами за одним столом. Такая демократичность в Туманном Альбионе не принята. Плевать! Это не мои проблемы.

А вот после обеда наступает время казино, ресторанов и частных вечеринок. Развлекуха по полной! Особенно когда можно немного принять. Вот сам не знаю почему, но французское шампанское мне нравится, в отличие от коньяка. Точнее, мне вообще не нравится коньяк. А ночью я возвращаюсь в свою квартиру не один. И чего Ами во мне нашла? Ну не деньги же, в конце концов. Их у нее самой на порядок больше, если не на два. Она приехала сюда отдохнуть и развлекаться, а я работать. Как в том анекдоте: "Почувствуйте разницу!"

Молодцы! Какие же они там, в Санкт-Петербурге молодцы! Интересная штука финансовые отчеты. Когда каждый день работаешь с присланными оттуда документами, анализируешь, даешь рекомендации — это одно. Но, когда смотришь сводный отчет за квартал всех наших различных фирм — вероятно, правильнее будет назвать это холдингом — то можно и нужно удивиться и порадоваться. За каких-то полгода захватить почти полтора процента всего рынка продовольствия такого большого города, как Питер — это много! Это очень много! Перманентный экономический кризис на всей планете? Но ведь есть что-то людям все равно надо. Так уж устроена современная система оптовой купли-продажи продовольствия, что стать монополистом в ней невозможно. Очень большое количество различных продуктов необходимо большому городу. Что-то можно вырастить рядом, что-то подвезти из более плодородных регионов России, а некоторые продукты могут быть доставлены только из-за рубежа. Вот в этой давным-давно занятой экономической нише мы и решили начать свою деятельность. Почему именно рынок продовольствия Питера? Очень много игроков совершенно разного уровня. Как следствие — достаточно сложно отследить, откуда реально ноги растут, то бишь — кто конкретно башляет. А с другой стороны — за счет лучшей организации логистики, некоторого сокращения промежуточных этапов перепродажи товара и других, на первый взгляд вроде бы не таких уж и существенных, мер в наших маленьких магазинчиках цены пусть не намного, но ниже, чем в других магазинах города. Что, соответственно, не дает крупным фирмам завышать цены в своих продовольственных супермаркетах до потолка. Как выразился Нейман:

— И мы свой гешефт имеем, и народу чуть легче жить.

В планах — помаленьку внедряться на рынок товаров первой необходимости.

Поразвлеклись и хватит? Так получается. Я сам отвез Амелию в аэропорт Ниццы. Сам выгрузил из машины ее многочисленный багаж и погрузил на транспортер стойки регистрации пассажиров.

— Денис, я люблю тебя, — вдруг сказала Ами, как всегда немного неправильно выговаривая мое имя, когда мы уже стояли у входа в пассажирский накопитель. Туда провожающих не пускали.

Любит? И ни разу не сказала этого раньше, длинными-длинными ночами, когда мы не могли оторваться друг от друга? Говорила, какой я хороший, сильный, неутомимый, но вот этого не сказала ни разу.

До меня вдруг дошло, что Амелия произнесла это совершенно спокойно, разве что интонации были очень грустными.

А я... Я смотрел на ее милое, немного круглое лицо и не знал, что ответить. Признание Ами... Нет, такого я никак не ожидал. Слишком легкими были наши отношения, ни к чему вроде бы не обязывающими. Даже инициатива нашего знакомства исходила никак не от меня. Серые глаза в обрамлении длинных ресниц, чуть вздернутый носик, немного припухшие от моих поцелуев губы... И одинокая слеза выкатившаяся из самого уголка глаза... Я смотрел и молчал. Ну не знаю я, что сейчас сказать! Как обухом топора по голове получил. Или, правильное, пыльным мешком?

— Мы еще увидимся? — она по-прежнему была абсолютно спокойна. Дворянское воспитание? Мне вдруг ни к селу, ни к городу вспомнился старый, начала века, фильм "Радости и печали маленького лорда" со Станиславом Говорухиным в главной роли.

— Обязательно, — ответил я, — ты даже не представляешь, как скоро, — еще бы, ведь по планам Вадима мне в ближайшее время предстоит получить пару дипломов Оксфорда. Да и сама "конюшня" "Макларен" — английская.

— Разве что..., - пришлось мне добавить, — это единственное, что я тебе точно могу сейчас обещать.

Она поцеловала меня при всех прямо в губы, повернулась и пошла, не думая оглядываться. А ее походка... Легкая, свободная и, в то же время, выверенная до миллиметра. Это сколько же сотен лет надо было так учить этим графам своих детей, чтобы в генах такая королевская походка отложилась?

Она уходит, а я мучительно пытаюсь понять, что такое любовь. Секс? Очень сомневаюсь. Вот сестру я люблю по-настоящему. Люблю погибших родителей, умершего деда. Амелию? Нинель? Валентину? Не знаю. Но вот расставаться сейчас с Ами очень не хочется...

Азарт? Ни в коем случае! Только холодный разум и сосредоточенность. От Монако до Неверо, около которого находится знаменитая трасса Маньи-Кур, всего-то шесть-семь часов езды. Гран-при "Формулы-один" там уже не проводятся. Последний выиграл Фелипе Масса в две тысячи восьмом. Трек, коренным образом реконструированный в конце восьмидесятых годов прошлого века, все-таки оказался не очень удачным. Достаточно сложный, и места для обгона соперника практически отсутствуют. Зима и соревнований в настоящее время очень мало. Купить тренировочное время и арендовать спортивную машину сейчас достаточно дешево. Дорогая только страховка, но и черт с ней, с ценой. Я накручиваю круг за кругом, останавливаясь только на дозаправку и редкую замену резины. Виктор смотрит на меня на "пит-стопах" сердитым взглядом, но молчит. Я же пообещал ему, что никаких аварий не будет. А он чувствует мою злость, видит что я, почему-то злясь сам на себя, взвинчиваю темп. И никак не может понять причину. Догадаться, что это Амелия, ему, слава богу, не дано.

Мне хватило всего три круга с периодическим включением режима ЗНАНИЯ только в самых сложных поворотах, чтобы все, даже самые мелкие особенности трассы, запомнились раз и навсегда. Теперь я шлифую круг за кругом, уже побив рекорд для этого класса машин. Да, это не болид с открытыми колесами, как на "Формуле-один". Но максимальные скорости тут не намного меньше. Скорость... Вот интересно, неделю назад прокатились с Ами на небольшом реактивном самолете какого-то ее знакомого. Меня даже за штурвал посидеть пустили на пятнадцать минут. Скорость этого самолета почти в три раза выше, чем у любого наземного гоночного болида, а вот ощущения... Земля где-то далеко внизу и сдвигается назад медленно-медленно. Совершенно не те ощущения, что на машине. В умных трудах по физиологии человека сказано, что все зависит от потребного времени реакции. На трассе это время на порядки меньше. Здесь и сейчас нельзя отвлечься даже на мизерную долю секунды. И я уже который час выматываю себя и учусь не снижать внимание.

Все, пора заканчивать. Последние четыре круга я наштамповал один в один без

ошибок. Есть, конечно, небольшая разница во времени прохождения. Но ведь надо учитывать износ резины и уменьшение массы автомобиля из-за расхода горючего.

Выбираюсь из машины, сдираю эти чертовы перчатки и шлем.

— Устал? — участливо спрашивает Виктор.

— Есть немного, — ну как же хорошо. Можно потянуться, расслабиться и, наконец-то, выкурить сигарету.

— Завтра опять? — в его голосе некоторое напряжение. А ведь Витя тоже устал. Стоять с приличным напряжением и смотреть, как я круг за кругом проношусь мимо него на бешеной скорости вероятно тоже не очень просто.

— Нет, — успокаиваю я его, — больше здесь я уже ничего не вытяну.

— Аккуратней надо, Денис. Я, конечно, понимаю, что тебе хочется всего и сразу, — голос у Вадима был чуть-чуть глуховатый, — но пока ты должен светиться только как удачливый игрок на бирже. Вот зачем ты побил рекорд трассы в Маньи-Куре?

— Ты чего так выглядишь? — ответил я совершенно невпопад на его руководящие указания. — Работы много? Перетрудился?

Он посмотрел на меня, точнее на экран своего ноутбука. Так как камера находилась на верхней кромке крышки, то выглядело это так, как будто он сосредоточенно разглядывает мои губы, словно ожидая, что я еще такого брякну.

— Хватает работы, — все-таки ответил Вадим на мой вопрос, — выше крыши, — И... — он сделал маленькую паузу, — ты когда с Настей говорил?

— Позавчера также как сейчас с тобой по "скайпу" связывался, — причем здесь сестренка?

— Забрать к себе можешь?

— Что-то случилось?

— Пока, тьфу-тьфу-тьфу, — он сделал вид, что поплевал через плечо, — ничего. Но, некоторые неприятные факторы имеются. Кто-то в ее школе под видом чиновника из министерства образования наводил о Настеньке справки. Информация ко мне поступила слишком поздно, и проверить, кто конкретно это был, мы не смогли. Не нравится мне эта возня около твоей сестры, очень не нравится, — он помолчал чуть-чуть, — да и ей самой жить под постоянной опекой секьюрити явно надоело. А там у вас в Европах с этим все-таки проще.

— Тогда давай немедленно отправляй ее сюда!

— Хорошо. Я почему-то так и думал, что ты возражать не будешь, — наконец-то улыбнулся Вадим, — документы заранее готовить начал. Буквально через день-два будут. Но есть тут одна мелочь, — он замялся, — ей ведь всего одиннадцать. Будет проще, если она полетит с кем-нибудь из родителей. Приемных родителей, — поправился подполковник, увидев несколько изменившееся выражение моего лица, — а я, как понимаешь, бросить работу не могу.

Это что же такое получается? Он сам отправляет Валентину ко мне? Подполковнику ведь наверняка доложили, что у меня здесь есть практически постоянная женщина. Расчет на это? Но ведь Амелия неделю назад улетела в свою Англию. Или?.. Вот только сейчас до меня дошло, что сейчас там, в России, все очень и очень не просто. Подполковник вывел меня из игры — надо признать, очень опасной игры — там, а теперь хочет удалить оттуда все самое дорогое, что у него есть. Не желает, чтобы сейчас рядом с ним был кто-то, кого можно взять в заложники и потом шантажировать самого Баландина? Перестраховывается? А то, что у нас с Валею здесь опять может что-нибудь произойти, считает наименьшим злом? Да, ситуация! Не детские игры. С одной стороны уже слишком большие деньги на нас завязаны. А с другой... Могло всплыть что-то о нашей операции по Прохорову? По моей экспресс-акции с Пономарем? По одной из многочисленных операций прикрытия наших фирм в

Питере, в которых я принимал участие? Черт его знает, но вот то, что произошло некоторое перераспределение в финансовых потоках северо-западного региона Российской Федерации, очень многие не просто могли заметить, а были обязаны. Аналитику на таком уровне ведь никто не отменял. А то, что практически все нити сходятся к Баландину и Нейману, которые прикрыли меня, вычислить было не так уж и сложно.

Громадный экран над широкими распахнутыми дверями зала прибытия аэропорта в Ницце показывает всех, кто подходит к нему по "зеленому коридору" от стоек паспортного контроля. Ну, наконец-то! Вон они идут. Заметно подросшая Настенка пытается гордо шествовать впереди, еле удерживая поводок с рвущимся вперед Денди. Они и моего пса сюда привезли! По бокам от Насти Валентина и Катенька Воронова, а сзади, толкая большую телегу с сумками, каланча — высокий, метр девяносто два, Николай Воронов, капитан ФСБ и Катенькин муж. И как он с таким ростом в наружке работает? Вадим отправил с Настеной и Валея персональную охрану.

Метров за пять Дендик не выдерживает и сильным рывком вырывает поводок из руки сестренки. Прыжок, и он впечатывается в меня, пытаюсь сквозь широкие прорези в коже символического намордника своим мокрым языком облизать лицо. Я, еле удержавшись на ногах, сдергиваю намордник и позволяю Денди выполнить требуемое. Его радостный лай слышен, наверное, на весь аэропорт.

— Ну все, хватит, хватит, — подхватив поводок я наматываю его на ладонь и таким образом хоть как-то могу ограничить передвижения пса.

Отставив руку с Дендиком в сторону, я теперь могу обнять Настену. Вроде бы не так уж давно расставались, но только сейчас понимаю, насколько соскучился по сестренке.

Ее поцелуй в щеку, Валентины — в губы и Катенькин, тоже в щеку. Только Коля избавляет меня от этих телячьих нежностей, солидно пожав руку.

Погрузили багаж и разместились сами в арендованном вчера "Инфинити". Тяжелая машина, для меня жутко медленная, но вместительная. Витя за рулем, Валя рядом. Я сижу вместе с прижавшейся ко мне Настенькой сзади, а Дендик развалился у меня в ногах. Чета Вороновых вольготно устроилась на среднем ряду сидений. Поехали!

Я сам себе не верю. Она приходит в мою спальню почти каждую ночь. И через час-полтора уходит. А утром — как будто ничего и не было. Валентина почти выдворила Франсуазу из кухни и кормит нашу теперь уже немаленькую компанию завтраком. Обнимает Настену, перекидывается шуточками с Катей, подкалывает ее мужа и Виктора. Может походя разлохматить мои волосы и потом сказать, что я опять не причесывался. Заметить, что между нами что-то было, невозможно. Валя держит себя абсолютно непринужденно. Научилась, наверное, конспирации от Вадима. В принципе сдать нас может только Денди, поселившийся в моей спальне, но он пока на наше счастье говорить еще не научился.

После завтрака — на пляж. Купаться в холодной для нее воде наша лучшая половина человечества никакого желания не изъявляет. Поэтому на берег Средиземного моря отправляются только мужчины. Пока дамы наслаждаются шопингом, мы успеваем намотать несколько километров различными стилями плавания. Не меняет стиль только Дендик. У него он один — по-собачьи. Впрочем, он плавает всего несколько минут, выбирается, отряхивает мокрую шкуру, кувыркается на песке, потом опять отряхивается и только затем забирается на теплый капот "субарика" и лежит, вывалив язык, следя за нами глазами и изредка порывкая.

Жизнь налаживается?

Прочитал я наконец-то ту книгу, что подарила мне сестра на день рождения. Вчера вечером решил немного отдохнуть, сел в кресло, раскрыл на первой странице и... и только под утро закончил читать. Не скажу, что очень уж она, эта книга, меня потрясла, очень многое подобное рассказывал дед, но... Написано здорово! Фантастики как таковой там мало. В принципе — только завязка. А вот то, что люди гибли за Родину, что не выбирали, а, главное, не хотели выбирать себе жизнь за счет других... Но насколько все там реально показано!

Чего ради сейчас живем мы? Чего хотим и чего можем достигнуть? Вообще, к чему катится вся наша цивилизация? Странные, вероятно, вопросы для семнадцатилетнего парня. Н-да, дар сверхинтуиции чудовищно изменил меня. И я это отчетливо понимаю. Я теперь — другой. Может быть, даже не от мира сего. Иногда — обычный мальчишка, со свойственными моему возрасту желаниями. Хочется достигнуть чего-то очень крутого, стать бешено знаменитым. Из меня так и прет желание хвастаться, какой я великий. Юношеский максимализм — ну куда же без него? И одновременно... Я, чем дальше, тем больше, начинаю все и вся просчитывать. Причем зачастую — без включения режима Знания. Зачем? И так все понимаю правильно. Соответственно, с моей точки зрения. Объем знаний, с учетом моей почти ничего не забывающей памяти, наверняка уже превысил таковой у основной массы людей далеко не юношеского возраста. И выводы, к которым я прихожу, отнюдь не оптимистические. Вот, если отвлечься от текущих сиюминутных проблем, если попробовать посмотреть на себя со стороны? Не на меня, Дениса Александровича Стрельникова, конкретно, а на все человечество планеты Земля. А ведь страшно! Если попробовать проанализировать нашу историю, то вполне понятно, что во все времена мы двигались вперед, раздвигали горизонты своего знания. Были ошибки, были повороты не туда, куда надо, но двигались. Рабовладельчество, феодализм, фашизм — детские болезни цивилизации? Может быть, но сейчас, когда они в основном остались в прошлом, это уже не так важно. А что важно? То, что ситуация кардинально изменилась. Сначала человек открывал для себя новые земли. И делал все возможное, чтобы их подгрести под себя. Потом, когда открывать стало уже нечего, началась дележка. Сумбурно я все-таки размышляю. Итак, делили планету, воевали. Почему? Потому, что если человек перестает желать для себя и своих близких чего-то большего — он уже не человек. Закон? Аксиома? Не в формулировке суть. Главное, что это так и есть. Пошли дальше. В основном — поделили. Что потом? А ничего! Некуда стало двигаться. Для развития цивилизации необходимо движение вперед. Раздвигать горизонты! Куда? Земля, как теперь выяснилось — планета маленькая. Оставаясь на ней, человечество постепенно сожрет само себя изнутри. Первые признаки этого видны уже сейчас невооруженным взглядом. Еще несколько десятков лет максимум, и мы, сами того не желая, передеремся друг с другом. Оружие становится все мощнее, а его количество на Земле уже превысило всякие мыслимые пределы. Мы сейчас на маленькой планете как перегретый котел. Маленькая щелка, непрочность в каком-то одном месте — и взорвемся. Третья мировая с применением выскользающего из-под контроля атомного оружия с последующей ядерной зимой и в результате смерть всего живого? Почти наверняка!

Есть ли хоть какая-нибудь перспектива? Существует ли выход? Я вижу только один — космос. Далекие звезды ведь во все времена манили людей. Во второй половине двадцатого века взлетели на орбиту Земли. Кое-как, но добрались до Луны. И все? Это все, что смогло сделать человечество? Неужели мы такие слабые? Отец говорил, что во времена его юности все были уверены, что покорение космоса — дело ближайших десятилетий. А сейчас? На Марс послать пилотируемый корабль собираются только в сороковых годах. Не поздновато ли будет? Нет, наверняка, если в ближайшие годы, на крайний случай — в ближайшие десятилетия, прекратить эти детские игры в большой песочнице под названием планета Земля и заняться поиском способов выхода в глубокий космос, к далеким звездам, то,

сосредоточив на этом все усилия цивилизации, можно попробовать успеть. Ядерно-реактивный двигатель? А ведь работы по нему в Советском Союзе велись. И, по рассказам отца, весьма активно и небезуспешно. Какой-нибудь прыжковый двигатель? Кто его знает, такие вопросы в одиночку не решаются. Необходимо прекратить выбрасывание на ветер огромнейших ресурсов — разработку и изготовление оружия. Использовать эти ресурсы для развития науки, и только в этом случае можно будет найти способ путешествий в космосе. Вот, как-то так, по моему скромному разумению.

Ну, хорошо, а что здесь могу сделать лично я? Как заставить все человечество Земли делать то, чего желаю именно я, Денис Александрович Стрельников, семнадцати лет отроду? Требуется Власть! Именно, что с большой буквы. Ага, щаз! Поднесут на блюдечке с голубой каемочкой. Власть не дают, власть берут силой! Как? Сначала эту силу надо заиметь. Каким образом? Объединить сильных людей вокруг себя. Стать сильным сначала в регионе, потом в державе и только затем распространить свою силу на всю планету. То есть, по сути, делать так, как наметил Вадим? "Правильным путем идем, товарищи!", вспомнился мне знаменитый лозунг прошлого.